

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 7 (73). № 1

**Симферополь
2021**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7(73), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 01 от 25.01.2021 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор (г. Симферополь);

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борицкая Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры культурологии философского факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 25.01.2018. Формат 70x100 1/16. 13 усл. п. л. Заказ № НП/402. Тираж 25 шт. Бесплатно.

Дата выхода в свет 10.11.2021 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Адрес редакции, издательства и типографии:

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7. <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94 : 297 (470-321.9)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-3-18

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В КРЫМУ (В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

Абидуллаева Д. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: abibullayeva.d@bk.ru*

Рассмотрено становление и развитие благотворительных организаций крымскотатарского народа, основными задачами которых были борьба с бедностью и неграмотностью среди мусульманского населения в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрена ведущая роль в деле развития благотворительности представителей крымскотатарской интеллигенции, с помощью которых решались вопросы просветительского социально-гуманитарного характера, проблемы в развитии образования и культуры.

Вовремя очередного собрания Таврических дворян в 1893г. известным общественно-политическим деятелем Исмаилом Муфти-заде, была подана идея о необходимости Крымских мусульман благотворительной организации. Для этой цели тогда же между мурзами была собрана 150 руб., которые послужили основанием капитала. Исмаилом Муфти-заде был составлен «Устав Крымского благотворительного общества в г. Симферополя для вспомоществования нуждающимся Крымским татарам», который был рассмотрен и подписан в Министерстве внутренних дел 24 декабря 1896г. Крымское благотворительное общество мусульман в г. Симферополе «Джемиет хайрие» состояло в ведении МВД. Отчеты деятельности благотворительности общества после рассмотрения и утверждения рассылались всем членам общества, а через Таврического губернатора и попечителя Одесского учебного округа, представлялись в МВД и в Министерство народного просвещения. Общество благотворительности имело свою печать и имело право приобретать и реализовывать собственное имущество на оговоренных законом основаниях.

Согласно «Уставу» целью общества была работа в двух главных направлениях в социально-благотворительном и в благотворительно-просветительском. По первому направлению Общества проявляло заботу и помогало неспособным к труду престарелым и больным лицам из числа крымских татар, оказывало им реальную материальную помощь. По второму направлению благотворительная организация крымских татар, способствовала открытию с надлежащего разрешения русско-татарские училища, русские классы при существующих мектебе и медресе, размещения сирот и беднейших детей в ремесленные училища.

Согласно «Устава» членам этого общества могли быть лица обоего пола, всех сословий и званий, кроме несовершеннолетних учащихся, запятанных судом. Члены общества делились на несколько категорий: почетных членов, действительных членов общества. Деятельность благотворительного общества мусульман в г. Симферополе отражен в отчетах общих собраний разных городов, где рассматриваются положительные стороны и недостатки в работе общества.

В начале XX в. Благотворительные общества крымских татар были созданы в других городах Крыма: Ялте, Бахчисарае, Керчи, Евпатории, Карасубазаре, деятельность которых была направлена на решение социально-гуманитарных просветительских проблем.

С началом Первой мировой войны финансовое положение Общества значительно ухудшилось, тем не мене нуждающиеся крымские татары продолжали помогать получать материальную помощь до

1920г. С Установлением советской власти в Крыму благотворительные общества прекратили свое существование. История создания и развития мусульманских благотворительных обществ в Крыму достойно глубокого научного исследования.

Ключевые слова: Симферопольское благотворительное общество пособия бедным мусульманам Крыма, Исмаил Муфтий-заде, благотворительность, крымские татары.

В современных условиях развития общества важное значение приобретает изучение такого социокультурного понятия как благотворительность и меценатство, которое выступает как средство взаимодействия между органами государственной власти и гражданским обществом в борьбе с обездоленностью, детской и подростковой преступностью. В связи с этим история благотворительной деятельности в Крыму занимает особое место, ибо без учета опыта, накопленного нашими предками, невозможно осуществлять успешную работу и реализовывать социальные инициативы. Реконструкция исторического процесса создания и деятельности общественной благотворительности крымских татар до нынешнего момента не была осуществлена местными историками, что и определило выбор данной темы исследования.

Историография нашей работы состоит из научных трудов крымских ученых, которые эпизодически в контексте тех или иных проблем рассматривают отдельные аспекты деятельности благотворительных организаций крымских татар второй половины XIX – начала XX вв. Известный ученый В. Ю. Ганкевич в своих трудах рассматривает деятельность региональных крымскотатарских благотворительных обществ помощи бедным мусульманам в открытии национальных школ «мектеберуштие» в городах Крыма [3; 4]. В научном исследовании А. Н. Савочки особое внимание уделено общественной благотворительной деятельности в Ялтинском уезде Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв, рассмотрен вклад крымскотатарского Общества пособия бедным татарам Южного берега Крыма, в дело развития филантропии [20]. В монографии Л. И. Королёвой рассматривается многолетняя деятельность основателя и председателя правления Симферопольского благотворительного общества мусульман И. Муфтий-заде [11]. Настоящая работа базируется на архивных и малоизвестных печатных источниках, которые впервые вводятся в научный оборот и это является первой попыткой комплексного исследования процесса развития благотворительности крымских татар в конце XIX – начале XX века.

Цель данной работы – реконструкция истории становления и развития крымскотатарских общественных благотворительных организаций в Крыму в конце XIX – начале XX вв.

1. Создание и деятельность благотворительного общества крымских татар в г. Симферополе

В пореформенную эпоху (1861–1904) Крым по-прежнему входил в состав Таврической губернии с центром в Симферополе. Кризисное состояние Российского государства после поражения в Крымской войне потребовало от правительства

императора Александра II разработки комплексных реформ, целью которых было преодоление отсталости основных отраслей её хозяйства. Для развития общественных институтов огромное значение имела начатая в 1864 году земская реформа, создавшая в губерниях и уездах систему местного самоуправления в виде земских органов. Аналогом земской реформы в городах стала проведенная в 1870 г. городская реформа. В городах Крыма были созданы выборные городские думы и формировавшиеся ими городские управы во главе с городским головой. Земская и городская реформы способствовали активизации в России общественного движения, формировавшего основы для создания в будущем и благотворительных организаций [16, с. 50].

В Симферополе – столице Крыма, благотворительность крымских татар достигла выдающихся успехов в деле поддержки обездоленного и нуждающегося мусульманского населения. Инициатива открытия Крымского мусульманского благотворительного общества «Джемиет хайрие» принадлежит Исмаилу мурзе Муфтий-заде – известному общественно-политическому деятелю, полковнику в отставке. За отличную службу он был награждён орденами Святого Станислава 3-й и 2-й степени в 1869 и 1875 годы, а также получил серебряную медаль на Александровской ленте в память Александра III, оставив при заслуженных доблестях военную службу, он так же серьёзно занялся общественной деятельностью [2]. В 1894 г. по выборам дворянства он был избран депутатом от Бердянского уезда. В этом же году он стал почётным попечителем Симферопольской татарской учительской школы, где он кроме ежегодного пожертвования 200 рублей выразил желание ежегодно платить за уроки музыки крымскотатарским мальчикам, на личные средства купил соседний двор и передал в пользование школе с рассрочкой платежа без всяких процентов. 1 января 1895 г. «за отлично-усердную службу в звании Почетного попечителя Симферопольской татарской учительской школы» Исмаил Муфтий-заде был награждён орденом Святой Анны [1].

Необходимо отметить, что И. Муфтий-заде был членом научно-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии и главным результатом его деятельности следует считать его сочинение «Очерки военной службы крымских татар с 1783 по 1899 гг.», отражавших славный военный путь крымских татар в составе русской гвардии и армии [1]. Наивысшим достижением и апогеем политической карьеры И. Муфтий-заде было его избрание депутатом Государственной думы Российской империи III созыва (1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.). Именно в этом статусе он состоялся как политический деятель общероссийского масштаба [11, с. 112]. Таким образом, И. Муфтий-заде был известен как хороший, активный организатор, обладал большим авторитетом и к его мнению прислушивались многие из его соотечественников.

Ещё в 1893 г., во время очередного собрания Таврических дворян, Исмаилом Муфтий-заде была подана идея о необходимости для крымских мусульман благотворительного учреждения и для этой цели тогда же собрана между мурзами 150 рублей, которые послужили основанием капитала. После этого Исмаилом

Муфтий-заде был составлен «Устав Крымского благотворительного общества в г. Симферополе для вспомоществования нуждающимся крымским татарам», который был представлен на рассмотрение в Министерство внутренних дел (МВД) и скреплён за министра внутренних дел подписью товарища министра внутренних дел сенатором бароном Инскуль фон Гильденбантом 24 декабря 1896 г. [14].

Несомненно, при разработке «Устава» учитывались замечания многих общественных деятелей из числа крымскотатарской интеллигенции. Но следует отметить, что большую часть идей выдвинул И. Муфтий-заде, он стремился точнее сформулировать основные положения «Устава», и не мало усилий он приложил для утверждения этого документа. Всё это даёт основание утверждать, что именно его заслугой является идея написания «Устава» и ее воплощение в жизнь [11, с. 72].

Крымское благотворительное общество в г. Симферополе состояло в ведении МВД. Его отчеты после рассмотрения и утверждения рассылались всем членам, а через Таврического губернатора и попечителя Одесского учебного округа, представлялись в Министерство внутренних дел и в Министерство народного просвещения. Благотворительное общество имело свою печать и имело право приобретать и реализовывать собственное имущество на оговоренных законом основаниях [21, с. 2]. Согласно «Уставу», целью благотворительного общества крымских татар в Симферополе была работа в двух главных направлениях: в социально-благотворительном и в благотворительно – просветительском. Что касается первого направления, то благотворительное общество могло брать на себя заботу и покровительствовать неспособным к труду престарелым и больным лицам из числа крымских татар. Кроме того, оно имело право оказывать реальную, материальную помощь разорившимся ремесленникам-кустарям, выдавая им орудия производства, материал и даже денежные пособия.

Что касается второго направления, благотворительная организация крымских татар, развивала свою деятельность в русле заботы об открытии с надлежащего разрешения русско-татарские училища, русские классы при существующих крымскотатарских мектебе и медресе, учреждения в г. Симферополе общежития для учащейся молодежи, а также размещение сирот и беднейших детей в ремесленные училища или к известным добросовестным мастерам [21, с. 2]

Согласно «Уставу, членами этого общества могли быть лица обоего пола, всех сословий и званий, кроме несовершеннолетних, учащихся, запятнанных судом. Члены общества делились на несколько категорий: во-первых, наличие почетных членов, которые избирались общим собранием и состояли из Таврического губернатора, Таврического губернского предводителя дворянства, Таврического муфтия, директора народных училищ Таврической губернии и инспектора Симферопольской татарской учительской школы, при условии их непосредственного согласия. Кроме них, почетным членом благотворительного общества крымских татар в г. Симферополе могли стать «лица, оказавшие Обществу, сообразно с целью услуги, или вносящие в кассу Общества единовременно 500 руб., или ежегодно по 50 руб.». Почетным членам Общества выдавались специальные изящно изготовленные дипломы [21, с. 3]. Другой

категорией были действительные члены Общества, которые были обязаны делать ежегодный денежный взнос в размере 5 руб. Им должны были выдаваться особые билеты. Для открытия благотворительного общества было необходимо наличие не менее 30 членов, которые считаются учредителями. Таковым членам-учредителям после открытия Общества присваивалось звание почетного или действительного члена, «согласно уплачиваемым им денежным взносом или принятым ими на себя обязанностям» [21, с. 3]. И, наконец, последней категорией были члены-соревнователи, которые могли делать взносы в кассу Общества деньгами менее 5 руб. Если член благотворительного общества мусульман не уплачивал соответствующий денежный взнос или не исполнял возложенные на него обязанности, в течение этого срока, то он автоматически исключался. Правда, позже он мог восстановиться.

Важным аспектом функционирования благотворительного общества крымских татар в г. Симферополе, был вопрос, связанный с источниками существования и хранения капиталов. Главными источниками поступления средств были членские взносы, пожертвования деньгами как членов, так и посторонних лиц, а также частных и общественных учреждений. Также в доход Общества могли поступать средства, собранные через благотворительные мероприятия: публичные чтения, спектакли, концерты и т.д., и, наконец, средства Общества могли извлекаться из принадлежащих ему имуществ и капиталов. Единовременные членские взносы, пожертвования по назначению самих жертвователей и некоторая, определяемая общим собранием часть всех вообще поступлений в кассу Общества, образовывали неприкосновенный капитал. По мере накопления данный капитал обращался в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги. Они хранились в Государственном банке, его отделениях или, с соответствующего разрешения, в местном казначействе [17, с. 39].

Структура управления общими делами мусульманского благотворительного общества в г. Симферополе состояла из нескольких звеньев. Среди них исполнительной функцией обладало правление, а распорядительной – общее собрание, были ещё так называемые «участковые попечители», которые избирались общим собранием из состава действительных членов, а их численность устанавливалась «по мере их действительной надобности» [21, с. 8]. Правление благотворительного общества крымских татар в г. Симферополе состояло из председателя, его товарища (заместителя), казначея, секретаря, двух членов и представителей от Симферопольской мужской казенной гимназии и СТУШ. Представители от учебных заведений назначались по рекомендации попечителя Одесского учебного округа. Все должностные лица правления избирались общим собранием сроком на три года. Все члены правления служили делу развития благотворительной организации на общественных началах и бесплатно. И только канцелярские расходы покрывались за счёт бюджета Общества. Правление созывалось довольно часто, обычно его собирал председатель по личному усмотрению. Но можно было открыть заседание правления, «и по требованию не менее 3 его членов». Заседание правления считалось состоявшимся, если кроме

председателя и его заместителя присутствовали ещё три члена. Постановления правления заносились в особый журнал, который подписывался всеми присутствовавшими на заседании членами [21, с. 5].

На правление Общества возлагалась обязанность созывать общие собрания, составлять и предоставлять на его утверждение отчёт о суммах и деятельности за истёкший год с запланированными на будущий год сметами. В обязанности правления входил поиск мер к увеличению средств и достижению его цели. Обязанности в правлении Общества распределялись между членами по взаимному согласию. На правление возлагалось заведование имуществами и капиталами и наблюдение за исполнением буквы «Устава». В обязанности председателя правления входило созывать заседания правления и общих собраний, руководить совещаниями в работе правления, следить за исполнением их постановлений и за ходом работы Общества. Он подписывал все исходящие документы, скрепленные секретарём или казначеем. В обязанности казначея благотворительного общества крымских татар в Симферополе, входил приём всех поступающих денежных взносов и пожертвований. Приняв средства, он должен был выдать соответствующую квитанцию со своей подписью. Казначей по распоряжению председателя или его заместителя производил все денежные операции и выдачу иных материальных ресурсов, а также составлял годовую отчетность Общества. Характерно, что на руках у казначея могла находиться сумма, не превышавшая 200 руб. [21, с. 6].

Секретарь благотворительного общества крымских татар в г. Симферополе составлял журнал заседаний правления и общих собраний, вел учет членов Общества и лиц, прибегавших к его помощи. В последнем случае было необходимо указание собранных о них сведений, места жительства, а главное – род и размер оказанного им пособия. Он должен был составлять отчет о деятельности Общества и вообще вел его делопроизводство. В функциональные обязанности ревизионной комиссии входила проверка не менее одного раза в год денежных и недвижимых ресурсов Общества по соответствующим книгам и финансовым документам. Кроме того, она проверяла годовой отчет и смету, которое составляло правление [21, с. 7].

Что касается закрытия благотворительного Общества крымских татар в Симферополе, то оно не могло функционировать, если учредители в течение одного года не смогут собрать необходимых для открытия своей деятельности 30 человек. В этом случае Общество признается не состоявшимся, а инициативная группа должна передать свой «Устав» через Таврического губернатора в МВД. Право закрыть его деятельность имеет Таврический губернатор не только в силу закона, но и «всегда, когда он признает это необходимым по дошедшим до него сведениям о беспорядках в Обществе или нарушении «Устава» [11, с. 11]. Об этом доводится до сведения Министерств внутренних дел и народного просвещения через Таврического губернатора и попечителя Одесским учебным округом. Все его имущество, по определению общего собрания, одобренному Таврическим губернатором и утверждённому МВД, передается на нужды, «соответствующие цели Общества» [21, с. 11–12].

Следует отметить, что «Устав Крымского мусульманского благотворительного общества в г. Симферополе «Джемиет хайрие» отразил основные стороны деятельности мусульманских благотворителей в регионе, которые должны были заботиться о стариках и малоимущих, помогать попавшим в беду единоверцам и бороться за просвещение молодежи, давая ей шанс на интеллектуальное и профессиональное развитие. Этот документ стал вехой в развитии общественной мысли крымских татар, а долготелая работа благотворительного Общества свидетельствует о его социальной необходимости и значимости [11, с. 81].

Уже 24 декабря 1896 г. устав Общества был утверждён Министерством внутренних дел, а в январе 1897 г. благотворительное общество мусульман в г. Симферополе получило правительственное утверждение и начало активную организаторскую работу. Ближайший соратник И. Муфтий-заде, редактор газеты «Терджиман» Исмаил Гаспринский активно поддерживал идею о создании благотворительного Общества мусульман и надеялся, что читатели «без сомнения охотно будут помогать кто чем может обществу» [9]. На страницах газеты освещалось значение Общества и его цель в деле благотворительности и просвещения мусульман края. Издание призывало состоятельных соотечественников материально поддерживать общество в деле благотворительности и приглашало к сотрудничеству всех желающих, которые принимались в члены общества в любое время [10; 12].

7 июня 1897 г. торжественно открылось первое заседание Крымского благотворительного общества пособия бедным мусульманам г. Симферополя «Джемиет хайрие». После молитвы дереккойского имама Сулеймана эфенди, редактор газеты «Терджиман» И. Гаспринский кратко сообщил о цели благотворительной организации и обязанности первого общего собрания. Председателем собрания был избран Таврический муфтий Мемет мурза Кипчакский, а секретарём И. Гаспринский. Первое общее собрание состоялось при наличии 62 учредителей, внесших 975 рублей. Членами благотворительного общества были представители крымскотатарского дворянства, мурзачества, духовенства, которые представляли национальную интеллигенцию. После обсуждения главного вопроса об избрании руководящих органов Общества было проведено тайное голосование. После объявления результатов стало известно, что председателем правления стал Исмаил мурза Муфтий-заде, заместителем – Али мурза Тайганский, членами правления – Сеит Асан Омеров, Сеит мурза Ибраимов, казначеем – Мустафа мурза Кипчакский, секретарём – Амет мурза Муфтий-заде [12]. 22 февраля 1898 г. под председательством И. Гаспринского состоялось отчетное заседание Крымского благотворительного Общества мусульман в г. Симферополе, на котором присутствовало 50 членов. В ходе отчетного мероприятия выяснилось, что Общество объединяло 18 почетных, более ста действительных членов и три «соревнователя», а также среди его членов насчитывалось 11 женщин, из которых две были почётными. Они обычно делали довольно солидные финансовые вложения, например, Сайде ханум. Ширинская и

Шейх-Альме ханум Абдураманчикова сделали вклад в казну Общества по 50 руб. [11, с. 82].

В 1899 г. председателем правления Общества был избран Адиль мурза Карашайский, который привлек значительное число членов из мурз Симферопольского и Перекопского уездов, что способствовало увеличению капитала благотворительной организации. В 1901 г. председателем вновь был избран Исмаил мурза Муфтий-заде. В это время, ещё не успевшему как следует укрепить Обществу крупную материальную и нравственную поддержку оказал пожизненный член его, известный бакинский благотворитель Аджи Зейнал Абдин Тагиев, единовременно внесший 1000 руб. Также как значительную материальную поддержку нужно отметить выданный благотворительному обществу мусульман в г. Симферополе в 1903 году вакуфной комиссией 600 руб. Уже к началу 1904 года капитал Общества состоял из 11.113 руб. 19 коп. За всё время Обществом было израсходовано по разным статьям благотворения до 8000 рублей. Такое материальное положение Общества обеспокоило редакцию газеты «Терджиман» и она с сожалением отмечала в своей публикации «Суммы эти, в сущности, весьма ничтожные и показывают, как мало развито общественное самосознание у наших крымских мусульман и как мало занимает их интересы жизни их общества и Общества нашем, в смысле увеличения его средств и расширению благотворительной деятельности» [14].

Наиболее полное представление о деятельности Общества дает знакомство с материалами IX очередного общего собрания, состоявшегося 23 марта 1906 года, посвящённого отчёту о проделанной работе правления общества в 1905 году. В это время председателем правления являлся Исмаил Муфтий-заде, его заместителем был Селямет Карашайский, казначеем и секретарем был избран Асан мурза Уланов. Членами ревизионной комиссии были Бектемир мурза Абдураманчиков, Сулейман Крымтаев, Осман Заатов и Адиль Караманов. Согласно уставу, Общество состояла из 10 почетных членов, которые платили взносы по 50 рублей: В. Трепов (Таврический губернатор), С. Скадовский, Адиль мурза Карашайский (Таврический муфтий, избранный в 1904 г.), Исмаил Муфтий-заде (избранный общим собранием в 1897 г.), Аджи Зейнал Абдин Тагиев (избранный общим собранием 1897 г.), Суаде – Ханум Балатукова, Омер мурза Мансурский, Кендже Аджи Абдуль Барий, Али мурза Тайганский, Сеит Мегмет Челеби Топузов. Общество состояло также из двух пожизненных членов Али-бея Балатукова с 1903 года и Сеит-Халила Чубукчи с 1901 года, с единовременным взносом по 100 рублей, 105 действительных членов с платой по 5 рублей и 8 членов по 3 рубля [6, л. 98 – 99].

Капитал общества формировался за счет пожертвований его членов, а также за счет поступления значительных денежных пособий с вакуфного капитала, Губернского земского собрания, Симферопольского, Евпаторийского, Перекопского уездных собраний, и к 1 января 1905 года фонд Общества состоял из 14015 рублей. В этом же году из этого капитала общества были выданы 29 нуждающимся мусульманам ежемесячные и единовременные пособия. В дни Рамазана и Курбан-байрам также выдавались единовременные пособия в городах Симферополе,

Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре и мусульманам, содержащимся в Симферопольской тюрьме [6, л. 20]. Правление общества выделяло денежные средства на улучшение положения татарских мектебов и строительство новых школ. Выдавались пособия на содержание трёх учеников-стипендиатов, воспитывавшихся в Симферопольской татарской учительской школе – Ильясу Мансурскому, Якубу Джемилеву – 210 рублей, Сеит-Умерову Сулейманову в городе Каире – 200 руб., последнему по постановлению общего собрания от 29 января 1904 года. Были выделены пособия на экипировку 19 бедных учеников и учениц [6, л. 20].

На первом этапе развития благотворительного общества мусульман в г. Симферополе (1897–1909 гг.) главное внимание уделялось развитию благотворительно-просветительского направления деятельности организации. Такая деятельность проходила по нескольким направлениям. Во-первых, оказывалась конкретная помощь по развитию СТУШ, это продолжалось довольно долго, пока в результате реформирования начале XX века «в силу указаний жизни и времени среди мусульман Крыма народилась мысль о необходимости создать учебное заведение для подготовки учителей для начальных новометодных учебных заведений крымских татар и подготовки абитуриентов для государственных средних школ и конфессиональных медресе. Во-вторых, с 25 сентября 1905г. в г. Симферополе было открыто учебное заведение нового типа, которое отличалось более светской программой обучения, но, главное, занятие в нём проводились на крымскотатарском языке. Оно стало называться мектебе-руштие. С самого начала благотворительное общество мусульман в г. Симферополе активно участвовало в процессе создания и всемерно помогало его развитию. Особую роль в этом сыграл глава благотворительного общества Исмаил мурза Муфтий-заде. Так, в 1907 г. правлением общества на XI очередном собрании было разрешено израсходовать более 259 рублей на одежду 29 учащимся из неимущих семей, и также за его счёт этой категории детей выдавались учебные книги. Также на имя организации было приобретено смежное дворовое место, которое с расходами по совершению и утверждению купчей обошлось в 910 руб. 75 коп. Это понадобилось для капитальной реконструкции всего комплекса учебного заведения. Тогда же были пристроены два классных помещения и переделан зал, что обошлось в сумму 2327 руб. Общий расход на содержание мектебе-руштие в том году обошёлся благотворительному Обществу мусульман в г. Симферополе, с учетом взимания платы с родителей учащихся в 3617 руб. [16]. Ещё одной формой благотворительности стало выделение стипендий для талантливой молодежи из числа крымских татар, обучающихся в разнообразных учебных заведениях. В 1907 году было выдано содержание четырём стипендиатам Общества: Якубу Джемилеву, Ильясу Мансурскому – воспитанникам СТУШ; Сеит Умеру Сулейманову обучавшийся в Каире и Сулейману Идрисову в Петербурге – 510 руб. На 1908 год стипендиатами Общества оставались Я.Джемилев и С. У. Сулейманов, который с согласия правления Общества переводился из Каира в Бейрут для продолжения образования и в текущем году им должны были выдать 340 рублей. Следует отметить, что благотворительное Общество мусульман в г.Симферополе во главе с

И. Муфтий-заде, понимало, что молодёжь должна получать качественное образование не только в Крыму, но и в престижных учебных заведениях. Поэтому оно добилось внесения в смету расходов статьи, по которой некоторые молодые люди получали помощь для продолжения образования за пределами Крыма [16]. Часто И. Муфтий-заде лично ходатайствовал перед собранием Общества, с просьбой поддержать желание крымскотатарских юношей учиться в гимназии. Так, на XII очередном общем собрании Общества от 18 января 1908 года И. Муфтий-заде «словесно заявил о просьбе Мемеджана Хайбуллы-оглу о пособии на подготовку для поступления в гимназию». Это было всецело поддержано и юноше была выделена на полгода сумма в размере 60 рублей [17, л. 10].

На втором этапе развития Крымского благотворительного общества мусульман в г. Симферополе 1909–1920 годы, большое внимание уделялось развитию благотворительного направления деятельности организации, а именно в оказании помощи бедным мусульманам. Правлением ежемесячно и одновременно выдавались пособия беднякам. Среди получавших денежную помощь значились старики, парализованные, вдовы. Благотворительные акции осуществлялись и к большим мусульманским праздникам – в дни Рамазана и Курбан-байрама. Правление Общества во главе С. И. Муфтий-заде решали жилищный вопрос среди беднейших слоев крымских татар, проживавших в городских населенных пунктах региона, в невыносимых условиях жизни.

На очередном XIII общем собрании Общества в 1909 году руководство организации, используя статистику последних лет, заметили тревожные факты вымирания крымскотатарского населения и особенно в городах. Оказывается, крымские татары, проживавшие в городах, жили в гораздо худших условиях, нежели в сельской местности. Это приводило к тому, что процент смертности был приблизительно равен проценту рождаемости, причем наблюдался огромный перевес смертности среди детей и молодых женщин. Кроме насущного жилищного вопроса, членов правления Общества беспокоили и проблемы помощи безработным, вызванной отсутствием профессионального обучения в регионе. Члены благотворительного Общества мусульман г. Симферополя понимали, что предстоит трудная и кропотливая работа, чтобы вывести крымскотатарскую бедноту из этих невыносимых условий жизни. Следует заметить, что в течении всего времени существования мусульманского благотворительного Общества г. Симферополя, постоянно решались самые насущные социальные проблемы, оказывалась посильная материальная помощь нуждающимся крымским татарам [18, л. 8].

Необходимо подчеркнуть, что вся деятельность этой благотворительной организации осуществлялась в течении пятнадцати лет под руководством Исмаила Муфтий-заде. Крымское благотворительное Общество мусульман г. Симферополя высоко оценило заслуги И. Муфтий-заде на XVII очередном собрании Общества и правление посчитало «уместным и своевременным поместить портрет его в зале заседания, если на это последует его согласие». Через пятнадцать лет непрерывной и активной деятельности во главе Общества И. Муфтий-заде отошел от дел 6

октября 1913 г., сохранив за собой звание почетного члена «Крымского благотворительного общества мусульман в г. Симферополе» [19, с. 42].

С началом Первой мировой войны финансовое положение Общества значительно ухудшилось, тем не менее нуждающиеся крымские татары продолжали получать материальную помощь. Данная организация, формально просуществовала до 1920 г. Таким образом, вся деятельность этой филантропической структуры была не только положительной, но и крайне необходимой, так как способствовала развитию просвещения в крымскотатарском сообществе [11, с. 92].

2. Благотворительные организации крымских татар в городах Крыма

В начале XX века представители крымскотатарской интеллигенции активно занимались филантропической деятельностью в городах Крыма. Так, в 1900 г. в Ялте было создано Общество пособия бедным татарам Южного берега Крыма, которое в будущем стало одним из наиболее многочисленных и состоятельных благотворительных объединений, созданных в Ялтинском уезде. Основными задачами организации были борьба с бедностью и неграмотностью среди крымских татар [20, с. 164]. Председателем правления Ялтинского благотворительного Общества был Эмир Асан мурза Бекиров. Уже в первый год существования, Обществу удалось учредить в с. Дерекоей профессиональную школу кройки и шитья. Здание было построено за счет средств Али Булгакова, который пожертвовал 12500 руб., а также добился субсидий от городских властей и вакуфной комиссии [5, л. 1–4]. Спустя год в с. Никита была открыта школа русско-татарской грамоты, во многом благодаря стараниям Исмаила Гаспринского и финансовой поддержке бакинского нефтепромышленника Шамси Асадулаева. Начиная с 1914 г., Общество оплачивало обучение бедных крымскотатарских мальчиков в учебных заведениях Алупки, Гаспры, Гурзуфа, Партенита и Симеиза и других населенных пунктах Ялтинского уезда. С 1914–1917 гг. финансовое положение Общества пособия бедным татарам Южного берега Крыма значительно ухудшилось, но тем не менее, нуждающиеся крымские татары из девятнадцати сёл Ялтинского уезда продолжали получать материальную помощь. Данная организация была одним из немногих филантропических объединений, просуществовавших до 1920 г. [20, с. 164].

Открытие мусульманского благотворительного общества в г. Бахчисарае, состоялось 10 августа 1905 г. тогда же на первом общем собрании был избран состав правления Общества и ревизионная комиссия. 12 августа 1905 г. на заседании правления, председателем избрали инициатора открытия этого Общества, городского головы Мустафу мурзу Давидовича, помощником председателя редактора газеты «Терджиман» Исмаила мурзу Гаспринского, казначеем купца Бекира Муртазаева и секретарём заведующего местным русско-татарским училищем Сеит Джелила Хаттатова. Основной задачей благотворительного Общества г. Бахчисарая была борьба с бедностью и неграмотностью среди крымских татар, которую она осуществляла в течении всего периода своей деятельности [15].

В 1905 г. было образовано магометанское благотворительное Общество в г. Керчи, цель которого была оказывать материальную помощь образованию мусульманского населения. Так, согласно отчету правления Общества, за 1909 г., на образование поступило 1804 руб. 34 коп. на которое вместе с 937 руб. 86 коп. на остатки прежних лет содержалось 10 школ, где обучалось грамоте 273 мальчиков и 138 девочек. Всего на средства благотворительного Общества было обучено 1537 детей в деревнях и окраинах г. Керчи, где дети по бедности своих родителей, оставались бы представленными самим себе. Председатель правления Общества Абдулла Халил Рушти-оглу руководил деятельностью организации и в оказании материальной помощи особо нуждающимся крымским татарам [8, л. 514].

Евпаторийское мусульманское благотворительное Общество было создано в 1905 году. Председателем правления был избран Али мурза Булгаков, заместителем председателя Абла Капари, секретарём Осман Ногаев, казначеем Абдураман Аджи Сеит Халил-оглу, членами ревизионной комиссии Мемет Муслидин Аджи-оглу, Куртумер Джанбек-оглу, Ислям Капари. Деятельность Общества за истекший 1906 год была направлена на изыскание средств на улучшение положения мектебов в санитарно-гигиеническом и педагогическом отношении. На общих собраниях и заседаниях правления обсуждались вопросы оказания помощи в деле образования и воспитания детей беднейшей части крымскотатарского населения, в г. Евпатории так и в уезде. Дела по сбору денежных средств за отчетный 1906 г. значительно продвинулись вперед. Сумма членских взносов, пожертвований составляла 4511 руб. 80 коп. Кроме того, возбужденные ходатайства о пособии перед уездным земством и городским управлением увенчались успехом, а именно земство постановило выдать пособие единовременное 3500 руб. и ежедневное по 2200 руб., городское управление по постановлению Думы безвозмездно отчуждало в пользу благотворительного Общества г. Евпатории 619 кв. саженой земли и вместе с тем поддерживало ходатайство Общества перед Высочайше утвержденных о вакуфах комиссией о пособии 15000 рублей.

Мусульманское благотворительное общество г. Евпатории на общем собрании в апреле 1907 года, под председательством Иззета мурзы Булгакова при участии членов ревизионной комиссии рассмотрело подробный отчет правления и постановило: отчет за 1906 г. по 6 апреля 1907 г. утвердить, признав расход в 1040 руб. 60 к. и остаток 3471 руб. 20 коп. правильным; построить в Евпатории два мектебе на 160 учеников в каждом, одно на земле отведенном городским управлением использовать средства благотворительного Общества до 12000 руб., а на постройку другого возбудить ходатайство перед Высочайше утверждены о вакуфах комиссией о пособие на 15000 руб.; избрать в члены строительной комиссии по построению мектебе: Али мурзу Булгакова, Абдуль Керима Рамазанова, Селямета Абдулькаир-оглу, Амета Сеит Ислям-оглу; выразить вставанием глубокую благодарность за неустанные заботы и благотворительную деятельность в делах Общества председателя правления Али мурзе Булгакову, секретарю правления Мустафе Сеит Якуб-оглу, а также благодарность за усердие мудерису Мемет эфенди [7, л. 46–51].

Карасубазарское благотворительное общество мусульман было создано в 1905 г., благодаря усилиям одного из наиболее известных учителей – новометодников этого региона, выдающегося общественно-политического и культурного деятеля Абдурешита Медиева, который создал и редактировал газету «Ветан Хадими» («Слуга отечества»), избирался городским головой Карасубазара и депутатом Государственной Думы Российской империи от Таврической губернии [3, с. 117]. Председателем правления общества был избран А. Медиев, который главное внимание уделял развитию благотворительно-просветительского направления организации. Достаточно серьезное внимание уделялось улучшению классных помещений в мектебах, совершенствованию учебного процесса, благодаря наглядным пособиям, учебникам, предоставленным благотворительным Обществом мусульман в Крыму создало учебное заведение мектебе-руштие.

Таким образом, региональные мусульманские благотворительные общества стали заметными факторами общественной жизни крымскотатарского народа в начале XX в. Деятельность этой филантропической структуры была не только положительной, но и крайне необходимой, так как способствовала развитию идей благотворительности и просвещения в крымскотатарском сообществе. С помощью средств Общества был создан новый, светский тип национальной школы – мектебе-руштие. Вплоть до его ликвидации содержание этого типа учебных заведений было приоритетным направлением деятельности этих филантропических организаций. К началу XX в. крымские татары уже имели собственные общественные структуры, которые принимали участие в организациях просветительского, благотворительного направления. Они имели либеральное устремление и основывались на культурно-просветительских принципах. Среди основателей благотворительного движения были многие представители национальной интеллигенции, педагогов, мусульманского духовенства, писателей, публицистов, общественных деятелей. Наиболее яркими представителями среди них были И. Муфтий-заде, И. Гаспринский, А. Медиев, М. Давидович, А. С. Айвазов, М. Кипчакский, А. Булгаков, С. Д. Хаттатов, имам Аджи Эмир Эфенди [4]. История создания и деятельности мусульманских благотворительных обществ в Крыму достойна более глубокого и научного исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Абибуллаева Д. И. Исмаил Муфтий-заде и Симферопольское благотворительное общество пособия бедным мусульманам Крыма / Д. И. Абибуллаева // Голос Крыма. – 2000. – 11 февраля. – №7. Abibullaeva D. I. Ismail Muftii-zade i Simferopol'skoe blagotvoritel'noe obshchestvo posobiya bednym musul'manam Kryma / D. I. Abibullaeva // Golos Kryma. – 2000. – 11 fevralya. – №7.
2. Аирчинская Р. Муфтий-заде и меценаты / Р. Аирчинская // Голос Крыма. – 1995. – 10 января. – №2. Airchinskaya R. Muftii-zade i metsenaty / R. Airchinskaya // Golos Kryma. – 1995. – 10 yanvarya. – №2.
3. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начала XX века) / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь: Таврия, 1998. – 162 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВ В КРЫМУ (В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКА)**

Gankevich V. Yu. Ocherki istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniya (reformirovanie etnokonfessional'nykh uchebnykh zavedenii Tavricheskoi gubernii v XIX – nachala XX veka) / V. Yu. Gankevich. – Simferopol': Tavriya, 1998. – 162 s.

4. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) / В. Ю. Ганкевич – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.

Gankevich V. Yu. Na sluzhbe pravde i prosveshcheniyu: Kratkii biograficheskii ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851–1914) / V. Yu. Gankevich – Simferopol': Dolya, 2000. – 328 s.

5. Государственный архив Республики Крым (г. Симферополь)

ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 391, л. 1–15.

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (g. Simferopol')

GARK, f. 27, op. 1, d. 391, l. 1–15.

6. ГАРК, ф. 100, оп. 1, д. 2360, л. 18–20, л. 98–113.

GARK, f. 100, op. 1, d. 2360, l. 18–20, l. 98–113.

7. ГАРК, ф. 100, оп. 1, д. 2360, л. 46–51.

GARK, f. 100, op. 1, d. 2360, l. 46–51.

8. ГАРК, ф. 100, оп. 1, д. 2360, л. 497–514.

GARK, f. 100, op. 1, d. 2360, l. 497–514.

9. Ещё о крымском благотворительном обществе // Переводчик-Терджиман. – 1897. – 26 января.

Eshche o krymskom blagotvoritel'nom obshchestve // Perevodchik-Terdzhiman. – 1897. – 26 yanvarya.

10. Ещё о крымском благотворительном обществе // Переводчик-Терджиман. – 1897. – 3 июня.

Eshche o krymskom blagotvoritel'nom obshchestve // Perevodchik-Terdzhiman. – 1897. – 3 iyunya.

11. Королёва Л. И. Общественно-политическая и просветительская деятельность Исмаила Муфтий-заде (1841–1917): монография / Л. И. Королева. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 192 с.

Koroleva L. I. Obshchestvenno-politicheskaya i prosvetitel'skaya deyatelnost' Ismaila Muftii-zade (1841–1917): monografiya / L. I. Koroleva. – Simferopol': GAU RK «Mediatsentr im. I. Gasprinskogo», 2017. – 192

12. Крымское благотворительное общество // Переводчик-Терджиман – 1897. – 17 июня.

Krymskoe blagotvoritel'noe obshchestvo // Perevodchik-Terdzhiman – 1897. – 17 iyunya.

13. Крымское благотворительное общество // Переводчик-Терджиман – 1902. – 15 февраля.

Krymskoe blagotvoritel'noe obshchestvo // Perevodchik-Terdzhiman – 1902. – 15 fevralya.

14. Крымское мусульманское благотворительное общество // Переводчик-Терджиман. – 1904. – 12 марта.

Krymskoe musul'manskoe blagotvoritel'noe obshchestvo // Perevodchik-Terdzhiman. – 1904. – 12 marta.

15. Крымское мусульманское благотворительное общество // Переводчик-Терджиман. – 1905. – 16 августа.

Krymskoe musul'manskoe blagotvoritel'noe obshchestvo // Perevodchik-Terdzhiman. – 1905. – 16 avgusta.

16. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. – 2019. – № 4. – С. 64–71.

Nepomnyashchii A. A. Istochniki bibliograficheskoi informatsii po istoricheskomu krymovedeniyu // Bibliografiya i knigovedenie. – 2019. – № 4. – S. 64–71.

17. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записи Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 2. – С. 21–55.

Nepomnyashchii A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XX veka) // Uchenyye zapisi Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2019. – T. 5(71), № 2. – S. 21–55.

18. Непомнящий А. А., Грушевская В. А. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным

материалам В. А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России». – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 581–607.

Nepomnyashchii A. A., Grushevskaya V. A. Remeslennaya kul'tura tsekhovogo krymsko-tatarskogo мастера по izgotovleniyu traditsionnoi kozhanoi obuvi (po rukopisnym i opublikovannym materialam V. A. Gordlevskogo) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: «Istoriya Rossii». – 2018. – Т.17, № 3. – С. 581–607.

19. Отчет правления Общества бедным мусульманам Крыма в г. Симферополе, XI год его деятельности. 1907 год. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства. 1908. – 43 с.

Otchet pravleniya Obshchestva bednym musul'manam Kryma v g. Simferopole, XI god ego deyatelnosti. 1907 god. – Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo zemstva. 1908. – 43 s.

20. Отчет правления Общества бедным мусульманам Крыма в г. Симферополе, XII год его деятельности. 1908 год. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства. 1909. – 58 с.

Otchet pravleniya Obshchestva bednym musul'manam Kryma v g. Simferopole, XII god ego deyatelnosti. 1908 god. – Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo zemstva. 1909. – 58 s.

21. Отчет правления Общества бедным мусульманам Крыма в г. Симферополе, XIII год его деятельности. 1909 год. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства. 1910. – 32 с.

Otchet pravleniya Obshchestva bednym musul'manam Kryma v g. Simferopole, XIII god ego deyatelnosti. 1909 god. – Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo zemstva. 1910. – 32 s.

22. Отчет правления Общества бедным мусульманам Крыма в г. Симферополе, XVII год его деятельности. 1913 год. – Симферополь: Типография В. И. Якубовича, 1914. – 48 с.

Otchet pravleniya Obshchestva bednym musul'manam Kryma v g. Simferopole, XVII god ego deyatelnosti. 1913 god. – Simferopol': Tipografiya V. I. Yakubovicha, 1914. – 48 s.

23. Савочка А. Н. Становление и развитие общественных благотворительных организаций в Ялтинском уезде (вторая половина XIX – начало XX века) /А. Н. Савочка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского – 2010. – Том 23 (62). №1.– С. 155–167.

Savochka A. N. Stanovlenie i razvitie obshchestvennykh blagotvoritel'nykh organizatsii v Yaltinskom uezde (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) /A. N. Savochka // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I.Vernadskogo – 2010. – Tom 23 (62). №1.– S. 155–167.

24. Устав крымского благотворительного общества в г. Симферополе, для вспомоществования нуждающимся крымским татарам. – Бахчисарай: типография Газеты «Переводчик», – 1897. – 12 с.

Ustav krymskogo blagotvoritel'nogo obshchestva v g. Simferopole, dlya vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya krymskim tataram. – Bakhchisarai: tipografiya Gazety «Perevodchik», – 1897. – 12 s.

Abibullayeva D. I. Formation and development of muslim charitable societies in the Crimea (in the late XIX – early XX century).

The article is devoted to the formation and development of charitable organizations of the Crimean Tatar people, whose main tasks were to combat poverty and illiteracy among the Muslim population in the Crimea in the second half of the XIX – early XX centuries. The leading role of representatives of the Crimean Tatar intelligentsia in the development of charity is considered, with the help of which issues of an educational social and humanitarian nature, problems in the development of education and culture were solved.

During the next meeting of the Tauride nobles in 1893, the well-known public and political figure Ismail Mufti-zade, the idea of the need for the Crimean Muslims to organize a charitable organization was presented. For this purpose, at the same time, 150 rubles were collected between the murzas, which served as the basis of capital. Ismail Mufti-zade drew up the «Charter of the Crimean Charitable Society in Simferopol for helping the Crimean Tatars in need», which was reviewed and signed at the Ministry of Internal Affairs on December 24, 1896. Crimean Charitable Society of Muslims in Moscow In Simferopol, «Dzhemiet Khayrie» was under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. Reports of the activities of the charity society after review and approval were sent to all the members of the society, and through the Taurida Governor and Trustee of the Odessa school district, was presented at the interior Ministry and the Ministry of national education. The

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В КРЫМУ (В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

charity society had its own seal and had the right to acquire and sell its own property on the grounds stipulated by law.

According to the «Charter», the purpose of the society was to work in two main directions: social charity and charity education. In the first direction, the Society took care and helped the elderly and sick people from among the Crimean Tatars who were unable to work, and provided them with real material assistance. Russian Russian-Tatar schools, Russian classes at the existing mekteb and madrasahs, and placement of orphans and the poorest children in vocational schools were opened with the proper permission of the charity organization of the Crimean Tatars in the second direction.

According to the «Charter», members of this society could be persons of both sexes, of all classes and ranks, except for underage students who were tainted by the court. The members of the society were divided into several categories: honorary members, full members of the society. The activities of the Muslim charity society in Simferopol are reflected in the reports of general meetings of different cities, which consider the positive aspects and shortcomings in the work of the society.

At the beginning of the XX century. Charitable societies of Crimean Tatars were established in other cities of the Crimea: Yalta, Bakhchisarai, Kerch, Yevpatoria, Karasubazar, whose activities were aimed at solving social and humanitarian educational problems.

With the beginning of the First World War, the financial situation of the Society deteriorated significantly, however, the needy Crimean Tatars continued to help receive financial assistance until 1920. With the establishment of Soviet power in the Crimea, charitable societies ceased to exist. The history of the creation and development of Muslim charitable societies in the Crimea is worthy of deep scientific research.

Keywords: Simferopol Charitable Society benefits for the poor Muslims of Crimea, Ismail Mufti-zade, charity, Crimean Tatars.

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-19-36

**«БУНТ» ИЛИ «СМЯТЕНИЕ»? К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ
БЕСПОРЯДКОВ УДИНСКИХ И СЕЛЕНГИНСКИХ
СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В 1696 Г.**

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург.
E-mail: egor-bagrin@yandex.ru*

На основе опубликованных и не опубликованных источников, рассматриваются волнения служилых людей Селенгинска, Удинска, Ильинского и Кабанского острогов, произошедшие в 1696 г. Автор исследования считает, что события не носили характера борьбы с государственным управлением. Большая часть действий забайкальцев, направленная против воеводы А. Савелова, не являлась прямым бунтом и в большинстве случаев не выходила за законные рамки. В основе произошедших событий была неправильная политика государства, направленная на формирование гарнизонов в Западном Забайкалье, а не антифеодальное движение, как считалось ранее. В статье заостряется внимание на том, что степень вовлеченности военных корпораций Селенгинска и Удинска в «смуту» была неоднородна. В то время как селенгинцы и часть «старых» служилых людей Удинска придерживались умеренной позиции в ожидании разрешения конфликта с иркутским воеводой при помощи государства, часть удинцев, преимущественно из числа новоприборных ратников, была склонна к самоуправству и нарушению закона.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Даурия, восстание, XVII век

«В прошлом де 204 году ... у удинских стрельцов было *смятение*, а не *бунт*»: сказал на допросе Семен Сенотрусов пятидесятник удинских служилых людей, описывая события 1696 г., когда гарнизоны Селенгинска и Удинска вышли из подчинения администрации Иркутского уезда [5, с. 352]. Бунт, смятение – слова очень похожие по смыслу, обозначающие народное возмущение, мятеж, смуту. Тем не менее, бунт, согласно словарю Даля, термин, который имеет более отягчающее значение – «открытое сопротивление народа законной власти». Смятение же, скорее беспорядок, вызванный тревогой. Что же произошло в Даурии в 1696 г.?

Ф. А. Кудрявцев и В. А. Александров считали, так называемый «бунт заморских казаков», проявлением борьбы с «феодальным гнетом», одним из череды «народных антифеодальных движений XVII в., представлявших один из важнейших этапов в развитии классовой борьбы в России». Следуя идеологическим представлениям советского периода, они видели основную цель восставших в свержении «ненавистных воевод» и установлении власти «войска», опиравшегося на традиции и нормы казачьего самоуправления. [5, с. 346–347; 10, с. 62–68]. В современное время исследователи, оставив тему классового противостояния, объясняют мятеж корыстолюбием воеводы Афанасия Савелова и его

администрации, управлявшей Иркутским уездом [17]. Данный подход был сформулирован еще в XIX в. знаменитым историком Н. Н. Оглоблиным, видевшим истоки сибирских бунтов в «безобразиях» сибирских управленцев [12; 13].

В данном исследовании мы хотим обратить внимание на то, что беспорядки в первую очередь были спровоцированы государственной военной политикой, связанной с формированием гарнизонов даурских крепостей. Также, мы попытаемся показать, что произошедшие события можно рассматривать, следуя оценке С. Сенотрусова, действительно, как «смятение», так как они не носили того острого социального характера, который им традиционно приписывают.

Значительный блок документов, относящихся «бунту заморских казаков», был опубликован в 1902 г. в издании «Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска»¹ и затем пополнился В. А. Александровым в публикации «Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века» [5; 9]. Эти материалы вместе с неопубликованными документами, касающимися военных реформ в Даурии в 1690-х гг., легли в основу оценок представленных событий.

Итак, в первую очередь, определимся с главными участниками событий и их положением перед началом конфликта. Это служилые люди Удинска, Селенгинска, Ильинского и Кабанского острогов, с одной стороны и иркутский воевода А. Савелов и его люди, с другой.

Служилые люди Удинска. До конца 1680-х гг. гарнизон Удинска формировался из селенгинских ратников, отправлявшихся туда на «годовую службу», и имел второстепенное значение в системе обороны пограничной линии в Западном Забайкалье [11, с. 45-46]. Однако с приходом в Забайкалье войска посла Ф. А. Головина ситуация в корне поменялась. Заключив Нерчинский договор 1689 г., Ф. А. Головин сделал Удинск² центром размещения двух «сибирских» полков П. Ю. Грабова и А. Ю. Смаленберга, входивших в «посольское» войско. Входившие в их состав ратники, были выбраны в даурский поход в Тобольске, Тюмени, Томске, Енисейске, Илимске, Нарыме и Верхоленске. К 1691 г. эти люди служили вдали от дома и своих гарнизонов около 5 лет и хотели вернуться, о чем подали прошения. Следует отметить, что Ф. А. Головин предлагал отпустить всех ратников из Западной Сибири, сформировав гарнизон Удинска из добровольцев и людей восточносибирских крепостей. Однако правительство направило домой не всех, а только половину служилых людей, оставив остальных до перемены продолжать службу в Удинске (около 400 чел.). Часть из них отправлялась для усиления гарнизонов Иркутска и Селенгинска [15, л. 290–298].

На смену им в 1694 г. из Тобольска, Тюмени, Томска, Березова и Пельыма отправились 340 чел., из которых до места добрались 325 чел. [11, с. 52]. Состав их был разнообразен: полковые стрельцы, казачьи дети, братья и племянники, и

¹ Опубликованные здесь документы вошли в состав книг «Сборник документов по истории Бурятии. XVII век» и «Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества» (1 и 2 издание) [2; 3; 5].

² Кроме того, 200 ратников расположились в Нерчинске. В 1691 г. все они были отпущены на место основной службы.

«наемщики их гулящие люди». Большая часть из них были молодые родственники окладных служилых людей. Направляя их на службу, правительство рассчитывало на то, что часть из них, обзаведясь семьей и хозяйством, останется в Даурии на постоянную службу. Однако отдаленная и опасная даурская служба была крайне непопулярна для жителей западно-сибирских крепостей. Возможно, неудовольствие назначением явилось причиной того, что продвижение нового контингента к месту службы сопровождалось беспорядкам и грабежами местных жителей на Оби, Кети, Тунгуске¹. Особенно «отличились» они в Нарыме, где «к острогу приступали с великим шумом и боем, с канатами и с баграми, и на острог канаты наматывали и острог хотели выломить и государеву казну пограбить и торговых людей из острогу прошали из животов их хотели мучить». После допроса виновных в Иркутске, их отправили в гарнизоны Удинска и Селенгинска, «не учинив» наказания. Действия их в документах расценивались как «воровство» и «бунтовство» [5, с. 370; 14, с. 101–102].

Таким образом, к 1696 г. в Удинске оказались молодые люди не довольные своим положением, оставшиеся безнаказанными за многочисленные совершенные ими преступления. Здесь они встретились с соратниками, которые находились в Даурии уже около 10 лет и не могли вернуться к своим родным и семьям, в т.ч. и бедствующим вследствие того, что их дома в Тобольском уезде сгорели во время пожаров и по другим причинам. К моменту беспорядков значительная часть из них уже сменилась и покинула Удинск, однако часть оставалась. Стоит ли отмечать, что почва для возмущения была очень благоприятная, и нужен был только формальный повод.

Служилые люди Селенгинска. Гарнизон Селенгинска был реформирован Ф. А. Головиным. Селенгинцы выполняли много служебных поручений, связанных с использованием коней, однако числились в пешей казацкой службе. Многие из-за необходимости содержать лошадей разорялись, т.к. жалованья не хватало. Казаки просили зачислить их в конную службу, чтобы государство выделяло им дополнительные средства. В 1690 г. из 156 пеших казаков 50 «добрых и к тому годных и прожиточных людей» поверстали в конные казаки. Их оклад составил 7 руб. 8 алтын 2 денги и «хлеба по шти четвертей ржи, овса по четыре четверти, по два пуда соли человеку». Это было более чем на 2 руб. больше жалованья пеших казаков. Пятидесятником стал Антон Березовский (Антошка Березовских). Кроме того, Ф. А. Головин распорядился регулярно присылать из Удинска в Селенгинск по 100 человек. Таким образом, общая численность гарнизона Селенгинска составила 256 чел.: 106 пеших и 50 конных «старых жилых» казаков и 100 «временщиков». Отметим, что в конные казаки была переведена только 1/3 личного состава селенгинцев, а просьба остальных не была удовлетворена. Служебная нагрузка на

¹ Подобное поведение не было уникальным событием. Например, также себя вели и служилые люди, пришедшие в 1685 г. в Даурию из Тобольска (полк А. Бейтона). 92% из них также были «дети и братья» окладных служилых людей Тобольска, Верхотурья, Тюмени и Туринского острога [8; 15, л. 255, 282].

них не изменилась, и это было естественным поводом для недовольства казаков своим материальным положением. [15, л. 45–48].

Иркутский воевода А. Савелов и его администрация. А. Савелов, прибыв в Иркутск (центр Иркутского уезда в который в т.ч. входили Удинск и Селенгинск), не ограничивал себя в средствах обогащения¹. Под разными предлогами он «вымучивал» деньги у торговых людей. Пашенные крестьяне, посадские и ясачные люди Кабанского и Ильинского острогов жаловались на то, что воевода использовал их подводы для транспортировки личных товаров, отправляемых на продажу в монгольские земли. Объезжая земли «за морем», воевода для угроз и большей сговорчивости вверенного ему населения, брал с собой «заплечного мастера». Некоторые его люди, поставленные в приказчики, нарушали закон, используя свое служебное положение [14, с. 113–117].

Служилые люди Иркутского уезда также послужили для А. Савелова одним из источников обогащения. Без царского указа и грамоты он верстал за взятки в дети боярские, атаманы, пятидесятники и десятники, брал на службу ссыльных людей, а также делал незаконные прибавки к жалованью² [14, с. 113].

С удинских и селенгинских служилых людей А. Савелов также брал взятки и в «бунташный год» выплатил им неполное жалование, удержав из их окладов разные суммы. Впоследствии «заморские казаки» подали на А. Савелова иск о возвращении 3055 руб. 11 алт.³ Эти действия воеводы и послужили толчком к началу беспорядков [14, с. 114].

1 этап (февраль–апрель 1696 г.). А. Савелов достаточно точно описал в челобитной события этого периода: «в феврале месяце селенгинский сын боярский Петрушка Арсеньев да новоприсланные в Удинск полковые стрельцы забунтовали, подговоря к себе прежних селенгинских, Ильинского и Кабанского острога служилых людей, а иных взяв по неволе и промеж себя написав письменные крепости, проезжих людей и тутошних жителей грабят и присланных людей, кои посланы при нем, Афонасье, переменяют и указных памятей ни в каких делах не слушают» [14, с. 98].

Сразу отметим, что роль П. Арсеньева в этих событиях преувеличена, воевода был должен сыну боярскому крупную сумму денег, и ему было выгодно преувеличить его вину. В действительности же П. Арсеньев не сыграл роли ни в одном из важных для оценки характера беспорядков событий.

События в Селенгинске. Как уже было упомянуто, А. Савелов под разными предлогами не выплатил служилым людям часть жалованья. По его сведениям

¹ Практика, когда сибирские воеводы использовали свое служебное положение для собственного обогащения, была широко распространена. Их действия были отголоском старинной системы «кормлений» и не раз приводили к возмущению населения различных городов и острогов Сибири [1, с. 153–164].

² Общий ущерб государству во время расследования по этим делам составил «932 р. 2 алт. пол 6 д.» [14, с. 113].

³ Для сравнения: в 7200 (сентябрь 1691/ август 1692) г. общее жалованье служилых Удинского острога составило 2027 руб. [15, л. 293–294].

селенгинским казакам было «не додано» 97 руб. 12 алтын 2 денги. Однако пятидесятник конных казаков Селенгинска Антон Березовский¹ сказал на допросе, что десятник конных казаков Семен Краснояр привез из Иркутска всего 100 руб. Селенгинцы, получив от него письмо о проблемах с жалованием, остановили знакомого воеводу Гаврила Коноплева и забрали у него товары, которые А. Савелов отправил из Иркутска в монгольские земли. Самого Г. Коноплева отпустили в Иркутск [14, с. 99, 102].

Расценивать их действия, по нашему мнению как бунт преждевременно. Во-первых, в товарах А. Савелова нашли 5 пищалей и полтора пуда пороха, запрещенных для продажи в монгольских и китайских землях. Этот факт позволил служилым людям обвинить воеводу в «явной великому государю измене», кроме того воеводский наказ А. Савелову и его людям прямо запрещал торговать с монголами. Теперь власти изменника можно было не подчиняться до государственного разбирательства. Во-вторых, все действия происходили, как минимум, с молчаливого согласия местной официальной власти – приказчика Селенгинска, иркутского сына боярского Остафия Перфильева. Отметим, что в Селенгинске, на момент конфискации товаров у Г. Коноплева, было только небольшое количество казаков, все остальные жили по своим домам вне крепости [14, с. 102–103, 110–111].

Все действия О. Перфильева укладываются в законные рамки. Он приказывает созвать из деревень всех селенгинских служилых людей: детей боярских, пятидесятников, десятников и рядовых для «государева дела», т.е. объявить им об измене воеводы и составить челобитную. Как улику сохранили тетрадь с перечнем товаров. Среди казачьих лидеров, прибывших в Селенгинск, названы пятидесятники Митка Таракановский, Левка Чужакин, десятники Стенка Харитонов, Степка Бурдуковский и селенгинский сын боярский П. Арсеньев. Как мы видим, последний не имел отношения захвату товаров А. Савелова. Тут же произошел случай, еще раз показывающий, что никакой «вольницы» войско не допускало и действовало в рамках закона. Ганка Анисимов Безрукой² и его товарищи, пользуясь ситуацией, «без совету» войска забрали на Посольском мысу товары у Ганки Матвеева, которые также принадлежали А. Савелову. Сумы были порезаны и, находящаяся в них пушнина, частично расхищена. За эти действия О. Перфильев приказал бить Г. Безрукова батогами у приказной избы [14, с. 102–104].

Товары следовало опечатать и ждать государственного решения. Однако, в итоге, собравшиеся в Селенгинск селенгинские, ильинские и кабанские служилые люди разделили их между себя по жребию, объясняя это тем, что воевода не выдал им денежного и хлебного жалования [14, с. 104]. Точной даты этого события в

¹ У А. Березовского, лично получавшего свое жалование в Иркутске, воевода взял 1 руб. от 4 руб. 29 алт. Видимо, речь в документе шла о выдаче второй части жалования, т.к. оклад Березовского составлял более 7 руб. [14, с. 102].

² Ганка Безрукой вместо смертной казни был сослан в Албазинский острог из Тобольска за то, что убил ножом двух служилых людей и украл товары бухарских купцов, которые они охраняли. После «разорения» Албазина его приверстали на службу в Селенгинск [14, с. 103–104].

опубликованных документах не отмечено. Рядовой ильинского острога Иван Оленин на допросе указал, что раздел товаров А. Савелова произошел после заключения договора между удинскими и селенгинскими служилыми людьми, т.е в апреле 1696 г.: «по тому де договору в Селенгинску служилые люди нужд своих ради не хотя голодною смертию помереть и государевы службы отбыть, которые недостаточные казаки взяли животы стольника Афонася Савелова и по себе поделили». Он специально отмечает, что «которые де понарочитие служилые люди животов имать не хотели». Съехавшись на совет, они все-таки решили поддержать «недостаточных служилых людей» и взяли свои пай. Эти сведения подтвердил и селенгинский конный казак Юрко Некрасов. В расспросных речах он сказал, что после составления договора «старые де казаки розговаривали, чтоб те товары положили в казну великого государя до указу», но «нужные казаки закричали, что де им будет помереть» без жалованья и товары «роздували». Отметим, что селенгинцы неоднократно обращают на допросах внимание, что имущество воеводы было конфисковано для того, чтобы иметь возможность продолжать государственную службу. Большинство казаков продали и выменяли на товары свою долю иноземцам, гулящим и промышленным людям. После того, как приехал С. Краснояр с жалованьем, некоторые вещи были возвращены в казну. Здесь же хранилась товарная книга и тетрадь с перечнем всех товаров А. Савелова [5, с. 362–363, 365–366].

В. А. Александров видит в этих событиях «внутреннюю борьбу среди восставших за руководство, в которой новоприборные стрельцы и казаки противостояли зажиточным «старым» казакам» [5, с. 347]. Наша точка зрения на этот вопрос состоит в том, что разделение казаков в гарнизоне по имущественному принципу происходило вследствие выделения небольшой группы конных казаков, получавших большой оклад. Тем более, что, как уже было отмечено, в эту категорию изначально выбирали «лучших», т.е наиболее заслуженных, семейных, обеспеченных людей. Остальные казаки, значительная часть которых не имела к категории «новоприборных» никакого отношения, получали прежнее жалованье пеших казаков, при том, что характер их службы, требующей содержания лошадей не изменился. Отсюда такая острая реакция большинства на сокращение и без того недостаточного жалованья. Сведений о борьбе за власть в Селенгинске в опубликованных документах нет. В мае 1696 г. селенгинские казаки поехали в Иркутск за недоплаченным жалованьем по приказу приказчика О. Перфильева.

Таким образом, все незаконные действия селенгинских казаков в марте–апреле 1696 г., ограничиваются даже не конфискацией, а только дележом имущества А. Савелова между собой, вместо хранения его для расследования. Однако и здесь предлог был «благовидным» – служилые люди не получили денег, и им не на что было жить. Государственной власти и строю они себя не противопоставляли и вряд ли их действия можно расценивать как бунт.

События в Удинске. Здесь, как уже было отмечено, контингент был более склонен к недовольству и протестным действиям. Требовался только повод для начала беспорядков. Вначале 1696 г. воевода удержал из жалования удинцев «скупы

большие» – от 1 до 3 руб., а от хлебного жалованья для части людей по пол оклада, а для многих и весь оклад [5, с. 352, 359]. События назревали постепенно, служилый человек Ильинского острога И. Оленин на допросе отметил, что в феврале 1696 г. «бунту у них (удинцев – Авт.) не видал». Удинский пятидесятник Семен Сенотрусов¹, отметил, что часть удинских служилых людей проводили советы в зимовьях, не пуская туда того, кто считался ими неблагонадежным [5, с. 352].

Смена власти в Удинске произошла после того, как туда прибыл дощаник для хлебных запасов с удинским пятидесятником Моськой Борисовым. Стрельцы «своим самовольством за караул ссадили» приказчика Удинска Андрея Бейтона. Власть разделилась. «Старые» полковые служилые люди выбрали «в приказ» пятидесятника Максима Посельского², прежнего сотенного тюменских стрельцов полка П. Грабова. Новоприборные стрельцы выдвинули ему в «товарищи» М. Борисова. Однако, М. Посельской был отставлен от власти новоприборными стрельцами, с подачи одного из их лидеров Алешки Уварова под предлогом того, что на него сказал «государево дело» его холоп Г. Безпутин. «Старые» стрельцы отказались «писаться» в «особый выбор» за М. Борисова, не смотря на угрозы «смертным убийством» со стороны А. Уварова и И. Лосева. Таким образом, очевидно, что новоприборные стрельцы, пользуясь своим численным преимуществом, фактически навязывали части прежних служилых людей свои условия [5, с. 352].

19 марта 1696 г. лидеры новоприборных стрельцов Моська Борисов, Алешка Уваров, Петрушка Каинов, Мишка Трофимов, Власка Воронин, Ивашко Трошин, Сенька Белевцов, Данилко Фык «много крычали», чтобы разделить товары Василия Арсеньева, связанного с А. Савеловым. «Старые» полковые служилые люди были против, предлагая «тех животов не делить и положить до указу великого государя в казну». В итоге, под угрозой расправы они взяли свои пай «в неволю» [5, с. 353]. Тем не менее, «старые» стрельцы и казаки оставались силой, с которой так или иначе приходилось считаться. М. Борисов приказал в качестве наказания бить провинившихся в кругу палками (каршами). Каждый должен был нанести человеку, взятому в круг по 3 удара. Таким образом, были избиты 2 стрельца и подьячий. Однако «старые» казаки настояли на том, что «буде хто чем ... винен и в том ... на того человека бити челом великому государю ... а собою не управливаться». После чего круги и наказания каршами прекратились. Затем пятидесятник С. Сенотрусов отказал М. Борисову «без указу великого государя и без иркутские памяти» идти в поход³. М. Трофимов, Д. Фык, П. Каинов, И. Щербаков, И. Прошин, В. Воронин, находившиеся в приказной избе, избивали пятидесятника поленьями и хотели его убить. От «смерти его отняли» 2 удинских стрельца, которые выволокли

¹ В 1686–1689 гг. пятидесятник илимских служилых людей, полк А. Смаленберга [6, с. 113].

² В 1686–1689 г. сотенной тюменских стрельцов и пеших казаков, полк П. Грабова [6, с. 109].

³ Цель похода была не указана, вероятно, М Борисов хотел отправить военный отряд в монгольскую землю

Сенотрусова за ноги на крыльцо и отпустили. Одним¹ из этих стрельцов был «старый» служилый человек Тишка Выходцев² [5, с. 353–354].

Бывший приказчик А. Бейтон, не был арестован. Однако его не пускали в город, а у дома в посадской части, где он находился, стоял караул. А. Бейтон сообщил в Иркутск, о том, что удинские казаки взбунтовались и «унять их невозможно и государеву указу чинятся непослушны» [14, с. 98].

Эти события показали, что, не смотря на то, что все удинские служилые люди отказались подчиняться А. Савелову, среди них было разногласие относительно дальнейших действий. Часть «попрежных» удинцев считала, что М. Борисов занимает пост приказчика «самовольством» и не соглашалась с его решениями, а другая часть, наоборот, поддерживала. При этом, лидеры новоприборных стрельцов вели себя довольно дерзко и, опираясь на своих товарищей, используя численное преимущество, фактически пытались диктовать свою волю. С другой стороны, «старые» стрельцы, которым предстояло смениться, настаивали на подчинении всех действий государственным законам. Таким образом, разногласия между «новоприборными» и «старыми» военными в Удинске определялись не имущественным расслоением, как писал Александров, а наличием в крепости двух воинских корпораций, каждая из которых действовала, исходя из своих интересов.

События в Ильинском остроге. До конца марта 1696 г. в Ильинском остроге ничего не происходило. И. Оленин отметил, что «приказных людей не переменяли и указных памятей во всяких делах слушались» и удинские стрельцы «ни к каким бунтам и мятежу не подговаривали». Приказчиком здесь служил ставленник иркутского воеводы Григорий Турчанинов. Из окладов ильинских служилых людей А. Савелов также взял по 1 руб. с человека и не выдал хлебное и соляное жалованье. Кроме того по полтине от оклада взял для себя Г. Турчанинов и еще по полтине «выворачивал подъячим» [5, с. 353].

20 марта 1696 г. рано утром в Ильинский острог приехали удинские стрельцы. Лидерами среди них были Данил Фык, Иван Копейщиков и Нефет Цынков. Привязав коней на Гостином дворе и частных подворьях, они осадили дом Г. Турчанинова. Вместе с ним был его шурин Петр Федоров, подъячий Федор Котюров, селенгинский десятник Емельян Паникадильщиков и иркутянин Иван Бечевин. Осада продолжалась сутки. Затем Г. Турчанинова взял под свою защиту игумен Троицкого монастыря Мисайло. Между удинскими стрельцами и селенгинцами, служившими в Ильинском, произошел совет, в результате которого Турчанинова «садили с приказу». Он был арестован в Гостином дворе и помещен в приказную избу «за караул». Временное руководство принял на себя селенгинец Иван Оленин. Вместе с ним упомянуты и другие лидеры служилых людей: Семен Тархов, Василий Шемякинский, Степан Охера, Оника Моисеев, Петр Феин, Алексей Емельянов. В это же время Г. Турчанинов с помощью сведений братских

¹ Вторым был удинский стрелец Микишка Башкир

² В 1686–1689 г. литвы и конных, и новокрещеных казаков дети, братья и племянники, полк П. Грабова [6, с. 101].

людей был уличен в присвоении ясака, что позволило обвинить его в «воровстве» и получить для отстранения приказчика от власти законные основания. Затем 23 марта 1696 г. бывший приказчик был увезен удинцами в Удинск [5, с. 360–361].

Селенгинские и Ильинского острога служилые люди выбрали в приказчики Стефана Казанца, а удинские стрельцы «не повыбору» приказали быть с ним на приказе сыну боярскому Ивану Новикову. Интересно, что по сведениям И. Оленина, А. Савелов указной памятью подтвердил назначение С. Казанца и тот законно оставался на своей должности до перемены [5, с. 361]. Таким образом, события в Ильинском остроге мы не можем охарактеризовать как «бунт», т.к. действия служилых людей по перемене власти были признаны иркутским воеводой.

Заключение договора о взаимопомощи и переговоры с представителями воеводы А. Савелова. 17 апреля 1696 г. в Удинск приехали сын боярский И. Перфильев и протопоп Петр вместе с другими иркутскими служилыми людьми. Они говорили о том, что удинцам следует подчиняться воеводе А. Савелову. Однако лидеры¹ удинских стрельцов А. Уваров и В. Каленой² отказали им, мотивируя свой ответ тем, что при воеводе Иване Петровиче Гагарине у них не было проблем с получением жалованья, тогда как при А. Савелове многие получили неполные оклады или не получили их совсем. Этот эпизод еще раз подчеркивает то, что действия служилых людей не носили характера противостояния государственной системе управления. Она их устраивала. Претензии были непосредственно к А. Савелову. Обращает на себя внимание и тот факт, что иркутские переговорщики не заезжали ни в Селенгинск, ни в Ильинский острог. Вероятно, А. Савелов не считал, произошедшие там события, поводом для большого беспокойства, в отличие от прихода к власти в Удинске людей, «прославившихся» грабежами и беспорядками по пути в Даурию [5, с. 352, 362].

В это же время в апреле 1696 г. селенгинские³ и удинские служилые люди обменялись договорами о взаимопомощи [5, с. 363–366]. В допросах участники событий неоднократно отмечали, что целью этих соглашений были «не бунт и грабеж», а «доброе дело ... чтоб великому государю служить верно всем заединое и меж себя служилых людей от худых дел ... унимать государевым указом» [5, с. 359]. Александров расценивает договор как попытку создать органы самоуправления [5, с. 346]. Однако, обратим внимание на то, что Селенгинск и Ильинский острог управлялись приказчиками, имевшими власть на законных основаниях, а в Удинске часть «прежних» служилых людей руководствовалась в действиях государственными указами. Объявив власть А. Савелова не действительной, на основании «государева дела» они ждали назначения легитимного представителя государственной власти, а вовсе не организовывали «казачью республику».

¹ В другом документе переговорщиками названы М. Борисов и Д. Фык [5, с. 362].

² Представитель «старых» служилых людей. В 1686–1689 гг. томские казацкие дети, полк П. Грабова (1686–1689 г.) [6, с. 110].

³ В договор селенгинских служилых людей вписались и Ильинские служилые люди.

В договоре селенгинских, удинских, ильинских и кабанских служилых людей были следующие пункты:

- быть в «совете добром», выполняя государственную службу;
- отправлять общих челобитчиков о своих нуждах в Москву;
- докладывать государю и начальным людям желающих посеять смуту между гарнизонами, а также, о фактах игры в кости и карты, бражничества и тп.
- «смирять войсковым советом» людей, нарушающих закон, если начальные люди «не дадут на них управы»
- «А есть ли начальные люди, воеводы и приказные учнут нам чинить какие напрасные обиды и налоги ..., и нам на них, воевод и приказных ... государем бить челом. А друг друга в обидах и в налогах и во всяких напрасных разорениях не выдавать и всякое споможение чинить» [5, с. 363–365].

Итак, договор, в первую очередь, подчеркивал верность государственной службе и единую позицию гарнизонов в случае незаконных действий начальных людей и воеводы. Таким образом, по нашему мнению, этот документ нельзя рассматривать как попытку создать самоуправляющуюся структуру. Главная цель договоренностей – придерживаться корпоративной солидарности в вопросах, затрагивающих нужды военных людей («быть меж собою в совете»).

В Удинске Алексей Княжев¹ хранил договорное письмо в войсковом коробе [5, с. 352].

Первым совместным действием селенгинских и удинских служилых людей была отправка в Москву челобитной с описанием проблем, с которыми они столкнулись после назначения воеводы А. Савелова. В Удинске для этой поездки были собраны 100 руб., вырученные от продажи вещей В. Арсеньева. Деньги были отправлены в Ильинский острог. С челобитной поехал сын боярский П. Арсеньев. Однако в Ильинском остроге документы у него забрал Г. Безрукой и другие казаки, и с челобитной от селенгинцев и удинцев поехал С. Краснояр, а от Ильинского и Кабанского острогов – Козьма Корнилов. П. Арсеньев сам отказался быть челобитчиком, продал свой двор в Удинске и, забрав жену, собирался переехать в Иркутск. Он надеялся помириться с А. Савеловым, который должен был сыну боярскому 400 руб. [5, с. 360, 366].

Во вторых, удинцы и селенгинцы договорились о совместных действиях, направленных на захват товаров А. Савелова, возвращавшихся через Нерчинск из Китая [5, с. 373].

2 этап (май–июль 1696 г.). Третьим и более масштабным итогом апрельского договора стал совместный поход «заморских казаков» к Иркутску. Цель его – получить хлебные оклады, не выданные воеводой. Для служилых людей, у многих из которых были семьи, казенный хлеб был одним из основных источников существования. Естественно, что после конфискации личных товаров воеводы А. Савелова они не могли рассчитывать на «добрый прием», поэтому шли продемонстрировать и свою готовность силой получить положенное им жалованье,

¹ В 1686–1689 гг. тюменский стрелец полка П. Грабова [6, с. 109].

тем более, что на воеводу А. Савелова было объявлено «государево дело». Начальным человеком от селенгинцев был пятидесятник конных казаков А. Березовский, а от удинцев – «самовольный» приказчик М. Борисов. Кроме них среди лидеров перечислены: И. Пинега, С. Краснояр, И. Алемасова, Е. Паникадильщик, К. Кудреватый, Д. Фык [5, с. 367; 14, с. 99, 105].

Первый приход к Иркутску. После того как Байкальское «море» вскрылось, к Иркутску на дощанике и каюке отправились «селенгинские и ильинские и кабанские и удинские служилые люди», всего около 200 чел. с оружием. Крестьяне, встреченные им по пути, предупредили о том, что в Иркутске воевода хочет их «хватать и мучить ... за взятые свои товары». Поэтому суда встали не в обычном «пристанище», а лидеры забайкальцев отказались от идеи идти в город с челобитными без охраны. 19 мая 1696 г. перед тем как причалить за полверсты до Иркутска, «заморские казаки» подняли флаг, ударили в барабан и сделали залп пыжами из ружей. Однако, пристав к берегу, они убрали знамя и оружие «положили в дощаник»¹. Данные события еще раз показывают нам, что даурские служилые люди не имели намерения устраивать бунт, однако они ясно дали понять что пришли «не по прежней обыкности» [5, с. 367; 14, с. 99, 104].

На берег к приплывшим судам приходили иркутские дети боярские Ф. Черниговский и затем И. Перфильев со служилыми людьми. Договорились об условиях переговоров. В приказную избу и вообще в город А. Савелов забайкальцев не пустил. По сведениям А. Березовского он и М. Борисов передали воеводе отписки с просьбой о хлебном жалованье прямо на городской крепостной стене, «которая на берегу реки Ангары». Охраняли их 30 чел. В это же время они попросили у А. Савелова дощаники для хлебных припасов селенгинских, ильинских и кабанских ратников. По версии А. Савелова и жителей Иркутска, «заморские казаки» дважды подходили к городу. Второй раз 20 мая 1696 г. к крепости и воеводскому двору пришли около 200 даурских ратников с дубьем и кричали иркутянам, чтобы они сняли воеводу с должности и посадили своего приказного человека. Кроме того, они обвинили А. Савелова в измене и «сказывали на него ... государево дело» и другие «непристойные» вещи. Возможно, воевода и иркутяне намеренно в челобитной драматизировали происходившее, т.к. последующие события ничем не обнаружили боевой настрой «осаждавших», а скорее, наоборот.

Выданный для хлеба дощаник, был старым и требующим починки, способным поднять «запасов самое малое число». После двух дней ожидания А. Савелов отказался дать забайкальцам зерно² и приказал иркутским детям боярским

¹ Об этом рассказал селенгинский пятидесятник А. Березовский, а жители Иркутска в своей челобитной, повторяющей челобитную А. Савелова, написали «приплыли из-за Байкала ... во всякой готовности, будто к воинскому делу, не по прежней обыкности ... и вышли из дощаника на берег с ружьем и знамены и барабаны» [5, с. 367].

² В своей челобитной А. Савелов написал о том, что выдал хлебное жалованье полностью, но сведения других свидетелей это не подтверждают. Иркутяне в челобитной написали, что воевода «велел ... хлебное жалованье имать на Белой реке в Бельском и в Ыдинском острогах и на Олонке» [5, с. 367].

Е. Курдюкову, Ф. Черниговскому и М. Поршенникову оттолкнуть от берега «прочь» дощаники «заморских казаков», что те и сделали при помощи бревен, повредив оснастку судов. Таким образом, иркутский воевода первым проявил агрессию в конфликтной ситуации, тогда как «заморские казаки» вели себя в рамках закона как просители [5, с. 367–368; 14, с. 99–100].

Второй приход к Иркутску. Следуя сведениям А. Березовского, забайкальцы приплыли на низ р. Ангары, взяли у торгового человека И. Ерофеева в долг 500 пуд. ржи и еще 500 пуд. у иркутского сына боярского Ф. Черниговского. Затем служилые люди отправились в Бельский и Каменский острожки «для хлебной покупки в прибавку». По данным из челобитной иркутян «заморские казаки» должны были взять в Бельском и Идинском острогах положенное им хлебное жалованье [5, с. 367; 14, с. 106].

Здесь происходят первые события, которые действительно можно трактовать как бунт. Службу в Бельском остроге несли удинские полковые стрельцы, годовальщики. Они известили «заморских казаков» о том, что в деревне иркутского сына боярского Е. Курдюкова «курится на себя ... вино многое». После чего село Курдюкова был разграблено, а все найденные запасы и домашние животные съедены. Вероятно, Е. Курдюкову вспомнили недавние события на берегу у Иркутска. Из допросных речей А. Березовского можно заключить, что зачинщиком грабежа был М. Борисов. Годовальщики и несколько человек из деревни сына боярского присоединились к забайкальским служилым людям, которые снова поплыли к Иркутску. Данные А. Савелова и жителей Иркутска подтверждают эти сведения. Однако они утверждали, что даурцы не ограничились одной деревней Е. Курдюкова, а «пограбили ... и разорили наругаючись всячески» многих местных жителей [5, с. 368; 14, с. 106–107].

9 июля 1696 г. селенгинские, удинские, ильинские и кабанские служилые люди на двух дощаниках и каюке приплыли к Иркутску и встали в прежнем месте, после чего 3 дня пекли хлеб для дороги домой. Среди них по данным иркутских жителей были беглые полковые стрельцы, холопы, крепостные и крещеные и некрещеные ясыри. В это время происходит конфликт, который мог закончиться открытым противостоянием гарнизона города и «заморских казаков». А. Савелов приказал всему населению Иркутска запереться в городе, собравшись в него с семьями. В этот же день к «заморским казакам» приходили иркутский сын боярский И. Перфильев, пятидесятник А. Волон, рядовой С. Зотов, а также, делегаты посадских людей и пашенных крестьян. Они просили, чтобы приплывшие «шли б за море» и «ото всякого дурна и бунту перестали». В ответ забайкальцы угрожали, называя иркутян «ворами» и «изменниками» и сказали, что «мы де из-Иркутска не идем, будем жить в-Иркутску». Очевидно, что это была лишь перебранка. Закончив приготовления к переходу в Забайкалье, даурцы отплыли. Однако они забыли у одного из жителей Иркутска «хлебную осминную бельскую меру». Г. Безрукой, А. Уваров и Я. Лосев с товарищами, всего 6 чел., сошли на берег и отправились на городской базар, чтобы ее забрать. Видимо не все горожане, следуя приказу

воеводы, прятались за стенами. Путь казаков проходил мимо двора воеводы. Здесь¹ на них напали по одним данным иркутские служилые люди с неким Кобылой, по другим ссыльные Гараська Исленьев с сыном и другие люди числом около 10 чел. Выхватив ножи, забайкальцы стали защищаться и, отбившись, отбежали к своим судам. Однако одного человека, Ивана Новикова, нападавшим удалось схватить и посадить в тюрьму.

А. Березовский и забайкальские служилые люди с оружием подошли к городу бить челом воеводе о нападении и возвращении И. Новикова. На встречу им вышел дворянин Афанасий Бейтон, герой защиты Албазинской крепости, и иркутские служилые люди, изготовившиеся к бою с оружием и в пансырях. Следуя показаниям Г. Безрукого, даурцы также стояли «хором подняв ружье и курки». А. Бейтон сказал, что на них «затравлена» пушка и приказал челобитчикам «идти прочь» к дощаникам и они подчинились. Позже к ним пришел сын боярский Софейского дома И. Толстоухов, красноярский сын боярский В. Саламатов и «многие с ним служилые люди» и сказал, чтобы забайкальцы отплыли от Иркутска «безссорно». Со стен малого города Иркутска на забайкальцев были наведены 2 пушки и ружья ратников иркутского гарнизона. При этом, многие люди здесь были пьяные, т.к воевода выдавал им вино через ссыльного человека - целовальника кружечного двора. «Заморские казаки» ответили, что если со стороны крепости прозвучит хоть один выстрел, то «со стороны город зажжем, с другой станем рубить». При этом они заметили, что «нощною порою» идти им от Иркутска не возможно и уплыли на следующий день [5, с. 369, 372–373; 14, с. 100, 107–109].

А. Савелов в своей челобитной умалчивает об этих подробностях, выставляя происходившее в самых «темных красках»: «приваля к городу бунтом, умысля воровски ... с ружьем к городу и к воеводскому двору ... приступили и из пищалей к стрельбе ... прикладывались и хотели иркутских всяких чинов жителей из ружья побить и город и дворы ... зажечь, и ... сидели в городе от их воровского бунту и приступу 7 дней». Далее он пишет, что «бунтовщики» не пошли на переговоры и угрожали собрать 500–600 чел. и приплыть следующей зимой. В челобитной иркутских жителей также написано про 7 дней, но все описанные события реально уложены в 3 дня: 9 июля забайкальцы приплыли, 10 июля был упомянутый выше инцидент с противостоянием и затем «бунтовщики» уплыли. Независимые от воеводы дети боярские И. Толстоухов и В. Саламатов, добившиеся ухода «заморских казаков» из Иркутска, также уложили весь конфликт в 1 день [5, с. 369, 372–373; 14, с. 100, 107–109].

Противостояние завершилось. Если объективно рассмотреть все события, то забайкальцы были в нем стороной, не предпринимавшей никаких реальных действий угрожавших воеводе или иркутским жителям. Естественно, на уровне разговоров и брани агрессия проявлялась. Однако мы не можем говорить о каких-то противозаконных действиях, которые можно охарактеризовать как бунт.

¹ По данным Г. Безрукого конфликт произошел у Спасской башни.

Тем не менее, закон был нарушен позднее, когда забайкальцы возвращались к Байкалу по р. Ангаре. Удинские стрельцы под руководством М. Борисова и Д. Фыка разорили деревню сына боярского Юрия Крыжановского, а затем у зимовья на Бурдугузе «прибили» и ограбили иркутского казака Ивашка Исакова и пашенного крестьянина Ганку Позднякова. Естественно, что мы не можем связывать эти события с борьбой с «феодальным гнетом». Как мы видим, жертвами стали представители разных сословий. Эти грабежи ничем не отличались от тех, которыми занимались эти же новоприборные стрельцы, отправляясь из Тобольска в Даурию. [14, с. 107–108].

Вторым и очень важным моментом для последующих обвинений было убийство 4-х иркутских казаков. «Заморские казаки», около 40 чел., встретили 9 чел. иркутян у Кежемской деревни рядом с Брацким острогом. В документах забайкальцы названы «провождальщиками», видимо, часть пути они сопровождали С. Краснояра, отправленного в Москву с челобитной. Этим можно объяснить то, что они были очень далеко от основного расположения своего отряда, находившегося в то время в Бельском остроге. Г. Безрукой также указывал на участие С. Краснояра в этих событиях, а иркутяне писали в челобитной, что убийцы «ушли, видя вину свою ... к Москве Сенькою Краснояром с товарищи». В дальнейшем на допросах забайкальцы утверждали, что у них была информация о том, что иркутские казаки были посланы А. Савеловым, чтобы «челобитчиков ... побить ... и письмо у них взять». По сведениям жителей Иркутска они были посланы разыскивать беглых людей в низовьях Ангары. По иркутянам стреляли все, но убийцами первых 3–х человек названы селенгинские казаки Данилко Домашнев Орел, Ивашко Мягкой и Ивашко Тарханов. Шестерых раненых «бив смертным боем, перераня ис пищалей и переломав руки и ноги», привезли в Братский острог и отдали на поруки местным жителям. Одного из них Сенку Щетинку привезли в Бельский острог, где Д. Фык, П. Каинов и А. Уваров «поклав ему камня в пазуху, бросили его в воду»¹. Казнь была обставлена как приговор всего казачьего войска. Г. Безрукой на допросе показал, что «для ... убивства вынесли знамя и ударили в барабаны и закричали всем войском, чтоб одноконечно ево, Сеньку посадить в воду». Он же сообщил, что Петр Бачанский и Оська Кочень у знамени говорили, что С. Краснояр приказал С. Щетинку отвезти в Селенгинский острог и держать там до «государева указу». Однако их не послушали и здесь мы снова видим самоуправство удинских новоприборных служилых людей. Во время следствия все люди, принимавшие непосредственное участие в этих преступлениях, были арестованы и заключены в тюрьму [5, с. 368, 371; 14, с. 109–110].

Интересным моментом является утверждение В. А. Александрова о подготовке Удинскими и Селенгинскими людьми совместно с прибайкальскими бурятами Окин Зайсана похода на Иркутск в 1697 г. Правда, в обеих грамотках, приведенных В. А. Александровым, Иркутск не упоминается, а целью нападения названы

¹ Следуя тексту челобитной иркутских жителей «приветчи к своим дощеникам на усть Белья реки, наругаясь насыпав песку и камня в пазуху, посадили в воду» [5, с. 368].

«воровские люди». На наш взгляд, поход должен был состояться не в Иркутск, а в монгольскую землю. За время отсутствия значительной части селенгинских казаков «в Селенгинску неприятельские люди отогнали конные табуны, и от того ... Селенгинские жители ... разорились». Прав оказался А. Савелов, который еще в феврале 1696 г. опасался, что «шатость» в даурских острогах может привести к нападению монголов и других иноземцев. Подобные действия не оставались безнаказанными и традиционно для ответного удара привлекали конницу из бурятских и других инородных воинов и добровольцев «охотников». Для этого же казаки хотели получить бурятских коней. Для нападения на Иркутск не было никаких оснований и предпосылок. Там сменился воевода, началось расследование по «неправдам» А. Савелова. И в Удинске и в Селенгинске были выбрано по 10 челобитчиков с челобитными о возмещении «обид». К тому же, судя по документам, инициаторами похода были, в первую очередь, селенгинские служилые люди, которые и в разгар конфликта 1696 г. в отличие от новоприборных удинских стрельцов, не шли на обострение ситуации. И это также никак не вяжется с предположением подготовки атаки на Иркутск [5, с. 347, 370, 374; 14, с. 98].

Итак, подводя итоги, отметим, что во время волнений в Удинске и Селенгинске даурские служилые люди не противопоставляли себя государству¹. Большая часть их действий, направленная против воеводы А. Савелова, не являлась прямым бунтом и, в большинстве случаев, не выходила за законные рамки. Произошедшие волнения, действительно, были, скорее, «смутой», о чем не раз отмечали и сами участники событий. Объявив на А. Савелова «государево дело» и обвинив его в измене, «заморские казаки», в целом, оставались в рамках существующей системы государственного управления. При этом степень вовлеченности военных корпораций Селенгинска и Удинска в «смуту» была неоднородна.

Селенгинцы и селенгинские годовальщики в Ильинском и Кабанском острогах управлялись официально утвержденными руководителями и их действия почти не вызывали вопросов у следствия. Они ждали «государева указа», который бы разрешил сложившуюся конфликтную ситуацию. Конфликт, связанный с убийством иркутян у Кежемской деревни, выглядит, скорее как, недоразумение, вызванное опасением селенгинцев за свою жизнь.

В Удинске же произошел раскол гарнизона на 2 неравнозначные части. Первая из них, состоявшая из «прежних» служилых людей, служивших в Даурии около 10 лет, придерживалась такой же позиции, как и селенгинцы. Вторая часть удинского гарнизона, состоявшая новоприборных ратников и части «старых» стрельцов, была склонна к противоправным действиям, которые явились прямым следствием и продолжением таких же «воровских» дел, осуществляемых новоприборными служилыми людьми во время их пути к месту службы. Возможно, что большая

¹ Это было отмечено и в советской историографии, не смотря на идеологические установки времени. В академической «Истории Сибири» отмечалось, что «все восставшие, не исключая казачьей гольтыбы Забайкалья, не выступали против правительства и даже в ходе восстаний искали в Москве удовлетворения своих требований» [9, с. 158]. Ситуация, сложившаяся в Даурии не является уникальной. Похожие события возникали и раньше, например, в Томске в 1637–1638 гг. [7; 9; 12; 13].

часть вины за содеянное лежит именно на их лидерах, сумевших направлять общее нейтральное большинство в своих интересах и захвативших с их помощью власть в Удинске.

Кроме того, отметим, что сам конфликт возник на благоприятной почве, которую подготовило само государство. Большинство служилых людей в гарнизонах было недовольно своим положением. 2/3 селенгинцев получали жалованье, не соответствующее характеру их службы. Это было следствием государственной политики, связанной с экономией на содержании военных в Сибири. «Выборные» служилые люди, находившиеся в Удинске не сменяясь, служили в Даурии около 10 лет, а их смена из городов Западной Сибири в крайней степени была недовольна направлением на службу в Забайкалье. Гибкий подход, основанный на формировании даурских гарнизонов из добровольцев, в этот период развития Сибири был уже возможен, однако, государство предпочло использовать изживавшую себя традиционную схему, основанную на посылке на восток «годовальщиков» из Западной Сибири.

В заключении отметим, что проблема волнений служилых людей в сибирских городах по-прежнему актуальна для исследований и может быть плодотворно развита с вовлечением в научный оборот новых неопубликованных источников.

Список использованных источников и литературы

1. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI– середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. – 372 с.
Akimov Yu. G. Severnaya Amerika i Sibir' v kontse XVI– seredine XVIII v.: Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010. – 372 s.
2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. – Хабаровск, 2016. – 488 с.
Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. – Khabarovsk, 2016. – 488 s.
3. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Хабаровск, 2019. – 628 с.
Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. – Khabarovsk, 2019. – 628 s.
4. Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. – 1957. – № 59. – С. 254–309.
Aleksandrov V. A. Narodnye vosstaniya v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII v. // Istoricheskie zapiski. – 1957. – № 59. – С. 254–309.
5. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. – М. 1962 – С. 345–386.
Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – M. 1962 – S. 345–386.
6. Багрин Е. А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 90–119.

Bagrin E. A. Sibirskie «vybornye» sluzhilye lyudi v polku F. Golovina v 1686–1690 gg.: chislennost' i sostav (s poimennym spiskom) // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 90–119.

7. Бояршинова З. Я. Волнения в Томске в XVII веке. // Вопросы истории – 1956. – № 6. – С. 109–115.

Boyarshinova Z. Ya. Volneniya v Tomske v XVII veke. // Voprosy istorii – 1956. – № 6. – С. 109–115.

8. Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альм. гуманит. исслед.: [Философия, социология, право, история, филология и др.]. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000 – Вып. 2. – С. 173–183.

Zuev A. S. Zabytyi geroi: shtrikhi k biografii Afanasiya Ivanovicha Beitona // Nemetskii etnos v Sibiri: Al'm. gumanit. issled.: [Filosofiya, sotsiologiya, pravo, istoriya, filologiya i dr.]. – Novosibirsk: Gumanitarnye tekhnologii, 2000 – Вып.2. – С. 173 – 183.

9. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. – Л: Наука. Ленингр. отд–ние, 1968. – 538 с.

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (v 5 tomakh) / gl. red. A. P. Okladnikov. T. 2: Sibir' v sostave feodal'noi Rossii / Avt. V. A. Aleksandrov, V. G. Mirzoev, V. I. Shunkov i dr. – L: Nauka. Leningr. otd–nie, 1968. – 538 s.

10. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. – Иркутск, 1939. – 98 с.

Kudryavtsev F. A. Vosstaniya krest'yan, posadskikh i kazakov v Vostochnoi Sibiri v kontse XVII v. – Irkutsk, 1939. – 98 s.

11. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М., 2012. – 321 с.

Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uездov). – М., 2012. – 321 s.

12. Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637–1638 годов (очерк из жизни XVII века) // Исторический вестник – 1901 № 7. – С. 229–250.

Ogloblin N. N. Tomskii bunt 1637–1638 godov (ocherk iz zhizni XVII veka) // Istoricheskii vestnik – 1901 № 7. – С. 229–250.

13. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов.: (Очерк из истории нар. движений в Сибири). – Томск, 1902. – 47 с.

Ogloblin N. N. Krasnoyarskii bunt 1695–1698 godov.: (Ocherk iz istorii nar. dvizhenii v Sibiri). – Tomsk, 1902. – 47 s.

Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. – СПб., 1902 – 198 с.

Pervoe stoletie Irkutsk. V pamyat' 250-letiya Irkutsk. – SPb., 1902 – 198 s.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059.

RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059.

16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek / sost. G. N. Rumyantsev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude, 1960. – Вып. 1. – 493 s.

17. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661 – 1917 годы. В 2 т. – Иркутск: «Оттиск», 2003. – Т. 1. – 464 с.

Chernigov A. K. Irkutskie povestvovaniya. 1661 – 1917 gody. V 2 t. – Irkutsk: «Ottisk», 2003. – Т. 1. – 464 s.

Bagrin E. A. «Riot» or «Chaos»? : nature of disturbance between Udinsk and Selenginsk warriors in 1696

The article examines the disturbances of warriors from Selenginsk, Udinsk, Ilyinsky and Kabansky fortresses, which occurred in 1696. The author of the study believes that the events were not a direct struggle against state administration. Most of the actions of Transbaikalye residents, directed against the voivode

*«БУНТ» ИЛИ «СМЯТЕНИЕ»? К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ БЕСПОРЯДКОВ
УДИНСКИХ И СЕЛЕНГИНСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В 1696 Г.*

A. Savelov, were not the riot and in most cases did not go beyond the legal framework. On the basis of those events were the erroneous policy of the state aimed at the garrisons formation in Western Transbaikalye, not at anti-feudal process as it was previously thought. The article focuses on the fact that the stage of involvement of Selenginsk and Udinsk military corporations in «troubles» was unequal. While Selenginsk warriors and part of the «old» Udinsk warriors had taken a moderate position in anticipation of conflict resolution with Irkutsk voivode with the help of the state some of Udinsk warriors, mainly the newly-recruited, were inclined to arbitrariness and violation of the law.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Dauria, XVII century

УДК: 930:355.48(480.99:47)"18"

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-37-45

ЛАПЛАНДСКАЯ ВОЙНА: К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ КОНФЛИКТА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Бешко Е. В., Шипилин П. И.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: bebashko_leka@mail.ru; p.schipilin2011@yandex.ru*

Рассматривается ряд историографических вопросов, которые связаны с появлением или отсутствием научных публикаций по теме конфликта Лапландской войны в отечественной историографии. Если говорить о примерном времени начала появления научных работ по теме Лапландской войны – то надо сказать, что зарубежные, по тематике этого конфликта появлялись уже в 80-90 годах, если не раньше. Исследований, которые упоминают эту войну в отечественной историографии, начиная, непосредственно со времени развития конфликта – крайне мало. Были сопоставлены зарубежные и отечественные историография. Отечественная, до настоящего момента отмечена слабым приоритетом и интенсивностью публикации работ и трудов, основанных на изучении данного события. Сделав анализ базы литературы и источников, надо отметить, что у этого конфликта, связей с Советским Союзом гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд. Поэтому данная работа, построена путем выявления и обоснования ряда причин, ввиду которых, как видится авторам статьи – можно наблюдать большую разницу в отражении этой темы в материалах научных работ зарубежного и отечественного полей историографии.

Ключевые слова: историография, Лапландская война, Финляндия, советско-финские международные отношения, зарубежная историография, отечественная историография.

Тематика данного исследования затрагивает в целом вопросы историографического характера.

Данная работа была сконцентрирована вокруг конфликта под названием Лапландской войны ввиду того, что в отечественной историографии ей практически не уделялось и не уделяется должного внимания и изучения. Потому в рамках исследования, необходимо разобрать ситуацию с историографической составляющей данной темы. В этом видится ее актуальность – в разностороннем освещении различных историографических проблем вопросов связанных с данным историческим событием, которые очень слабо рассматривались либо не рассматривались вообще в отечественной историографии.

Ранее по теме Лапландской войны авторами данной работы было проведено исследование, касающееся международных вопросов Лапландской войны, и хотя оно и не характеризовалось как историографическое, и не нацелено полностью на исследование процесса появления данной темы в работах отечественной и зарубежной историографии – к его задачам относилось освещение в списке использованных источников и литературы довольно большого пласта работ и документов по заданной теме. Иначе говоря, шел параллельный процесс создания

историографической канвы. В данной статье, основываясь на полученном и обработанном материале – авторы делают попытку вынести предположения относительно ряда историографических вопросов, связанных с этой темой.

Объектом исследования является тема Лапландской войны в зарубежной и отечественной историографии, а предметом исследования – отличительные черты отражения в вышеуказанных «историографических полях».

Цель работы – не показать весь массив историографического материала, но на ряде примеров предположить и обосновать причины появления этой темы в работах отечественных и зарубежных авторов в разное время.

Задачи работы:

– Дать краткую историографическую характеристику, касающуюся темы Лапландской войны, включающую в себя разработанность тематики и разделение историографических материалов по группам, выделяя среди них конкретные примеры.

– Выявить основные причины отсутствия большого количества работ по заданной теме в отечественной историографии.

– Обосновать выявленные причины, проанализировав внешние и внутренние факторы, которые влияют на появление или отсутствие работ в отечественной науке.

Конечно, сначала следует кратко указать историографическую характеристику темы Лапландской войны, прежде чем разбирать в деталях проблемы, связанные с проведением и публикацией научных исследований.

Разработанность тематики в историографии нужно делить на историографию зарубежную и отечественную. После проведенного анализа всего доступного массива источников и литературы по данной теме – можно с уверенностью сделать вывод, что в зарубежной историографии лапландская война и ряд вопросов, с ней связанных, освещены гораздо лучше, чем в отечественной.

В целом, можно сказать, что вопросы, связанные с выходом Финляндии из Второй Мировой и подписанием перемирия с СССР намного лучше освещены в историографии, чем последовавшая за этими событиями Лапландская война. В этом моменте видится самая явная разница между отечественной и зарубежной историографией «Лапландской войны».

Говоря об отечественных авторах – наибольший вклад в науку внесли крупнейшие специалисты по данным вопросам – Н. И. и В. Н. Барышниковы, которые в целом являются одними из самых известных и признанных ученых, которые занимались темами, связанными с историей Финляндии. В частности, в этих работах интересна разбивка на этапы всего процесса дипломатического общения, направленного на выход Финляндии из войны, которую представил в нескольких своих публикациях Н. И. Барышников [2; 3]. Конечно же, несомненно качественные и полезные работы таких ученых, как С. Г. Веригин и Э. П. Лайдинен [3; 4]. Говоря о проблеме публикаций работ по этой теме – надо отметить, что в одном из крайних исследований, опубликованных под авторством С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена ведется речь о материалах по теме Лапландской войны, которые

размещены на хранении в российских архивах. Так как, архивные источники являются непосредственными материалами для написания научных работ – данное исследование видится весьма важным для анализа рассматриваемых вопросов.

Так же отличаются исследования А. И. Куликова, связанные с темой американского меморандума 1943 года [5]. По столь же узконаправленным темам, только уже касающимся тем шведского посредничества в вопросах налаживания мира между Финляндией и СССР – опубликовала весьма полезные и интересные статьи А. Р. Садомцева [10–13].

Отдельно хочется указать историографическую статью, посвященную вопросам ведения войны Финляндией на стороне Германии в 1941–1944 гг. под авторством Г. А. Куманева. Историографические статьи по данной теме являются довольно редким явлением, потому эта работа была очень ценной для авторов данного исследования [6, с. 342–371]. Из зарубежных работ подобного плана стоит выделить статью «Modern Finnish historiography: the Second World war. New approach to old topic» под авторством Viena-Tuuli Vasara [20].

Так же, следует выделить в отдельную группу публикации отечественных авторов на темы биографические, касающиеся личностей, которые занимали значимое место в истории как советско-финляндской, так и Лапландской войны. Так, к этой группе относятся работы, исследующие деятельность и жизнь К. Г. Маннергейма, А. М. Коллонтай, А. А. Жданова. Такие работы показывают исследуемые события через призму деятельности лиц, либо стоявших у руководства странами, либо выполнявших посредническую деятельность в переговорах или контролирующую деятельность на этапе выполнения условий мирного договора.

Говоря об иностранных авторах – чьих работ по данной теме на порядок больше чем отечественных – конечно же, стоит упомянуть работы О. Вехвиляйнена [15] и Х. Мейнандера [7]. К большому сожалению, эти работы являются редкими, с той стороны вопроса редкости, что они были переведены на русский и украинский языки, ведь большинство иностранных работ существуют на соответствующих языках оригиналов. Так, например – фундаментальной, основополагающей работой является труд А. Sampo – «Aseveljetvastakkain. Lapinsota 1944–1945» [18], а довольно новым (2017 года издания) и интересным согласно выбранной проблеме, поставленной в исследовании, является труд «Käsivarensota: Lastenristiretki 1944–1945» авторства М. Kulju [16]. Весьма информативным видится публикация из цикла работ изданных издательством Osprey (специализированное зарубежное издание, направленное на военно-историческую тематику) – «Finland at War The Continuation and Lapland Wars 1941–45» [17]. Есть целый ряд работ, которые освещают тему немецкого присутствия в Финляндии, или отдельно – на территории Лапландии. Одной из самых новых работ по данным вопросам (2018 год публикации) можно считать труд О. Seitsonen под заголовком «Digging Hitler's Arctic War Archaeologies and Heritage of the Second World War German military presence in Finnish Lapland.» [19]. Весьма полезно отметить, что этот авторы ставят для себя вопросы Лапландской войны одними из основных в своей научной деятельности, что несомненно, является важной подробностью для будущих

исследований. Однако, как еще будет рассмотрено в данной статье – все эти указанные выше работы существуют пока только на языке оригинала, что существенно затрудняет работу с ними.

Если говорить о примерном времени начала появления публикаций по теме Лапландской войны – то надо сказать, что зарубежные работы по теме этого конфликта появлялись уже в 80–90 годах, если не раньше. В первую очередь, это конечно же страны, напрямую связанные с этими событиями – Финляндия и Германия. Далее существуют знаковые публикации на шведском (и языках иных стран Северной Европы) и английском языках. Казалось бы – это закономерно, ведь эта война больше касалась Германии и Финляндии, нежели СССР, который уже подписал к этому моменту договор о перемирии с финнами. Однако надо отметить, что у этого конфликта связей с Советским Союзом гораздо больше, исходя из анализа базы литературы и источников по этой тематике.

Работ, которые упоминают эту войну в отечественной историографии за все время, начиная, непосредственно со времени развития конфликта – крайне мало. При чем, в целом, судя по историографии – в СССР и в России было и есть достаточное количество ученых, которые известны как специалисты в теме советско-финляндских взаимоотношений, ими написаны достойные, ценные и состоявшиеся в научном сообществе труды, в том числе по истории СССР и Финляндии во время Второй Мировой. Но, к сожалению – очень многие из этих работ попросту пропускают эту часть истории, когда Финляндия попала в серьезный конфликт с немцами. Т.е. – сразу после наступления перемирия в работах исследуются вопросы, связанные с периодами после 1945 года. В лучшем случае упоминаются темы Союзной Контрольной Комиссии и А. А. Жданова, итоги их работы в Финляндии, после подписание мира в 1947 году, и все далее идущие события общей истории советско-финских взаимоотношений. Возникает ряд вопросов о причинах такого выборочного отказа во внимании к этому конфликту, учитывая то, что СССР как минимум оказывал поддержку финнам в выполнении задачи вывода немцев с территории Финляндии, а как максимум – являлся одним из участников международных взаимоотношений, который подтолкнул конфликт к его началу.

Все это, конечно же, высказывается ни в коем случае не в упрек всем тем исследователям, которые изучали вышеуказанные вопросы без внимания к Лапландской войне, т.к. среди работ – довольно много таких, которые стали очень известными и признанными в научной среде. Большая часть из них в принципе ценна в качестве исследование по теме советско-финляндских взаимоотношений во Второй Мировой войне и после неё. Вклад в историографию в этом плане ни в коем случае нельзя умалять, понимая, что для многих авторов эти темы являются трудами всей жизни. Но, тем не менее, вопросы возникают, и авторами данного исследования делается попытка сделать ряд предположений по данной проблеме.

Первая причина уже была названа выше. Она связана с возможным ошибочным мнением, что данный конфликт имеет слишком малое отношение к отечественной истории, когда об этой войне если и высказываются, то только в ключе небольшого

немецко-финского противостояния за рамками отношений с СССР. Оставлять эту тему без внимания, тем более что предшествующие ей события описаны весьма подробно – попросту нельзя.

Вторая причина – явная недоступность в годы СССР документальных источников – будь то в архивах самого СССР или за рубежом. Это понятная причина, по которой в принципе тема Второй мировой в годы Союза была далеко не так подробна и богата на достоверные примеры из источников, как то можно наблюдать сейчас. Однако – в 1980–90 годах произошла архивная революция, которая дала возможность исследовать данную тему намного качественнее, но все же – публикаций по данной теме практически в СССР и после, в России – не наблюдалось. Авторы не станут долго описывать причину недоступности зарубежных архивов – т.к. здесь все понятно, проблема языкового барьера и удаленного места хранения очень многие ученых лишает возможности использования таких документов. Но – в ученой среде было и существует довольно много состоявшихся ученых, которые либо в совершенстве, либо на достаточном уровне знают финский, немецкий, шведский и другие языки, однако крупных публикаций по теме Лапландской войны все равно нет.

Еще одна причина, которая существенно мешала многим исследованиям раскрыть свой потенциал – это цензура, которая была связана с политическим строем и конъюнктурой. Этим объясняется факт того, что многие исследования изданные во времена СССР пишутся ровно до того момента, пока финны вели войну с Советским Союзом – пока они были враждебной страной. А после – описывают положение Финляндии и СССР в условиях дружбы и добрососедства. Учитывая, что роль СССР для начала этого конфликта в какой-то степени не совсем положительна — стоит понимать, что работы ученых, которые бы описывали события Лапландской войны – скорее всего попросту не вышли бы в свет либо труды (или сами авторы) были бы негативно восприняты научным сообществом и высшими эшелонами власти. Стоит признать, что за последние 20 лет это положение немного меняется, изредка в работах можно видеть упоминания с названием «Лапландская война» или просто кратко говорится о некоем конфликте между финнами и немцами в этот период – но крупных публикаций по этой теме не вышло.

У многих коллег могло сложиться впечатление, что данная «война» событие слишком локальное, в отдельных случаях – сомнительное и существование которого не доказано или существует в науке под другим наименованием. Авторы данного исследования в процесс его ведения не раз сталкивались с реакцией в ответ на вопросы по теме Лапландской войны, которая выглядела примерно следующим образом: «А вы уверены, что такая война была?» или «Быть может название конфликта иное, вы точно знаете?». В этом ключе стоит сделать заметку о том, как вообще называется этот конфликт во всемирной историографии тех стран, что были перечислены ранее. Так, в финской историографии это заголовок «Lapinsota», в немецкой – «Laplandkrieg», шведской – «KrigetiLapland» или «Lapplandskriget», и наконец, «Laplandwar» в англоязычных публикациях. Как можно судить из

приведенных примеров, все исследования, которые в отечественном поле хоть немного упоминают этот конфликт (включая данную работу) – пользуются переводным названием войны из зарубежной историографии, которое несет в себе один и тот же смысл. Становится ясно, что это не тот самый случай с разницей использования терминов «Советско-финская война 1941–1944» и «Война-продолжение» (Jatkosota), когда одно событие разные участники и страны называют по-разному, часто исходя из собственных различающихся парадигм и взглядов на их трактовку. Здесь же конфликта интерпретаций понятия – нет. И, тем не менее – работ, упоминающих соответствующее принятое в историографии название – чрезвычайно мало. Например, очень важной и одной из немногих отечественных работ по теме, которые описывают события Лапландской войны стала уже упоминавшаяся выше публикация С. Г. Веригина и Г. В. Чумакова по материалам отечественных архивов [4]. Так же, вкратце об этом написано в работе Н. И. Барышникова «Финны на службе СС» [1, с. 193–194], немного упоминается в книге В. Никитина «Финская армия: русский след. Люди и оружие» [8, с. 332–333], есть упоминание в сборнике опубликованных документов из серии «Документы советской истории» – «Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.)» [14, с. 266–274]. Но в этих случаях – о событии сказано кратко, и оно не упоминается как «Лапландская война» или «война» вообще – о нем говорится в ключе процесса вывода войск противника по условиям перемирия, в крайнем случае – название упомянуто как «неофициальное» – как можно наблюдать в статье В. В. Рогинского [9, с. 177]. В принципе, большинство из того малого списка исследований, посвященных в отечественной науке Лапландской войне – вышли в свет в 2014–2019 годах. До этого периода – самостоятельных исследований по теме этой войны почти не наблюдается, и указанный выше список работ – все равно довольно мал, и тема изучается медленно.

Ситуацию лишь отчасти спасают переводы зарубежных исследований, и переводы источников мемуарного характера, хотя анализ этих материалов приводит к выводу о том, что большое количество работ 80–90 годов остаются непереведенными. Эти труды являются ценнейшими исследованиями авторов из стран-участниц описываемого конфликта или же его современников.

В итоге, можно заключить, что тема Лапландской войны: локального конфликта на территории Северной Финляндии – в отечественной историографии до настоящего момента отмечена слабым приоритетом и интенсивностью публикации работ и трудов, основанных на ее изучении. Данная работа несла в себе актуальность в ряде вопросов. Проанализировав историографическую базу данной темы, в данном и прошедших ранее исследованиях, авторы попытались ответить на эти вопросы, опираясь на изученный материал.

Список использованных источников и литературы

1. Барышников, В. Н. Финны на службе в войсках СС / В. Н. Барышников. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 146–184.

- Baryshnikov, V. N. Finny na sluzhbe v voiskakh SS / V. N. Baryshnikov. – SPb.: Izd-vo RKhGA, 2014. – S. 146–184.
2. Барышников, Н. И. Финляндия во второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Л.: Лениздат, 1989. – 336 с.
- Baryshnikov, N. I. Finlyandiya vo vtoroi mirovoi voine / N. I. Baryshnikov, V. N. Baryshnikov, V. G. Fedorov. – L.: Lenizdat, 1989. – 336 s.
3. Барышников, Н. И. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений / Н. И. Барышников, Э. П. Лайдинен. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – С. 198–216.
- Baryshnikov, N. I. Izbrannoe. Iz istorii sovetsko-finlyandskikh otnoshenii / N. I. Baryshnikov, E. P. Laidinen. – SPb.: Izd-vo RKhGA, 2013. – S. 198–216.
4. Веригин, С. Г. Российский взгляд на Лапландскую войну: по материалам центральных российских архивов / С. Г. Веригин, Г. В. Чумаков // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16–2. – С. 68–85.
- Verigin, S. G. Rossiiskii vzglyad na Laplandskuyu voynu: po materialam tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov / S. G. Verigin, G. V. Chumakov // Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2016. – №16–2. – S. 68–85.
5. Куликов, А. И. Американский меморандум марта 1943 года и его влияние на развитие финско-американских и финско-германских отношений / А. И. Куликов // Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2009. – №5. – С. 70–84.
- Kulikov, A. I. Amerikanskii memorandum marta 1943 goda i ego vliyanie na razvitie finsko-amerikanskikh i finsko-germanskikh otnoshenii / A. I. Kulikov // Vestnik MGIMO. – M.: MGIMO MID RF, 2009. – №5. – S. 70–84.
6. Куманев, Г. А. Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза 1941–1944 гг. (Проблема и ее изучение в СССР и России) / Г. А. Куманев // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв.: Коллективная монография. – М.: Издательский центр Ин-та российской истории РАН, 2006. – С. 342–371.
- Kumanev, G. A. Ob uchastii Finlyandii v sostave fashistskogo bloka v voine protiv Sovetskogo Soyuza 1941–1944 gg. (Problema i ee izuchenie v SSSR i Rossii) / G. A. Kumanev // Rossiya i Finlyandiya: problemy vzaimovospriyatiya. XVII – XX vv.: Kollektivnaya monografiya. – M.: Izdatel'skii tsentr In-ta rossiiskoi istorii RAN, 2006. – S. 342–371.
7. Мейнандер, Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения / Х. Мейнандер; пер. со швед. Зинаиды Линден. – М.: Весь Мир, 2014. – 395 с.
- Meinander, Kh. Finlyandiya, 1944. Voina, obshchestvo, nastroeniya / Kh. Meinander; per. so shved. Zinaidy Linden. – M.: Ves' Mir, 2014. – 395 s.
8. Никитин, В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие / В. В. Никитин. – СПб.: Остров, 2017. – С. 213–222.
- Nikitin, V. V. Finskaya armiya: russkii sled. Lyudi i oruzhie / V. V. Nikitin. – SPb.: Ostrov, 2017. – S. 213–222.
9. Рогинский, В. В. Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 году / В. В. Рогинский // Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2011. – № 1(16). – С. 173–180.
- Roginskii, V. V. Obraz Sovetskogo Soyuza v stranakh Severnoi Evropy v 1945 godu / V. V. Roginskii // Vestnik MGIMO. – M.: MGIMO MID RF, 2011. – № 1(16). – S. 173–180.
10. Садомцева, А. Р. Секретные советско-финляндские переговоры в Стокгольме в феврале 1944 года в свете различных источников: проблемы и достоверность / А. Р. Садомцева // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16–2. – С. 131–148.
- Sadomtseva, A. R. Sekretnye sovetsko-finlyandskie peregovory v Stokgol'me v fevrale 1944 goda v svete razlichnykh istochnikov: problemy i dostovernost' / A. R. Sadomtseva // Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2016. – №16–2. – S. 131–148.
11. Садомцева, А. Р. Роль Г. Грипенберга в решении «финского вопроса» во время Второй мировой войны (Ноябрь 1943 г. – Сентябрь 1944 г.) / А. Р. Садомцева // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 113–118.

Sadomtseva, A. R. Rol' G. Gripenberga v reshenii «finskogo voprosa» vo vremya Vtoroi mirovoi voyny (Noyabr' 1943 g. – Sentyabr' 1944 g.) / A. R. Sadomtseva // *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: Sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2019. – S. 113–118.

12. Садомцева, А. Р. Роль Швеции в урегулировании советско-финляндских отношений (Ноябрь 1943 – Сентябрь 1944) / А. Р. Садомцева // *Вестник современных исследований.* – Омск.: ИП Соловьёв Вадим Олегович, 2018. – №12.8 (27). – С. 322–327.

Sadomtseva, A. R. Rol' Shvetsii v uregulirovanii sovetско-finlyandskikh otnoshenii (Noyabr' 1943 – Sentyabr' 1944) / A. R. Sadomtseva // *Vestnik sovremennykh issledovaniy.* – Омск.: IP Solov'ev Vadim Olegovich, 2018. – №12.8 (27). – С. 322–327.

13. Садомцева, А. Р. Шведско-американские отношения сквозь призму «финского вопроса» (22.06.1941 г. – лето 1943 г.) / А. Р. Садомцева // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Девятнадцатой ежегодной международной научной конференции.* – СПб.: Изд-во РХГА, 2018. – С. 87–98.

Sadomtseva, A. R. Shvedsko-amerikanskije otnosheniya skvoz' prizmu «finskogo voprosa» (22.06.1941 g. – leto 1943 g.) / A. R. Sadomtseva // *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: materialy Devyatnadsatoj ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* – SPb.: Izd-vo RKhGA, 2018. – S. 87–98.

14. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). Сборник документов / Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 398 с.

Sovetskaya propaganda na zavershayushchem etape voyny (1943–1945 gg.). Sbornik dokumentov / Avt.-sost. A. Ya. Livshin, I. B. Orlov. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. – 398 s.

15. Вехвильяйнен, О. Финляндия в Второй мировой войне: между Германией и Россией / О. Вехвильяйнен. – Киев: Темпора, 2010. – 241 с.

Vekhviylainen, O. Finlyandiya v Drugii svitovii viini: mizh Nimechchinyu i Rosieyu / O. Vekhviylainen. – Kiiv: Tempora, 2010. – 241 s.

16. Kulju, M. Käsivarren sota: Lasten ristiretki 1944–1945 / M. Kulju. – [Helsinki]: Gummerus [2017]. – 237 s.

Kulju, M. Käsivarren sota: Lasten ristiretki 1944–1945 / M. Kulju. – [Helsinki]: Gummerus [2017]. – 237 s.

17. Nenyё, V. Finland at War The Continuation and Lapland Wars 1941–45 / V. Nenyё [et al.]. – Osprey Publishing, 2016. – 336 с. – (Series: Osprey General Military).

Nenyё, V. Finland at War The Continuation and Lapland Wars 1941–45 / V. Nenyё [et al.]. – Osprey Publishing, 2016. – 336 s. – (Series: Osprey General Military).

18. Sampo, A. Aseveljet vastakkain. Lapin sota 1944–1945 / A. Sampo. – Helsinki: Kirjayhtymä, 1980.

Sampo, A. Aseveljet vastakkain. Lapin sota 1944–1945 / A. Sampo. – Helsinki: Kirjayhtymä, 1980.

19. Seitsonen, O. Digging Hitler's Arctic War: Archaeologies and Heritage of the Second World War German military presence in Finnish Lapland / O. Seitsonen. – Helsinki: University of Helsinki, 2018. – 213 с.

Seitsonen, O. Digging Hitler's Arctic War: Archaeologies and Heritage of the Second World War German military presence in Finnish Lapland / O. Seitsonen. – Helsinki: University of Helsinki, 2018. – 213 s.

20. Vasara, V.-T. Modern finnish historiography: the Second World war – new approach to old topic / V.-T. Vasara // *Вестник СПбГУ. Сер. 2.* – СПб.: Изд-во СПбГУ. – 2016. – Вып. 2. – С. 156–160.

Vasara, V.-T. Modern finnish historiography: the Second World war – new approach to old topic / V.-T. Vasara // *Vestnik SPbGU. Ser. 2.* – SPb.: Izd-vo SPBGU. – 2016. – Vyp. 2. – S. 156–160.

Bebeshko, E. V., Shipilin P. I. Lapland War: on the question of reflecting the conflict in foreign and domestic historiography.

In the research considered historiographic issues related to the appearance or absence of scientific publications on the conflict of the Lapland War in domestic historiography. If we talk about the approximate

time of the beginning of the appearance of scientific works on the topic of the Lapland War, then I must say that foreign, on the topic of this conflict appeared already in the 80-90s, if not earlier. There are very few researches that mention this war in domestic historiography, starting directly from the time the conflict developed. Foreign and domestic historiography were compared. Domestic, until now it has been marked by a weak priority and intensity of publication of works and works based on the study of this event. Having made an analysis of the literature base and sources, it should be noted that this conflict, ties with the Soviet Union are much more than it might seem at first glance. Therefore, this work is built by identifying and substantiating a number of reasons, due to which, as the authors of the article see it, a big difference can be observed in the reflection of this topic in the materials of scientific works of foreign and domestic fields of historiography.

Keywords: historiography, Lapland war, Finland, Soviet-Finnish international relations, foreign historiography, domestic historiography

УДК 902.034“1853/1856”:069

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-46-62

**«АРХЕОЛОГИЯ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА. ЭПИЗОДЫ»:
МАТЕРИАЛЫ ПОДВОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОПЫТ СОЗДАНИЯ
ВЫСТАВКИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ
«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»**

Букатов А. А., Прохорова Т. А.

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, Российская Федерация.
E-mail: grejfrut@mail.ru; bukat@list.ru*

При раскопках на территории Гераклеийского полуострова и во время подводных исследований в бухтах Севастополя археологи сталкиваются с достаточно большим количеством материалов, связанных с одним из самых масштабных и, без преувеличения, трагических событий середины XIX века – Восточной (Крымской) войной, точнее, с эпизодами ее Крымской кампании 1854–1855 гг. Территория Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» была ареной этого военного противостояния, самым непосредственным образом повлиявшего на проведение археологических работ на территории Херсонеса и судьбы его исследователей. Декорациями к этой драме выступали «ancient foundations» – «древние руины», обозначенные на военных картах рядом с позициями и местами базирования войск. Корабли неприятеля бросали якоря в бухтах Гераклеийского полуострова – местах древних гаваней. Морем, следуя древними судоходными маршрутами, осуществлялось снабжение войск, в прибрежных водах разворачивались отдельные эпизоды сражений. Подводные археологические находки этого периода, сохранившие массу интересной и уникальной информации, достаточно скудно представлены в музейных экспозициях. Изучение Крымской войны с точки зрения археологии представляется весьма перспективным направлением для дальнейших исследований. То, как и кем велись раскопки в годы войны, и то, что оставила Крымская война исследователям в археологическом отношении, – это лишь магистральные темы возможных изысканий. Изучение литературы и источников, археологические находки служат лишним тому подтверждением. Потенциал данной темы для исследователей истории Херсонеса обозначен выставкой «Археология и Крымская война. Эпизоды», проходившей в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» в марте-июне 2020 г. В статье опубликован каталог предметов, обнаруженных подводными работами в бухте Казачьей и ставших основой экспозиции временной выставки «Археология и Крымская война. Эпизоды».

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Крымская война, выставка, подводная археология, У. Симпсон, Р. Фентон, У. Манро.

Восточная, или Крымская, война 1853–1856 гг. является без преувеличения одним из самых масштабных и трагических событий середины XIX века. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке и Курилах. Однако наиболее драматичные события развивались на Крымском полуострове, для которого война не прошла бесследно. Как результат, сегодня в ходе раскопок на

территории Гераклейского полуострова и во время подводных исследований в бухтах Севастополя археологи сталкиваются с достаточно большим количеством материалов, связанных с событиями Восточной войны, точнее, с эпизодами ее Крымской кампании 1854–1855 гг. Как писал Павел Петрович Бабенчиков, «...археолога-обследователя подстерегает здесь (т. е. на Гераклейском полуострове. – *Ред.*) опасность, которая может привести (и приводила уже не раз) к недоразумениям и досадным ошибкам: пустынный в общем ландшафт Гераклейского полуострова, обвеянный дыханием тысячелетий, усыпляет бдительность, и среди руин действительно глубокой старины остатки даже недавнего прошлого трудно различимы. На этих спокойных равнинах полуострова, в его унылых и порой диких, как ущельях, балках невольно забывается близость к драматическим событиям, которые разыгрывались здесь в сравнительно недавнее время. Ведь из этой почвы и в значительной степени из материала древних памятников вырос грозный Севастополь... Севастополь – это ворота в Европу и угроза Востоку, здесь был главный театр кровавых событий 1854–1855 г., когда Европа мобилизовала свои лучшие военные силы в борьбе с Россией за пути на Восток. В годы Крымской войны и осады Севастополя на Гераклейском полуострове разместились армии четырех государств; территория полуострова была покрыта шумными палаточными лагерями вражеских войск и взрыта их грандиозными осадными работами. С окончанием военных действий полуостров снова быстро опустел, но к древним руинам прибавились новые» [10, с. 172].

Рис. 1. Часть экспозиции временной выставки «Археология и Крымская война. Эпизоды». Малый зал временных выставок византийской экспозиции Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Фото А. А. Букатова. Март 2020 г.

Территория Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» и его хоры была ареной вооруженного противостояния в годы Крымской войны, повлиявшего на проведение археологических работ на территории Херсонеса и судьбы его исследователей. Декорациями к этой драме выступали «ancient foundations» – «древние руины», обозначенные на военных картах рядом с позициями и местами базирования войск. Не вызывает сомнений, что проведение активных боевых действий в непосредственной близости к памятникам неизбежно приводило к повреждению или утрате многих из них. Этим объясняется заметное число исследований, посвященных состоянию, использованию, истории изучения и, наконец, судьбам историко-культурного наследия Крыма в 1854–1856 гг., что, в свою очередь, в общем массиве трудов по истории Крымской войны оформилось в самостоятельное направление. Проблематика исследований весьма широка: от реконструкции событий войны до изучения формирования системы охраны памятников на полуострове. Отдельное внимание историков уделено проблеме утраты культурных ценностей в ходе военной кампании 1854–1856 гг. [12, с. 266; 11, с. 166–167]. В ряде публикаций авторы касались вопросов, связанных с раскопками силами союзников в окрестностях ключевых мест сражений (Керчь, Балаклава), прослежена судьба некоторых находок [3; 4; 1].

Таким образом, анализ имеющейся на сегодняшний день литературы позволяет утверждать, что раскопки, проводимые союзниками на территории полуострова, и связанные с ними факты вывоза и утраты культурных ценностей в Крыму продолжают обращать на себя внимание исследователей. Археологией были увлечены отдельные энтузиасты из стана вражеской коалиции. Известно, что на протяжении всего периода оккупации Керчи во время Крымской войны 1853–1856 гг. в городе активно работал член Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии доктор Дункан Мак-Ферсон (1812–1867). С октября 1855 г. до июня 1856 г. все свободное от служебных обязанностей время Мак-Ферсон посвящал археологическим раскопкам в Пантикапее, на Киммерийском Босфоре. После Крымской войны все находки англичанина были перевезены в Британский музей и вызвали большой интерес в научном мире. После возвращения в Англию доктор Мак-Ферсон издал в Лондоне книгу «Древности Керчи и исследования в Киммерийском Босфоре, с замечаниями по этнологической и физической истории Крыма» (1857) с полным и обстоятельным отчетом об археологических раскопках на Керченском полуострове.

Одновременно с ним с начала ноября до 14 декабря 1855 г. неподалеку от английской штаб-квартиры под Балаклавой проводил раскопки полковник английского 39 полка Уильям Манро (1818–1880). Описание хода этих работ можно найти в статьях английского корреспондента У. Рассела, опубликованных в газете «Illustrated London news». Уильям Манро предпринял любительские археологические раскопки в верховьях Сардинакиной балки. Предметы из этих раскопок ныне хранятся в Британском музее. Известны также и другие примеры ведения археологических работ, а сколько подобных случаев остались неизвестными, никем и нигде не зафиксированными! Если говорить об археологии в годы

Крымской войны, то мы вынуждены с сожалением констатировать, что все эти работы носили грабительский характер. Расцвет «черной археологии» в эти годы легко объясним отсутствием централизованного контроля за происходящим на этой территории.

Окрестности Севастополя, богатые в археологическом отношении предметами времен Крымской войны, вызывают не меньший интерес ученых. В ходе нескольких полевых сезонов сотрудниками отдела подводных исследований Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» был накоплен богатый материал [2], ставший основой коллекции, которая была представлена на выставке «Археология и Крымская война. Эпизоды», проходившая в музее-заповеднике с 5 марта по 9 июля 2020 года¹ (рис. 1).

Корабли неприятеля бросили якоря в бухтах Гераклеяского полуострова – местах древних гаваней. Морем, следуя древними судоходными маршрутами, осуществлялось снабжение войск, в прибрежных водах разворачивались отдельные эпизоды сражений. Подводные археологические находки этого периода, сохранившие массу интересной и уникальной информации, достаточно скудно представлены в музейных экспозициях. Они иллюстрируют не только военное противостояние сильнейших Европейских держав, но и процессы революционного подъема промышленного производства первой половины XIX в. Экономические процессы способствовали бурному развитию в предвоенный период научных знаний, в том числе и археологии.

С мая по октябрь 1851 г. в Лондоне состоялось важное экономическое событие международного масштаба – выставка промышленных работ всех народов, сразу же получившая определение Великая. На ней были представлены лучшие достижения науки, промышленности, искусства и торговли, поэтому она в определенном смысле стала серьезным этапом в распространении идей промышленной революции. Интересной находкой, добытой в 2017 г. в ходе подводных исследований в Казачьей бухте, является фарфоровая пиала (кат. 3, рис. 2) с изображением павильона Первой Всемирной промышленной выставки (так называемого Хрустального дворца в Гайд-парке), в котором и выставлялась продукция наиболее передовых предприятий из 32 стран, разделенная на разные классы: горное дело, металлургия, машиностроение, химия и фармацевтика, пищевая промышленность, сельскохозяйственные орудия, текстиль, металлообработка, керамическое производство, производство стекла, строительство и т. д. Среди награжденных участников были российские предприятия и промышленники [8]. Накануне был выпущен ряд товаров, приуроченных к открытию выставки и посвященных ей. Среди таковых – фарфоровый сервиз, в состав которого и входила вышеупомянутая пиала. Примечательно, что в 1853 г. эта посуда уже была в пользовании на

¹ К сожалению, выставка проработала неполный месяц в связи с закрытием музея-заповедника из-за угрозы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019. Подготовка настоящей публикации объясняется желанием организаторов познакомить более широкую аудиторию с главными аспектами, представленными на данной выставке.

английских военных судах и после недолгого срока службы оказалась на дне Казачьей бухты.

Изображение сюжетных сцен при производстве фарфоровой посуды прочно вошло в моду. Для этого использовали рисунки из книг, гравюры и другие источники. В фондах музея хранятся фрагменты двух фаянсовых тарелок, которые украшены изображением сцен семейной идиллии на фоне здания Итонского колледжа, основанного в 1440 г. королем Генрихом VI. На них изображена семья из трех человек, прогуливающаяся на природе, на фоне здания этого учебного заведения. Тарелки имеют клеймо «Eton College» (кат. 8).

Замечательным примером того, как могли украшать посуду, служит кружка из сине-белого фаянса, изготовленная в Глазго на предприятии «John & Matthew Perston Bell» (кат. 4, рис. 3), с изображениями сцен из романа «Хижина дяди Тома» американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1851). «Хижина дяди Тома» стала для своего времени культурным феноменом, только в Британии и Франции были проданы сотни тысяч экземпляров этой книги. Публикация произведения послужила мотивом для изготовления многочисленных керамических и фарфоровых фигур персонажей, ваз и декоративных тарелок, изображавших сцены из романа. Подобные предметы интерьера создавались в основном для украшения викторианских салонов. Данный экземпляр можно датировать 1852–1856 гг. Тарелка из двух фрагментов, с сюжетом «Vine border» (кат. 5). Компания «John & Matthew Perston Bell» в больших объемах экспортировала свою продукцию в Юго-Восточную Азию, а также в Канаду и США. Они изготовили ряд специально разработанных трансферных печатных конструкций для рынка Юго-Восточной Азии, что представляет собой одно из величайших достижений британской гончарной промышленности. Фирма-производитель просуществовала с 1841 по 1912 г. и вошла в историю, как наиболее успешное предприятие в истории керамического производства Шотландии [13].

Крупные компании оснащали свои суда эксклюзивной посудой, изготовленной на заказ, с названием судна или логотипом самой организации. В этой связи интересен фрагмент фаянсовой тарелки, датированной XIX в. На сохранившемся фрагменте изображен земной шар, под которым помещен ремень с якорем, еще ниже внутри стилизованной ленты читается «ROYAL MAIL SERVICE» («Королевская почтовая служба»); на внешней стороне в три строки: «JONATHAN PHILLIPS, | 358 & 359 Oxford Street | LONDON» (кат. 1, рис. 4). «The General Screw Steam Shipping Company» – одна из крупнейших британских пароходных компаний середины XIX в. Существовала с 1848 по 1857 г., в период расцвета ее флот доходил до 26 судов. Пароходы компании, зафрахтованные правительством в качестве военных транспортов, в 1854–1856 гг. активно участвовали в перевозках войск и грузов в Крым и обратно на «туманный Альбион». Среди судов компании наибольшую известность получил «Принц», погибший под Балаклавой во время бури 14 ноября 1854 г. Джонатан Филлипс, торговец фарфоровой посудой, проживавший по адресу: Лондон, Оксфорд стрит 358-359, известен с 1818 г. В 1843 г. человек с таким именем являлся одним из коммерческих директоров

Лондонского почтамта и совладельцем компании по розничной торговле фаянсовой и стеклянной посудой.

Другой фрагмент чашки происходит с парохода «Фиби» (кат. 2). Об этом свидетельствует надпись «PHOEBE», расположенная на дне, на внутренней поверхности предмета в круглой эмблеме в виде пояса. Снизу на дне подглазурный штамп: корона, под ней «DAVENPORT» «LONGPORT», ниже – «STAFFORDSHIRE». Пароход «Фиби» водоизмещением 613 т и с силовой машиной в 120 л.с. был построен в 1851 г. В 1853 г. приобретен компанией «Union Steam Collier Co» для перевозки угля. В 1854–1856 гг. все пять судов этой компании были зафрактованы британским правительством и использовались в качестве транспортов и почтовых пароходов для нужд войск в Крыму. В 1857 г. «Фиби» продали компании «Preston & Co, Glasgow».

Рис. 2. Пиала. с изображением павильона Первой Всемирной промышленной выставки. Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: НВФ-1409/30.

С середины XVIII в. на английских фабриках выпускался фарфор, имитирующий китайские образцы [5]. В 2017 г. со дна Казачьей бухты в ходе раскопок был поднят фрагмент тарелки в «китайском стиле» со штампами фабрики «Podmore Walker & Co» (сюжет «Asiatic Pheasants»). Компания специализировалась на производстве расписной керамики подобного рода, ее продукция известна на рынке товаров с 1840 г. по настоящее время. Тогда же была обнаружена другая тарелка с популярным псевдокитайским сюжетом «Blue willow» (кат. 6, 7). Производством подобной посуды занимались в основном фабрики, располагавшиеся в крупнейшем английском центре по изготовлению фаянса и

фарфора – графстве Стаффордшир. Серия посуды с рисунком по мотивам романтической китайской легенды выпускается до настоящего времени, уже более 200 лет. На некоторых тарелках на внешней стороне дна нанесены клейма и оттиски в виде адмиралтейского якоря. На трех фрагментах сохранились штампы в виде якоря с обвитым цепью веретеном и надписью «LONDON», один фрагмент имеет клеймо в виде якоря и надпись по кругу «LINDER & Co», нанесенное синей краской.

Коллекция насчитывает 109 фаянсовых предметов английского и французского производства XIX в., 23 из которых были представлены на выставке, в том числе: миска фаянсовая с изображением ограды с беседкой, глазурованная бульонница и горшки, кувшин-рукомойник с носиком, пробитым пулей (кат. 9–12).

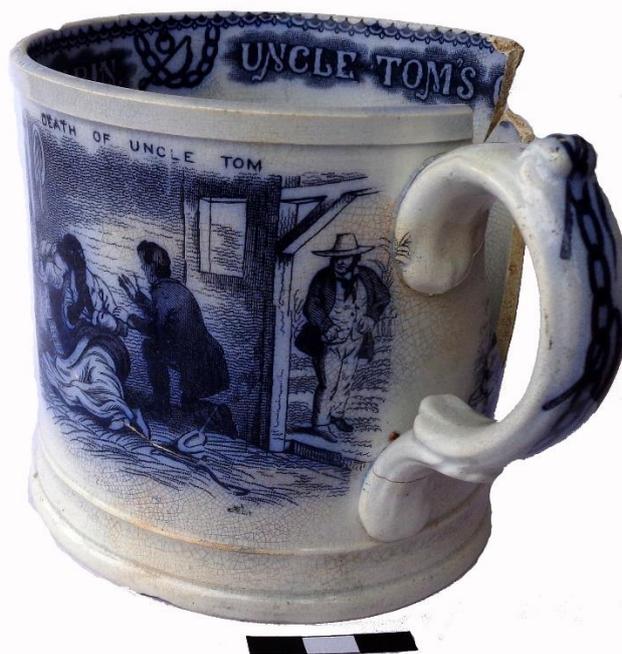

Рис. 3. Кружка производства компании «John & Matthew Perston Bell» с изображениями сцен из романа «Хижина дяди Тома». Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: НВФ-1437/10.

К числу не менее интересных находок следует отнести стеклянные и особенно керамические бутылки (кат. 13, 14; рис. 5), которые «имея свойство защиты от воздействия света», в большей степени применялись для экспорта товаров в Индию и другие места, где погодные условия отличаются преобладающим количеством солнечных дней. Среди подводных находок присутствует целая серия подобных керамических сосудов. Указанные предметы служат дополнительной иллюстрацией

к описаниям походного солдатского и офицерского быта, а также устройства военных лагерей.

Яркие картины военно-полевой жизни представлены в пересказах очевидцев – на страницах мемуаров, дневников, в статьях корреспондентов, на фотографиях и картинах художников. Не только военный британский корпус был отправлен в Крым: во время Восточной войны в Таврике работали военные корреспонденты, фотограф Роджер Фентон (1819–1869) и шотландский художник Уильям Симпсон (1823–1899). Помимо тщательной фиксации всего происходящего они еще играли роль своеобразных агентов, ведь Англия рассчитывала победить в Восточной войне не только силой оружия, но и ментально. С началом Крымской войны разжигание европейскими средствами массовой информации русофобских настроений стало продолжением антироссийской информационной войны. Лондонская газета «Таймс» регулярно публиковала сведения о ходе военных действий, собранные специальным корреспондентом газеты в Крыму Уильямом Расселлом (1821–1907). [9].

Рис. 4. Фрагмент тарелки с надписью «GENERAL [SCREW STEAM] SHIPPING COMPANY». Фаянс. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: НВФ-1409/46.

Шотландский художник, рисовальщик и баталист Уильям Симпсон (1823–1899) побывал в Крыму дважды – в 1854–1855 гг., в разгар Крымской кампании, и пятнадцать лет спустя, в 1869 г. По результатам путешествий он подготовил рисунки, эскизы и акварели, которые принесли ему мировую славу и приставку «Крымский». Ко времени своей второй экспедиции в Крым Уильям Симпсон уже сотрудничал с лондонским изданием «The Illustrated London News», на страницах которого появились некоторые из его 44 рисунков, переведенных в литографии, с

*Рис. 5. Бутыль керамическая. Глина.
Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017:
НВФ-1409/13.*

изображениями жителей, городов и ландшафтов Крыма. Под каждым из рисунков был комментарий автора, оставившего ценные замечания о виденных им объектах (рис. 6). Номера «The Illustrated London News» с работами Симпсона выходили с 22 мая по 24 июля 1869 г. Были среди них и рисунки из Севастополя. В дополнение к местам и объектам, связанным с войной 1854–1855 гг. и осадой Севастополя, Уильям Симпсон подготовил иллюстрации с остатками памятников древней истории этих мест – «Гробница среди древних скальных могил [в Инкермане]» и «Алтарь и руины древней церкви в соборе Святого Владимира [в Херсонесе]». Наряду с предметами, полученными в ходе археологических работ, фотографии Р. Фентона и рисунки У. Симпсона иллюстрируют быт в лагерях союзников, представляют нам картину того, как выглядел Крым и его памятники накануне одной из самых трагичных и разрушительных войн середины XIX в.

Одновременно с началом Крымской (Восточной) войны, в 1853 г., министр уделов и управляющий Кабинетом Его Величества Л. А. Перовский поручил проведение раскопок в Херсонесе графу А. С. Уварову. Эпицентр боевых действий в тот момент находился далеко за пределами Крыма, поэтому графу Уварову ничто не помешало в ходе этих работ исследовать самый большой из выявленных в Херсонесе христианских храмов, который до наших дней носит название «Уваровская базилика».

Отметим, что к этому времени на территории древнего города уже был выявлен целый ряд памятников: в 1827 г. Карлом Крузе открыты остатки трех церквей, в 1830–1840-х гг. раскопки в Херсонесе и его окрестностях проводил флотский офицер князь Владимир Иванович Барятинский, в 1839 г. руководство раскопками было передано Одесскому обществу истории и древностей, а в 1846 и 1847 гг. раскопки с целью найти богатые захоронения здесь производил чиновник Министерства Императорского Двора Демьян Васильевич Карейша. Памятники, найденные в ходе этих изысканий, с началом войны оказались под угрозой уничтожения.

Первооткрывателем базилики, названной впоследствии «Уваровской», был герой Синопского сражения, участник Крымской войны лейтенант 33-го флотского экипажа Черноморского флота Михаил Сергеевич Шемякин (1823–1855), имя которого умалчивалось в связи с самовольным характером производимых им работ, осуществлявшихся «без плана и ученой цели». Лейтенант Шемякин находился в гарнизоне Севастополя с первого дня обороны – с 13 сентября 1854 г.; командовал батареями № 26, 60 и 61 за 6-м бастионом. 28 марта 1855 г. у 6-го бастиона при бомбардировке он был «разорван ядром», пущенным с французской батареи. Место его погребения до сих пор не установлено [7, с. 154; 6, с. 210–211]. Что же до продолжения раскопок выявленной им базилики, то начавшаяся в октябре 1853 г. война России с Турцией, а в марте 1854 г. – с Англией и Францией, нарушила планы Уварова о продолжении работ. По мнению ряда исследователей, в непосредственной близости с комплексом «Уваровской базилики» летом 1855 г. велись фортификационные работы французов. Крымская кампания 1854–1856 гг. если и не превратила остатки христианского храма в руины, то уж никак не способствовала сохранению ее остатков.

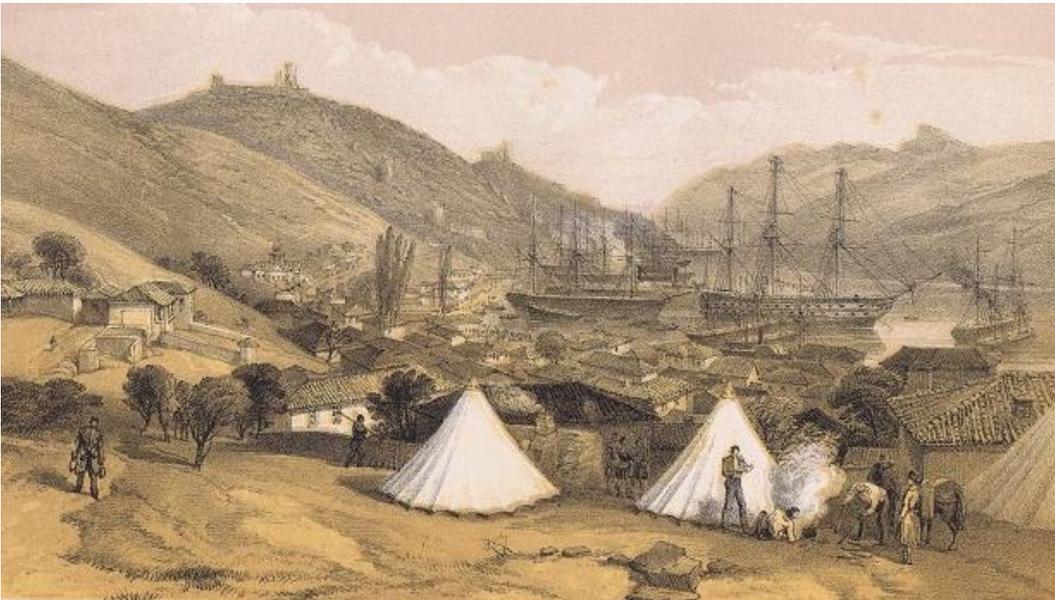

Рис. 6. William Simpson. Balaclava looking towards the sea [Уильям Симпсон. Вид на Балаклавскую бухту по направлению к морю]. Тоновая литография. 230 x 160 мм. Лондон, 1855 г.

Не только предметы археологии были в числе трофеев союзников. Среди вывезенных ценностей были и 13 церковных колоколов из Севастополя, среди которых оказался и тот, который ныне известен как «Туманный колокол в

Херсонесе» (рис. 7). Чугунный гигант весом 150 пудов (по другим источникам – 350) был отлит в Таганроге в 1778 г., имеет изображения святых Николая и Фоки. В Париже он висел на звоннице Нотр-Дам-де-Пари, где находился до 1913 г. После возвращения в Севастополь висел на звоннице Свято-Владимирского собора в Херсонесе, а после закрытия монастыря использовался Управлением обеспечения безопасности и предотвращения кораблекрушений на Черном и Азовском морях в качестве звукового маяка. Свою функцию исполнял до 1960-х гг. Интересно, что еще один колокол из Севастополя до сих пор украшает звонницу другой парижской церкви – Норт-Дам-дю-Травай (Церковь Божьей матери Труда).

Из этих и других эпизодов соткана история – археология того времени, отдельные эпизоды Крымской войны, судьба херсонесского колокола, увезенного французскими войсками и долгое время находившегося на звоннице Нотр-Дам-де-Пари, история Уильяма Симпсона – художника времен Крымской войны, которому суждено было вернуться в Крым и Севастополь 15 лет спустя...

Война нанесла тяжелый урон, Севастополь находился в руинах. После окончания Крымской войны раскопки в Херсонесе были возобновлены не сразу. В 1861–1876 гг. археологические работы проводил монастырь: раскапывались и сохранялись преимущественно предметы византийского периода, из артефактов которого при монастыре был создан «Христианский музей». Остальные древние находки отправлялись в Одессу в Общество истории и древностей (ООИД).

В 1876 г. ООИД вновь начинает раскопки Херсонеса, продолжавшиеся до 1888 г. Был организован раскопчный комитет в составе действительных членов Общества и его вице-президента Николая Никифоровича Мурзакевича. В ходе этих работ в 1876–1877 гг. исследователи обращались и к изучению «Уваровской» базилики. По поручению Общества руководство раскопками в 1885–1888 гг. в Херсонесе было поручено военному инженеру генерал-майору Александру Бертье-Делагарду, известному крымскому историку, археологу и краеведу. В 1888 г. руководство раскопками взяла на себя Императорская археологическая комиссия, поручив их проведение Карлу Казимировичу Косцюшко-Валюжиничу. С тех пор раскопки более не прерывались, за исключением периодов Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Изучение Крымской войны с точки зрения археологической составляющей представляется весьма перспективным направлением для дальнейших исследований. То, как и кем велись раскопки в годы войны, и то, что оставила Крымская война исследователям в археологическом отношении, – это лишь магистральные темы возможных изысканий. Изучение литературы и источников, археологические находки служат лишним тому подтверждением. Мы постарались показать потенциал данной темы выставкой «Археология и Крымская война. Эпизоды».

В основу экспозиции положена научная концепция, отражающая на примере Крымской войны взаимобратную связь между отдельным событием в истории и археологией как видом получения исторической истины путем проведения полевых работ. В данном аспекте мы рассматриваем военные события, в ходе которых могли

вестись и велись археологические работы, и археологию новейшего времени, избравшую предметом своего исследования предметы Крымской войны. Диалектическая суть данного процесса показана с помощью предметного и иллюстративного ряда. В качестве основных на выставке приняты принципы наглядности и предметности, где главными экспонатами выступают археологические находки, книги, репродукции гравюр, фотографий и литографий, а также архивные материалы. Главный метод экспонирования – тематико-хронологический, она рассчитана на широкий круг посетителей, доходчива и универсальна. Лаконичное художественное оформление и единство стиля усиливают эстетическую сторону восприятия. Вся экспозиция поделена на экспозиционные разделы, представляющие собой составные части экспозиции, которые выражают определенную законченную мысль, определенную идею. Таких комплексов выделено четыре.

Первый раздел посвящен археологическим исследованиям, которые велись на территории Херсонеса и его окружи до начала Крымской войны, и охватывает хронологический период с 1827 г. (начало археологического изучения Херсонеса) до 1853 г. (год начала Крымской войны и время последнего предвоенного полевого сезона в Херсонесе под руководством графа А. С. Уварова).

Рис. 7. Колокол из Севастополя, вывезенный во время Крымской войны, в период осады Севастополя. Собор Норт-Дам, Париж.

Второй раздел состоит из предметов, рассказывающих в сжатом виде о ходе военных действий, вернее, об отдельных эпизодах Крымской кампании 1854–1855 гг. Представлена карта из атласа Э. И. Тотлебена, рисунки художника У. Симпсона, фотографии Р. Фентона, повествующие о расположении лагерей противоборствующих сторон, показывающие некоторые сюжеты военно-полевой жизни, дающие общее представление о быте и атмосфере пребывания англичан и французов в Крыму. Содержательно с ним связан третий раздел выставки, состоящий из полученных в ходе подводных археологических работ находок, который позволяет получить понятие о предметах, бывших в употреблении у союзников. Далее в статье представлен каталог предметов времен Крымской войны, полученных в ходе подводных археологических работ в 2017–2018 гг. и составлявших основу третьего раздела. В него, однако, не вошли те вещи, которые археологи обнаруживают во время сухопутных земляных работ – этот комплекс предметов также состоит из интереснейших находок и, безусловно, заслуживает внимательного изучения.

Четвертый заключительный раздел выставки посвящен последствиям войны. Событие это, сложное и противоречивое, можно оценивать и с позиций ее значения для общемировой и российской истории, а также с точки зрения ее практического значения, в том числе и для археологии. В данном ключе Крымская война стала причиной разрушения ряда памятников силой оружия и руками «черных археологов». В то же время предметы, которые сегодня также являются предметами старины, оставшиеся на полях сражений, на месте лагерей, в местах кораблекрушений, могут составить самостоятельные археологические коллекции, которые, без сомнения, найдут своего исследователя.

Каталог выставки «Археология и Крымская война. Эпизоды».
ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь.
5 марта – 9 июля 2020 г.

1. Фрагмент тарелки. Фаянс. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/46.**

Декорирована по краю темно-серым растительным орнаментом, с помещенным в центре ее внутренней части рисунком земного шара, вокруг которого между канатами частично сохранившаяся надпись «GENERAL [SCREW STEAM] SHIPPING COMPANY». Под земным шаром помещен ремень с якорем, еще ниже внутри стилизованной ленты читается «ROYAL MAIL SERVICE» («Королевская почтовая служба»); на внешней стороне в три строки: «JONATHAN PHILLIPS, | 358 & 359 Oxford Street | LONDON».

2. Фрагмент чашки с парохода «Фиби». Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: **НВФ-1437/24.**

Чашка сохранилась на 75%, имеет рельефный волнистый край, высоко выступающую ручку-кольцо, кольцевидный поддон. Внутренняя часть покрыта

краской цвета кобальта с росписью золотом (плохо сохранившейся). На дне, на внутренней поверхности в круглой эмблеме в виде пояса надпись «РНОЕВЕ». Снизу на дне подглазурный штамп: корона, под ней «DAVENPORT» «LONGPORT» ниже «STAF-FORDSHIRE».

3. Пиала. Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/30**.

Изображен рисунок павильона Первой Всемирной промышленной выставки, проходившей в Лондоне с мая по октябрь 1851 г.

4. Кружка. Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: **НВФ-1437/10**.

Изготовлена в Глазго на предприятии «John & Matthew Perston Bell», с изображениями сцен из романа «Хижина дяди Тома» американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1851).

5. Тарелка из двух фрагментов с сюжетом «Vine border». Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: **НВФ-1437/18**; 2017: **НВФ-1409/47**.

Фирма-производитель «John & Matthew Perston Bell».

6. Фрагмент тарелки со штампами фабрик Podmore Walker & Co (сюжет «Asiatic Pheasants»). Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/42**.

7. Тарелки с популярным псевдокитайским сюжетом «Blue willow». Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/31**, **НВФ-1409/32**, **НВФ-1409/58**.

На трех фрагментах сохранились штампы в виде якоря с обвитым цепью веретеном и надписью «LONDON», один фрагмент имеет клеймо в виде якоря и надпись по кругу «LINDER & Co», нанесенное синей краской.

8. Фрагменты 2 тарелок с клеймом «Eton College». Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/44**, **НВФ-1409/45**.

9. Миска фаянсовая, с изображением ограды с беседкой. Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: **НВФ-1437/11**.

10. Глазурованная бульонница. Фарфор, глазурь. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/6**.

11. Глазурованные горшки, 2 шт. Фарфор, глазурь. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/3**, **НВФ-1409/5**.

12. Кувшин-рукомойник с носиком, пробитый пулей. Фарфор. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2018: **НВФ-1437/2**.

13. Бутылки стеклянные. Стекло. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/18**, **НВФ-1409/19**.

14. Бутыль керамическая. Глина. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/13**.

15. Тарелка глубокая, покрытая черной глазурью Глина, глазурь. Англия. XIX в. ГМЗХТ. 2017: **НВФ-1409/12**.

16. Чернильница фаянсовая и чернильница из темно-коричневого стекла Фарфор, стекло. Англия. XIX в. ГМЗХТ. **НВФ-1409/15**, **НВФ-1409/16**.

Список использованных источников и литературы

1. Аржанов А. Ю. Раскопки полковника Манро на Гераклеийском полуострове во время Крымской войны 1854–1856 годов / А. Ю. Аржанов // Древности. – 2012. – Вып. 11. – С. 252–263.

Arzhanov A. Yu. Raskopki polkovnika Manro na Gerakleiskom poluostrove vo vremya Krymskoi voiny 1854–1856 godov / A. Yu. Arzhanov // *Drevnosti*. – 2012. – Вып. 11. – С. 252–263.

2. Букатов А. А., Ляшук П. М. Английский керамический комплекс периода Крымской кампании 1854–1856 гг. из бухты Казачья / А. А. Букатов, П. М. Ляшук // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя 1854–1855 гг.: результаты и перспективы исследований»*. К 165-летию начала обороны Севастополя 1854–1855 гг. – Севастополь, 2019. – С. 3–14.

Bukatov A. A., Lyashuk P. M. Angliiskii keramicheskii kompleks perioda Krymskoi kampanii 1854–1856 gg. iz bukhty Kazach'ya / A. A. Bukatov, P. M. Lyashuk // *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Krymskaya (Vostochnaya) voina 1853–1856 gg. i oborona Sevastopolya 1854–1855 gg.: rezul'taty i perspektivy issledovaniy»*. К 165-letiyu nachala oborony Sevastopolya 1854–1855 gg. – Sevastopol', 2019. – С. 3–14.

3. Бутягин А. М. Материалы из раскопок Данкана Макферсона курганов на мысу Ак-Бурун в коллекции Британского музея / А. М. Бутягин // *XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* / Ред.-сост. Зинько В. Н., Зинько Е. А. – Керчь, 2016. – С. 63–68.

Butyagin A. M. Materialy iz raskopok Dankana Makfersona kurganov na mysu Ak-Burun v kolleksii Britanskogo muzeya / A. M. Butyagin // *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* / Red.-sost. Zin'ko V. N., Zin'ko E. A. – Kerch', 2016. – С. 63–68.

4. Быковская Н. В. К вопросу об археологических исследованиях на Керченском полуострове в годы Крымской войны / Н. В. Быковская // *XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* / Ред.-сост. Зинько В. Н., Зинько Е. А. – Керчь, 2016. – С. 68–72.

Bykovskaya N. V. K voprosu ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh na Kerchenskom poluostrove v gody Krymskoi voiny / N. V. Bykovskaya // *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* / Red.-sost. Zin'ko V. N., Zin'ko E. A. – Kerch', 2016. – С. 68–72.

5. Исаева О. А. Ранний английский фарфор: от алхимии к становлению производства / О. А. Исаева // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. – 2014. – № 4 (21). – С. 98–102.

Isaeva O. A. Rannii angliiskii farfor: ot alkhimii k stanovleniyu proizvodstva / O. A. Isaeva // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. – 2014. – № 4 (21). – С. 98–102.

6. Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 годах: биогр. справ. / П. М. Ляшук. – Симферополь, 2005. – 256 с.

Lyashuk P. M. Ofitsery Chernomorskogo flota, pogibshie pri zashchite Sevastopolya v 1854–1855 godakh: biogr. sprav. / P. M. Lyashuk. – Simferopol', 2005. – 256 s.

7. Крымская война в лицах / сост. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь, 2009. – 220 с.

Krymskaya voina v litsakh / sost. G. N. Grzhibovskaya. – Simferopol', 2009. – 220 s.

8. Макотина С. А. Первая всемирная промышленная выставка Лондон 1851 год. Развитие и эксплуатация поствыставочного пространства всемирных промышленных выставок XIX начала XX веков / С. А. Макотина // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2011. – № 1 (1). – С. 179–193.

Makotina S. A. Pervaya vsemirnaya promyshlennaya vystavka London 1851 god. Razvitie i ekspluatatsiya postvystavochnogo prostranstva vsemirnykh promyshlennykh vystavok XIX nachala XX vekov / S. A. Makotina // *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*. – 2011. – № 1 (1). – С. 179–193.

9. Прохорова Т. А. Возвращение в Крым: второй взгляд на Крым художника Уильяма Симпсона (1869 г.). Древности Инкермана и Херсонеса / Т. А. Прохорова // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2018. – Т. 4 (70). – С. 79–108.

Prokhorova T. A. Vozvrashchenie v Krym: vtoroi vzglyad na Krym khudozhnika Uil'yama Simpsona (1869 g.). Drevnosti Inkermana i Khersonesa / T. A. Prokhorova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4 (70). – S. 79–108.

10. Репников Н. И., Бабенчиков В. П., Бабенчиков П. П., Веймарн Е. В. «Гераклейский сборник» 1936 г. / Н. И. Репников, В. П. Бабенчиков, П. П. Бабенчиков и др. // «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография Н. И. Репникова, П. П. Бабенчикова, В. П. Бабенчикова, Е. В. Веймарна / Вступ. ст. Ю. А. Виноградов, А. А. Непомнящий, В. В. Акимченков, Т. Н. Смекалова; науч. ред. Ю. А. Виноградов, Т. Н. Смекалова. – СПб.: Алетейя, 2018. – 204 с. – (Серия: Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. I).

Repnikov N. I., Babenchikov V. P., Babenchikov P. P., Veimarn E. V. «Gerakleiskii sbornik» 1936 g. / N. I. Repnikov, V. P. Babenchikov, P. P. Babenchikov i dr. // «Gerakleiskii sbornik» 1936 g.: kollektivnaya monografiya N. I. Repnikova, P. P. Babenchikova, V. P. Babenchikova, E. V. Veimarna / Vstup. st. Yu. A. Vinogradov, A. A. Nepomnyashchii, V. V. Akimchenkov, T. N. Smekalova; nauch. red. Yu. A. Vinogradov, T. N. Smekalova. – SPb.: Aleteiya, 2018. – 204 s. – (Seriya: Gerakleiskii sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo. Vyp. I).

11. Шаманаев А. В. Вывоз из Крыма археологических находок зарубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы / А. В. Шаманаев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), №2. – С. 162–173.

Shamanaev A. V. Vyvoz iz Kryma arkheologicheskikh nakhodok zarubezh v XVIII – nachale XX veka: perspektivy issledovaniya problemy / A. V. Shamanaev // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». – Т. 2 (68), №2. – 2016. – S. 162–173.

12. Шаманаев А. В. Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны / А. В. Шаманаев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 265–273.

Shamanaev A. V. Utrata kul'turnykh pamyatnikov v khode Krymskoi voiny / A. V. Shamanaev // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. – 2013. – № 3 (117). – S. 265–273.

13. Kelly H. E. The Glasgow Pottery of John and Matthew Perston Bell: China and Earthenware Manufacturers in Glasgow / H. E. Kelly. – London, 2006. – 167 p.

Prokhorova T. A., Bukatov A. A. «Archeology and the Crimean war. Episodes»: the materials of underwater research and experience of creating an exhibition in the State Museum-reserve «Tauric Chersonese».

During excavations on the territory of the Heracleian Peninsula and during underwater research in the bays of Sevastopol, archaeologists are faced with a large number of materials related to one of the most ambitious and, without exaggeration, tragic events of the mid-XIX century – the Eastern (Crimean) War, more precisely, with episodes of its Crimean campaign in 1854–1855. The territory of the State Museum-Reserve «Tauric Chersonese» was the scene of this military confrontation, which directly affected the conduct of archaeological work on the territory of Chersonesos and the fate of its researchers. The ancient ruins, or so called «ancient foundations», marked on military maps next to the positions and locations of the troops, were the scenery for this drama. The enemy ships anchored in the bays of the Heracleian Peninsula – the places of ancient harbors. By sea, following the ancient shipping routes, the supply of troops was carried out, the individual episodes of battles unfolded in the coastal waters. Underwater archaeological finds of this period, which have preserved a lot of interesting and unique information, are rather poorly represented in museum expositions. The study of the Crimean War from the point of archeology view is a very promising direction for further research. How and by whom the excavations were conducted during the war, and what the Crimean War left for researchers in the archaeological sense, are only the main topics of possible research. The study of literature and sources, archaeological finds serve as an additional confirmation of this.

The potential of this topic for researchers of the history of Chersonesos is indicated by the exhibition «Archeology and the Crimean War. Episodes», which took place in the State Museum-Reserve «Chersonesos Tauris» in March-June 2020. The exposition is based on a scientific concept that reflects, on the example of

the Crimean War, the reciprocal relationship between a particular event in history and archaeology as a form of obtaining historical truth through field work. In this aspect, we consider the military events, during which archaeological work could have been carried out and conducted, and the archaeology of modern times, which chose the objects of the Crimean War as the subject of its research. The dialectical essence of this process is shown with the help of a subject and illustrative series. The main principles of visibility and objectivity are adopted at the exhibition, where the main exhibits are archaeological finds, books, reproductions of engravings, photographs and lithographs, as well as archival materials. The main method of exposure is thematic and chronological, it is designed for a wide range of visitors, is understandable and universal. Laconic decoration and unity of style enhance the aesthetic side of perception. The entire exposition is divided into exposition sections, which are the components of the exposition and express a certain finished idea. There are four such complexes: archaeological research of Chersonesos and its chora before the start of the Crimean War; the course of military operations, or rather, about individual episodes of the Crimean Campaign in 1854–1855; items from the Crimean War, obtained during underwater archaeological work in 2017–2018; the aftermath of the war and its archaeological legacy. The article contains a catalog of objects discovered by underwater work in the Kazachya Bay and which became the basis of the temporary exhibition «Archeology and the Crimean War. Episodes».

Keywords: Tauric Chersonese, Crimean war, exhibition, underwater archeology, W. Simpson, R. Fenton, W. Munro.

УДК 477. 75

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-63-71

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КРЫМ ЕВРЕЕВ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП (1924–1928 ГОДЫ)

Кондратюк Г. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация.*

*Крымский Научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Российская Федерация.
E-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Анализируется процесс переселения в Крымскую АССР евреев в контексте советской национальной политики. Выявлены основные факторы, приведшие к принятию политического решения о переселении. Крымская АССР стала важнейшим регионом аграризации евреев. Проанализировано участие международных еврейских организаций в процессах переселения. Изучено изменение этнического состава населения полуострова в 1920-х годах. В статье представлены процессы обустройства еврейских переселенцев, создания еврейских сельских советов, школ, клубов и больниц.

Ключевые слова: Крымская АССР, переселение евреев, еврейская аграризация, еврейские сельские советы.

В истории переселения в Крым евреев в рамках проекта аграризации, можно выделить несколько этапов. Периодизация обусловлена общей политической и социально-экономической ситуацией на полуострове, формированием Крымской ССР, отношением руководства республики к процессу переселения и выделения земельных угодий, созданием такой общегосударственной структуры как КОМЗЕТ.

В ноябре 1920 года в Крыму была установлена советская власть. Образованы новые органы власти в форме Ревкома и областного комитета РКП(б). В области земельных отношений начато проведение аграрной реформы, включавшей несколько компонентов. Это национализация земли бывшего удельного ведомства, церковных угодий. На их месте было образовано порядка 200 совхозов. Произошла ликвидация также помещичьего землевладения. Этот процесс аграрных преобразований в Крыму открыл возможности для начала еврейского переселения на земли, изменившие свой правовой статус. Если на земли удельного ведомства южного берега Крыма еврейского переселения не производилось, то бывшие помещичьи угодья степной полосы стали основой для создания первых колоний. Отличительной особенностью земельной реформы в Крыму являлось определение высокого надельного показателя крестьянской нормы в 25 десятин. Однако, на Южном берегу Крыма, в условиях высокой плотности населения и малоземелья, выполнить этот норматив было невозможно. Выделение для крестьянских земельных обществ полных наделов осуществлялось только в степной части полуострова. Необходимо отметить, что вплоть до 1924 года еврейское переселение

в Крым было делом личной инициативы прибывающих. Первые переселенцы прибыли на исходе 1921, начале 1922 года. Это было далеко не самое удачное время для создания новых хозяйств. В Крыму на протяжении 1921 года продолжались мероприятия военного коммунизма, отменённые на остальной части РСФСР. Продразвёрстка в комбинации с крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями стали причиной голода на полуострове, пик которого пришёлся на весну 1922 года. От голода умерло 100000 человек из 720000 тысяч населения. Голод носил массовый систематический характер, от него пострадали все без исключения этнические группы Крыма. В момент рассматриваемых событий численность евреев в Крыму составляла 49404, согласно данным первой предварительной переписи населения, проведённой в апреле 1921 года [1, с. 10–11]. В общей численности населения полуострова евреи составляли 6,8%.

Евреи Крыма являлись горожанами, по роду занятий ремесленниками, торговцами и мелкими предпринимателями. Крестьян, владевших землёй, среди них не было. В последующем, для евреев-горожан Крыма будет выделена земля под отдельное коллективное хозяйство, но этот процесс не получит широкого распространения. Из горожан-евреев было образовано только одно переселенческое товарищество «Шолем», становление которого происходило с трудом. В остальных случаях желающие переселиться на землю горожане–евреи Крыма до приселялись в уже существующие коллективы. Практически все евреи-крестьяне в Крыму будут выходцами из-за пределов полуострова. Основными регионами выхода евреев в Крым стали Белорусская и Украинская ССР, а также Смоленская, Курская, Вологодская губернии РСФСР. Процессы переселения с 1924 года приняли плановый, строго централизованный характер. На каждый регион выхода определялась численность, называемая нарядом. Так, в частности на 1927 год по нарядам из УССР планировалось переселить в Крымскую АССР 400 еврейских семей. Из них 204 семьи поселить на фондах Евпаторийского района и 196 семей на фондах Джанкойского района [6, л. 142]. С 1926 года Джанкойский и Евпаторийский районы стали основными регионами расселения. Районы граничили с Чонгаром и Геническим, куда также прибывали переселенцы-евреи уже в пределах УССР. Район еврейского переселения протянулся широкой длинной полосой юга УССР (Одесская, Херсонская, Николаевская и Запорожская области) и севера Крымской АССР (Евпаторийский и Джанкойский районы) составляя в области переселения единое целое.

В основании первых еврейских поселений в Крымской АССР, определённую роль сыграла такая организация, как «Гехолуц». В РСФСР, в отличие от УССР, она действовала легально. Именно гехолуцианскими, стали первые аграрные колонии евреев в Крыму. Основателями колоний была еврейская молодёжь, формировавшая их на принципах коммуны. Молодёжь была проникнута идеями национального обновления еврейского народа, преодоления последствий черты оседлости, революционным пафосом социалистических идей. Часть молодёжи, движимая национально-революционным подъёмом, отправилась в Крым. Для коммун использовались бывшие помещичьи усадьбы, в которых находились жилые и

хозяйственные постройки. В условиях недавнего установления советской власти, господствовавшей «революционной законности», занятые строения и земля, с правовой точки зрения, как правило, не оформлялись. Именно так, сформировались гехолуцианские коммуны «Тель-Хай» и «Мишмар» в Джанкойском районе. Колонии оказались в крайне сложных материальных условиях и только лишь «Джойнт» оказывал им поддержку. В идеологии «Гехолуца» возвращение на Ближний Восток занимало центральное место. Крым рассматривался как промежуточный этап, своеобразная перевалочная база, место, где трудовые принципы организации кибуцев проходили практическую проверку. Коммуна «Мишмар» была образована в 1924 году, путем выделения из коммуны «Тель-Хай». Её устав зарегистрирован 14 апреля 1924 года. Территориально коммуна располагалась в трёх верстах от станции Таганаш, в бывшем хуторе Кучук-Алкач. На июнь 1926 года в составе коммуны «Мишмар» числилось 118 человек, при этом все работоспособные. Возрастной состав членов коммуны был от 18 до 37 лет, семей в составе коммуны не было. Большинство членов коммуны «Мишмар» по социальному положению являлись бедняками.

Обращает на себя внимание достаточно высокий образовательный уровень участников коммуны. Один человек с высшим образованием – это был агроном объединения, 35 со средним и 82 с начальным образованием. Если сравнивать с другими переселенческими еврейскими объединениями, то в них была очень значительна доля людей физического труда, не получивших никакого образования. Баланс коммуны в июне 1926 года составил 31811 рублей. В балансе коммуны «Мишмар» значатся важнейшие кредиторы объединения. Это «Агро-Джойнт», выдавший коммуне помощи на 18290 рублей и ОЗЕТ – 1730 рублей. К 1926 году коммуна «Мишмар» уже обладала достаточным количеством инвентаря и рабочего скота. В частности, коммуне принадлежало 10 лошадей, 12 волов, 14 коров. Среди инвентаря было 7 плугов, 5 буккеров, 3 дисковые сеялки и одна борона. Благодаря трудолюбию членов коммуны и наличию необходимого инвентаря было засеяно 387,5 десятин земли. Всего же площади пахотной земли в распоряжении коммуны насчитывалось 1112 десятин. Благодаря наличию агронома, площадь сельхозугодий была распределена так: озимой пшеницы 170 десятин, озимого ячменя 55 десятин, остальное занимали яровые посевы ячменя, пшеницы, овса, кукурузы, подсолнуха, всего в совокупности 151 десятина.

В хозяйстве коммуны было несколько колодцев, оснащенных электромоторами, что для жаркого климата степи было чрезвычайно важно. Хозяйство коммуны «Мишмар» было передовым, о чём свидетельствует наличие питомника с 13187 саженцами на площади в одну десятину. В отличие от других переселенческих объединений, в коммуне «Мишмар» было несколько подсобных предприятий. Сыроварня дала прибыли в 1444 рубля. Сапожная мастерская произвела 20 пар мужских сапог, 16 пар дамских ботинок и 122 пары сандалий. Функционировала также столярная, кузнечная и шорная мастерская. Успехи еврейской коммуны «Мишмар» были оценены несколькими наградами. На I Джанкойской сельскохозяйственной выставке, проходившей осенью 1925 года, получен диплом

второй степени за полеводство и диплом второй степени за выращивание огородных овощей. Таганашский сельский совет наградил коммуну дипломом второй степени за успехи в области животноводства. Проводивший обследование хозяйства коммуны агроном Крымской конторы «Агро-Джойнта» И.С. Левинтов пришел к следующему выводу: «коммуна «Мишмар» является хозяйством устойчивым и экономически крепким...применяя опыты по посеву разных видов культур приходится называть коммуну разсадником агро-культурных мероприятий» [4, л. 8–9].

Переселение начала 1920-х годов носило локальный характер, а ситуация требовала кардинального вмешательства государства в «еврейский вопрос». Жители штеттлов пережили трагические условия Гражданской войны, был нарушен их привычный уклад жизни и главное, отсутствовали источники материального существования. Введение новой экономической политики, в целом, не принесло ожидаемого эффекта для жителей еврейских местечек. Поэтому одна из фундаментальных причин начала государственного переселения евреев и образования аграрных колоний – стремление обеспечить население минимальными источниками существования.

Общая численность еврейского населения в стране составляла порядка 2 миллионов 750 тысяч человек. Из них в УССР проживало 1 миллион 750 тысяч и в БССР 450 тысяч человек. Найти в пределах данных республик достаточное количество земли сельскохозяйственного назначения не представлялось возможным. Такие регионы РСФСР как Крым и Северный Кавказ были определены, как важнейшие по приёму переселенцев. Вторая причина состояла в том, что по мнению большевиков, жители еврейских местечек были носителями «мелкобуржуазной, непролетарской идеологии» и к построению нового общества относились дистанцированно. Так, руководители партии отмечали, что из общего числа трудоспособного населения на мелких торговцев и кустарей приходилось 1 миллион 750 тысяч человек. В советских профсоюзах состояло только 200 тысяч еврейских рабочих. Партийный документ констатировал, что значительная часть еврейского населения «влачат жалкое существование, задыхаясь от безработицы и нищенского заработка, не достигающего и 20 рублей в месяц...такая экономическая структура еврейского населения совершенно не приспособлена к советскому строю, с его курсом на госторговлю, кооперацию и концентрацию, и централизацию промышленности» [2, л. 41]. В заключение в документе делался следующий вывод, что «если не будет принято экстренных мер по переводу еврейского населения на производительный труд, то значительная часть его будет поставлена перед перспективой вымирания и вырождения» [2, л. 41].

29 августа 1924 года Постановлением ЦИК СССР был образован Комитет по Земельному Устройству Трудящихся Евреев при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР (КОМЗЕТ). КОМЗЕТ стал важнейшей структурой в процессах, связанных с переселением евреев и решением всего спектра социально-экономических вопросов еврейского населения. 25 сентября 1925 года Президиум

ЦИК СССР утвердил «Положение о КОМЗЕТе», в котором фиксировались цели деятельности, полномочия и способы работы. В Крымской АССР была образована Комиссия ЗЕТ, при Президиуме ЦИК автономии, поскольку полуостров был определён как один из важнейших регионов по приёму переселенцев. Также были образованы Комиссии ЗЕТ в тех республиках и областях, где было сконцентрировано наибольшее количество потенциальных переселенцев. В частности, был образован БелКОМЗЕТ и комиссия в Гомеле. В РСФСР Комиссии ЗЕТ были созданы и функционировали в Смоленске, Брянске, Пскове. На первом этапе именно из указанных регионов была наибольшая численность переселенцев в Крым.

В начальный период своей деятельности в Крыму в 1924–1926 годах, Комиссия ЗЕТ, которую возглавил Исаак Фридман, сконцентрировалась на нескольких направлениях работы, прежде всего, это помощь в правовом закреплении участков земли, которыми уже пользовались переселенцы. Образовавшимся переселенческим коллективам грозила опасность выселения из пределов арендуемых угодий, в силу неоформленных арендных договоров. Во взаимодействии с центральным КОМЗЕТом, крымская комиссия сумела провести через Президиум ВЦИК РСФСР постановление о передаче под потребности еврейского переселения в Крыму 18262 десятины земли. Этим постановлением не только закреплялась фактически уже занятая земля, но и выделялся ресурс под дальнейший процесс переселения. Данное постановление было важным успехом КОМЗЕТа в противостоянии с крымским руководством ЦИК и СНК автономии, старавшимся затормозить процесс еврейского переселения на полуостров.

Острая борьба с крымским руководством развернулась вокруг практического выделения земельных участков из общего объёма обозначенной земли. П. Смидовичу, А. Мережину и другим руководителям еврейского переселения выделенные участки виделись сплошными массивами и с хорошими агрикультурными характеристиками. Федеральной земельной комиссией было принято решение о выделении в Крымской АССР в совокупности 31860 десятин земли [3, л. 1]. Крымскому руководству эта земля нужна была для внутрикрымского переселения местных крестьян. С целью достижения компромисса, руководители КОМЗЕТа и «Агро-Джойнта» были вынуждены согласиться на выделение материальной помощи в общем объёме 100000 рублей для внутрикрымских переселенцев. Помощь выделялась на тех же условиях, что и для евреев-переселенцев. На указанную сумму была предоставлена помощь в виде тракторов, плугов, борон, буккеров, жаток, бричек и другого сельхоз оборудования, а также волов. В частности, такая помощь была выделена в апреле-мае 1926 году для переселенческих товариществ местных крестьян «Батыр», «Ени-Сальского переселенческого товарищества», артелей «Ени-Кувет», «Красная нива», «Ново-Баксанского сельскохозяйственного переселенческого кооперативного товарищества», Мангушской артели «Новая жизнь» Айсерезской группе переселенцев, Чолгарского машинного товарищества, Баксанского переселенческого товарищества [3, л. 3, 26].

КОМЗЕТ являлся государственной структурой при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. Фактически он артикулировал государственную политику в «еврейском вопросе» и осуществлял выделение и подбор земли. В Крымской АССР оперативную работу с переселенцами вели также ОЗЕТ. Регионом ответственности ОЗЕТа был Евпаторийский район. Договор между КОМЗЕТ и ОЗЕТ о работе последнего в Евпаторийском районе был заключен в январе 1927 года. В первом пункте соглашения было указано, что Центральное Правление ОЗЕТ принимает на себя обязательство «содействовать в 1927 году земельному устройству трудящихся евреев на земельных участках, предоставляемых Народным Комиссариатом Земледелия Крымской Республики в Евпаторийском районе для переселения трудящихся евреев...производить в центральном порядке снабжение евреев в 1927 году в указанный Евпаторийский район материалами и предметами, необходимыми для их земельного устройства» [6, л. 322]. Для непосредственной деятельности, была образованна контора во главе с Темкиным и его заместителем Финкельштейном. Среди приоритетов работы с переселенцами было строительство домов, подвоз деревянных конструкций для этого жилья, обустройство колодцев и выдача домашнего скота. С учетом качества почвы, обработка земли без тракторов была крайне сложной. На многих участках земли были только целинные, использовавшиеся под овцеводство. ОЗЕТ в Евпаторийский район была завезена партия тракторов «Фордзон». Образованы 12 машинных товариществ, каждому из которых было передано по трактору. В частности, такие как «Цукунфт», «Крестинтерн», «Стальной конь», «Интернационал», в каждое из которых входило от 15 до 23 человек [6, л. 313]. Известную деятельность проводил также ОРТ, однако в последующем ОРТ сконцентрировался на создании промышленных предприятий в Крымской АССР, где работали евреи-переселенцы. К 1925 году ОРТ принял участие в создании нескольких переселенческих коллективов в Крымской АССР. В Евпаторийском районе коллектив «Заря», в Симферопольском «имени Луначарского», в Джанкойском районе «Гатыкво», «Шолейм», «Крымчак», «Арбет-Лайт». Перечисленные переселенческие артели получили 3518 десятин земли. В них насчитывалось 85 семей в количестве 429 человек [5, л. 110].

Вторым важнейшим направлением работы в Крыму стал подбор переселенцев из мест выхода и помощь в их обустройстве в Крыму. Это была очень сложная практическая работа по закреплению переселенцев в еврейских поселках полуострова. Согласно решению КОМЗЕТа все переселенцы подразделялись на шесть категорий на основе денежного показателя. Первая категория, называлась «десятирублёвые». Она была самая массовая. Еврейская беднота обязывалась при переселении в Крымскую АССР в своё хозяйство направить только 10 рублей. Вся тяжесть по кредитованию, обустройству, жилищному строительству падала на оперативные организации, работавшие на полуострове среди переселенцев. Помимо символической суммы в 10 рублей, переселенцы-евреи должны были обеспечить себя питанием. Перевозка по железной дороге до Джанкоя осуществлялась по льготному тарифу государством. Для второй категории ценз был установлен в 150 рублей, направляемых в собственное хозяйство. Третьей категории 300 рублей,

четвёртой 500 рублей. Существовала также пятая и шестая категории с денежными цензами в 600 и 1000 рублей. С 1927 года изменился баланс соотношения категорий. Акцент был сделан на более массовое переселение второй и третьей категорий. Так, на совещании при КОМЗЕТе, проходившем 25-26 апреля 1927 года было решено, что от общего количества переселенцев осеннего наряда первая категория составит 15%, вторая 60%, третья 20%, все последующие в совокупности только 5% [6, л. 288]. Такое изменение баланса между группами объяснялось стремлением, чтобы еврей-переселенцы были не целиком зависимой группой потребителей материальных средств, а имели возможность направлять и свои деньги в хозяйство. Во-вторых, помощь от «Агро-Джойнта» и других оперативных организаций оказывалась на условиях возвратного целевого кредита и важно было обеспечить его возврат.

Среди обстоятельств, усложнявших процесс переселения стоит упомянуть степной засушливый и жаркий климат, залежные никогда не обрабатывавшиеся земли и отсутствие воды. Подчас на несколько поселков Джанкойского и Евпаторийского районов приходилось по одному колодцу с водой на значительном удалении. Эти сложные условия, резко контрастировавшие с природно-климатическими характеристиками, Белорусской ССР, Смоленска и Пскова, приводили к довольно большому проценту так называемого «обратничества». Оно означало, что переселенцы возвращались в прежние места жительства. Однако, несмотря на препятствия процесс переселения шел. Согласно утверждённому плану работы КОМЗЕТа, предполагалось переселить до 100000 еврейских семей. Это была масштабная задача, поскольку должен был измениться образ жизни и характер труд практически полумиллиона человек. На 1924–1925 годы предполагалось переселить и расселить 5424 семьи. Из них в УССР 3000 семей и в Крымской АССР 1000 семей. О том, что Крым, наряду с УССР рассматривался как один из важнейших регионов для еврейского переселения свидетельствуют выделяемые земельные площади. В УССР 50089 десятин земли, а в Крымской АССР 40000 десятин. В последующем, в результате внутривластного противостояния, площадь выделяемой земли в Крыму была уменьшена. Однако, с 1928 по 1930 год – начало «биробиджанского проекта», количество выделяемой на полуострове земли неуклонно увеличивалось.

На 1924 год в Крымской АССР насчитывалось 638 семей евреев-переселенцев с общим количеством в 3221 человек. Обустройство переселенцев предполагало согласованные усилия КОМЗЕТа и «Агро-Джойнта» по строительству поселков. За «Агро-Джойнтом» было выделение финансирования на строительные работы. В 1925 году намечалось построить 1348 домов для переселенцев, из них в Крыму 250. Указанная масштабная работа требовала соответствующего финансирования.

В 1925 году КОМЗЕТОМ было аккумулировано три миллиона восемьсот тридцать пять тысяч рублей. Из них практически половина была получена из США от «Агро-Джойнта», являвшегося дочерней структурой «Джойнта». По заключенному с советским правительством договору, должно было поступить 400 тысяч долларов, а фактически было переведено 800 тысяч, что в перерасчёте составило 1 миллион 600 тысяч рублей. Следуя заключенному договору

Американская Еврейская объединенная агрономическая корпорация «Агро-Джойнт» выработала определённые критерии для различных форм кредитования. Учитывая, что значительную долю переселенцев составляла еврейская беднота, обойтись без финансовых ресурсов «Агро-Джойнта» было бы крайне сложно. Кредиты могли направляться сельскохозяйственным артелям, коммунам, переселенческим товариществам, обязательно имевшим зарегистрированный устав. Вторым важнейшим условием для кредита было вложение не менее 400 рублей собственных денег переселенцем. Таким образом, джойнтовские кредиты не предусматривались для самых зажиточных и самых бедных («десятирублевых»). Выдававшиеся кредиты являлись строго целевыми. В «Условиях кредитования» отмечалось, что «ссуды выдаются: а) определёнными предметами». Вторым важнейшим источником финансирования еврейского переселения стали деньги самих переселенцев. Еврейскими крестьянами было вложено порядка одного миллиона рублей. Для сравнения, из государственного бюджета СССР было выделено только 400 тысяч рублей. Но, пожалуй, самой специфической статьёй были 100 тысяч рублей. Они поступили от Особой секции по восстановлению сельского хозяйства при Комитете содействия сельскому хозяйству при ВЦИК РСФСР. Указанные деньги оценивались как сумма ценностей, изъятых из синагог советской властью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Крымской АССР отводилась важнейшая роль в программе еврейского переселения в СССР в 1920-х годах. Для данного десятилетия можно выделить несколько этапов в переселении евреев в Крым. Начальный этап может быть датирован 1924–1928 годами. Начальная дата 1924 год определяется созданием КОМЗЕТ, когда переселение от инициативы небольшой группы молодёжи приобретает черты общегосударственной политики, охватившей различные регионы страны, а не только Крым. Рубежная дата 1928 год, связана с судебным процессом председателя ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимова. Крымское партийно-советское руководство было заменено и переселение приобрело более широкие масштабы.

Список использованных источников и литературы

1. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. – Симферополь, 1922. Predvaritel'nye itogi perepisi v Krymu v 1921 godu. – Simferopol', 1922.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д. 19. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. R-515. – Op. 1. – D. 19.
3. ГАРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д. 24. GARK. – F. R-515. – Op. 1. – D. 24
4. ГАРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д. 30. GARK. – F. R-515. – Op. 1. – D. 30.
5. ГАРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д. 33. GARK. – F. R-515. – Op. 1. – D. 33.
6. ГАРК. – Ф. Р-515. – Оп. 1. – Д. 36. GARK. – F. R-515. – Op. 1. – D. 36.

Kondratjuk G. N. Resettlement of jews to the Crimea: the opening phase (1924–1928)

The article analyzes the process of resettlement of Jews to the Crimean ASSR in the context of Soviet national policy. The main factors that led to the adoption of a political decision on resettlement are identified. The Crimean ASSR became the most important region of Jewish rural relocation. The participation of international Jewish organizations in the resettlement processes has been analyzed as well. The changes in the ethnic composition of the population of the peninsula in the 1920s have been thoroughly studied. The article presents the processes of settlement of Jewish immigrants, the formation of Jewish village councils, building schools, clubs, and hospitals.

Keywords: Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, the resettlement of Jews, Jewish ruralization, Jewish village councils.

УДК 94(470-321.9).084.8:378

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-72-85

**ВETERАНЫ ЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ КАФЕДРОЙ
КРЫМСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ
М. И. КАЛИНИНА: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

Кравчук А. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Музей истории

*Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация.*

E-mail: alexkravchuk7@gmail.com

Рассмотрены особенности интеграции в мирную жизнь ветеранов Великой Отечественной войны, оказавшихся за преподавательской кафедрой в Крымском сельскохозяйственном институте имени М. И. Калинина. Сквозной анализ личных дел сотрудников института позволил выявить целый ряд ранее неизвестных участников войны, а также реконструировать модели поведения и служебные практики преподавателей, составить их просопографический портрет. На способность людей, прошедших горнило войны, приспособиться к реалиям мирной жизни существенное влияние оказывали не только личные качества, но и уровень образования, опыт работы и возраст. Последняя характеристика играла ключевую роль – чем младше был ветеран, тем проще ему было оказаться на престижной по советским меркам преподавательской работе в вузе.

Ключевые слова: Крымский сельскохозяйственный институт имени М. И. Калинина, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, ветераны, Великая Отечественная война.

Восстановление правдивой картины о событиях Великой Отечественной войны занимает одно из центральных мест в современной российской исторической науке. Несмотря на значительное количество работ, посвященных данной тематике, на сегодняшний день в изучении явлений тех времен остается немало белых пятен. Этот факт объясняется масштабностью событий и числом вовлеченных в них людей – на фронте оказалась существенная часть трудоспособного населения СССР. Те, кто прошел горнило войны, по ее окончанию столкнулись с новым вызовом – им предстояло восстановить разрушенное народное хозяйство, интегрироваться в мирную жизнь. Этот процесс занял длительное время и оказал влияние на судьбы миллионов граждан СССР и само государство.

В данной статье предпринимается попытка реконструкции жизненного пути и карьерных перипетий фронтовиков, вставших за преподавательскую кафедру в Крымском сельскохозяйственном институте имени М. И. Калинина. Поставленная цель позволит лучше понять проблемы комплектования отдельно взятого высшего учебного заведения в послевоенное время и на конкретном примере даст возможность проиллюстрировать трудности, с которыми сталкивались ветераны при обустройстве своей мирной жизни. Немаловажным видится возможность

посмотреть на жизнь представителей профессорско-преподавательского состава института с их собственных позиций и жизненных стратегий, лучше понять мотивы принимаемых ими решений.

Историографию данного вопроса можно разделить на два основных направления. Во-первых, это труды, связанные с изучением проблем адаптации фронтовиков Великой Отечественной войны к мирной жизни. На сегодняшний день в этой области изучен лишь региональный компонент [41; 40], обобщающие труды отсутствуют. В русле истории Крыма подобные исследования и вовсе не проводились. Во многом, сложившаяся в историографии ситуация обусловлена тем, что социальная политика в СССР не была отдельным, самостоятельным направлением в деятельности органов власти [39, с. 12–16]. Задачи адаптации ветеранов, как правило, решались в тесной связи с другими хозяйственными проблемами. Данное обстоятельство привело к появлению разрозненной источниковой базы, что затрудняет проведение комплексных исследований.

Ко второй группе можно отнести труды, посвященные послевоенному обустройству крымских вузов. Отдельные аспекты данной проблемы были освещены в ряде публикаций [2; 32; 33; 34; 35], однако вопросы комплектования учебных заведений научными и педагогическими кадрами затрагивалась в них лишь фрагментарно, в контексте роли некоторых ученых в работе образовательных учреждений. Отсутствие подобных работ, безусловно, усиливает актуальность нашей публикации.

В основе данного исследования лежит сквозной анализ личных дел сотрудников Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина. Всего нами было изучено более 850 дел работников, трудившихся в вузе в период с 1944 по 1991 гг. Интересующие нас материалы, хранятся в Государственном архиве Республики Крым – Ф. Р-357 (Крымский сельскохозяйственный институт имени М. И. Калинина) и архиве Агротехнологической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Такой подход позволил выявить 153 участника Великой Отечественной войны. Полученные данные дали возможность существенно дополнить имеющиеся сведения о ветеранах структурного подразделения. Тем не менее они не могут считаться окончательными, а поисковая работа должна быть продолжена.

Среди выявленных личных дел ветеранов, преподаватели составили меньшинство – всего 46 человек. Остальные – это многочисленные инженеры, лаборанты, разнорабочие и т. д. Большинство из них трудились в институте непродолжительное время либо в первые послевоенные годы, либо в 60-е гг. XX в. В первом случае явление было вызвано тем, что вузы Крыма были одними из немногих учреждений, возобновивших работу в тяжелых условиях сразу после освобождения полуострова от немецко-фашистских захватчиков в конце лета – начале осени 1944 г. В силу специфики учебного заведения ему требовалось не только восстановление помещений, но и баз практик – садов и экспериментальных полей. В этой связи в институт привлекалось значительное число работников самых разнообразных специальностей [33, с. 98–100]. Во втором случае – дополнительный

массовый набор сотрудников был вызван обустройством института на новой базе в пгт. Научное (ныне пгт. Аграрное).

Процедура ведения делопроизводства и приема на работу в послевоенные годы фактически не отличалась от современных реалий. Помимо документов, подтверждающих квалификацию, каждый сотрудник должен был предоставить автобиографию, фотокарточку и трудовую книжку (была введена в 1939 г.) [36]. На их основе составлялся личный листок по учету кадров. Дела сотрудников, принятых на работу в первые послевоенные годы, нередко являются неполными. Чаще всего отсутствует фотокарточка и документы, подтверждающие уровень квалификации. Обычной практикой было заполнение личного листка со слов сотрудника, без подтверждающих документов, что становилось причиной искажения некоторых сведений. Несмотря на вышеуказанные недостатки, эти обрывочные данные, дошедшие до нас, являются уникальной информацией о жизни и деятельности многих людей, прошедших лихолетья войны и не оставивших заметного следа в послевоенное время.

Автобиографии и личные листки по учету кадров являются главным документом в личном деле сотрудника, позволяющим выявить участников Великой Отечественной войны. Автобиографии писались по шаблону, поэтому содержат лишь основные сведения о жизни и деятельности их авторов. Они существенно дополняются сведениями из личных листков по учету кадров. Здесь обязательно фиксировались все этапы трудовой деятельности, включая должность с указанием организации и ее местонахождения. Во многих делах зафиксированы основные места службы работника в годы Великой Отечественной войны, что дает возможность проследить боевой путь защитника Родины. В пункте «Какие имеет правительственные награды» указывался перечень орденов и медалей, полученных во время службы и работы.

Наиболее информативными являются дела профессорско-преподавательского состава. Здесь, помимо указанных выше сведений, присутствуют данные о повышении квалификации, участии в конкурсных отборах на занятие должностей, характеристики, сведения о научной и методической работе, списки научных трудов. В делах редко встречаются сведения, не относящиеся к трудовой деятельности сотрудника. Лишь однажды нами были обнаружены подробные воспоминания доцента вуза Владимира Константиновича Дубинко о его участии в Великой Отечественной войне. Дело сдавалось в архив после увольнения сотрудника. Дата смерти фиксировалась только в тех случаях, когда работника исключали из штатов в связи со смертью.

Комплектование крымских институтов, в целом, осуществлялось на общепринятых в стране принципах. Помимо особенностей характерных всем высшим учебным заведениям эвакуированным в годы войны с оккупированных территорий, уникальность функционирования вузов на полуострове обуславливалась депортацией крымских татар. Представители данного народа накануне Великой Отечественной войны составляли около 20% населения полуострова и являлись как студентами, так и преподавателями высших учебных

заведений. В Крымском сельскохозяйственном институте имени М. И. Калинина их доля была одной из самых высоких среди местных вузов, так как значительная часть крымских татар была занята в сельском хозяйстве.

В довоенные годы институт являлся одним из трех высших учебных заведений, функционирующих на территории Крымской АССР. Как и другие вузы он был эвакуирован и оказался в городе Кировобад (ныне Гянджа) Азербайджанской ССР [33, с. 124–124]. Значительная часть сотрудников и студентов были призваны в ряды Советской Армии – всего около 600 человек. Весной 1944 г. началась подготовка к реэвакуации. В начале лета 1944 г. сотрудники и студенты Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина в основном вернулись на прежние базы учебного заведения. Уже в июле велись работы по подготовке к началу нового учебного года [37, с. 47–48].

Окончание войны способствовало быстрому налаживанию мирной жизни, что в свою очередь служило подспорьем стремительному восстановлению сети учебных заведений различных уровней. Система образования должна была восполнить потери специалистов и обеспечить промышленность и сельское хозяйство квалифицированными специалистами, а также помочь адаптации фронтовиков, массово возвращающихся с войны и нуждающихся в профессиональном обучении и переквалификации. Среди участников боевых действий было много тех, кто пополнил ряды советской армии со школьной и студенческой скамьи, другие не могли не растерять профессиональные навыки за годы пребывания на фронте.

Сама система образования также испытывала острую нехватку кадров. Наиболее сложная ситуация сложилась в институтах и университетах. Восполнение дефицита специалистов в школьном и среднем специальном образовании занимало меньше времени. Недосток кадров в учебных заведениях данного уровня компенсировался приемом на работу людей, не имеющих специального образования, но умеющих читать и писать. Преподаватель вуза должен был сначала получить высшее образование, отучиться в аспирантуре, подготовить диссертацию на соискание ученой степени и защитить ее. Данный процесс занимал годы и не всегда заканчивался успешно. При этом в первые послевоенные годы тезис о том, что государство должно заботиться о развитии науки и «добиваться широкого распространения научных знаний в народных массах, дальнейшего расширения и улучшения подготовки научных и технических кадров» был утвержден на высшем уровне [29, с. 145–146]. За первые два послевоенных десятилетия количество научных работников в СССР увеличилось в 2,5 раза [3, с. 87].

Пример фронтовиков, оказавшихся за преподавательской кафедрой, может служить иллюстрацией успешной адаптации вчерашних солдат к мирной жизни. Социальное положение и уровень достатка научных работников и преподавателей высших учебных заведений в советском обществе были высокими. Ученая степень и научное звание повышали статус и гарантировали материальную обеспеченность [40, с. 64–66, 39]. При средней зарплате в 60-е гг. XX в. в 81 рубль в месяц, в науке она составляла 110 рублей. Степень кандидата наук предусматривала надбавку в 50 рублей и гарантировала обеспеченные жильем. Для докторов наук был открыт

доступ к дефицитным товарам. В 70–80-е гг. данная тенденция сохранялась, а материальный доход кандидатов и докторов наук неуклонно рос [28, с. 20–27].

Преподавательский состав Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина в первые послевоенные годы был немногочисленным. Так, в 1946–1947 учебном году на 21 кафедре трудилось семь профессоров, 15 доцентов, 25 ассистентов и обучалось 570 студентов [33, с. 170]. Постепенно, в процессе налаживания мирной жизни, численность профессорско-преподавательского состава росла соразмерно увеличению количества студентов. Наиболее успешно адаптировавшимися к мирной жизни можно уверенно назвать тех преподавателей, которые сумели защитить докторскую диссертацию. Таких в Крымском сельскохозяйственном институте имени М. И. Калинина трудилось девять человек: доктор филол. наук Евгений Савельевич Блиндус (1926–1991) [8, л. 1–5], доктор с-х. наук Василий Яковлевич Борисов (1909–?) [9, л. 1–3], доктор биол. наук Николай Евгеньевич Воробьев (1922–1985) [30, с. 192–193], доктор с-х. наук Владимир Константинович Дубинко (1923), доктор экон. наук Михаил Минович Караман (1927) [14, л. 1–4], доктор экон. наук Юрий Николаевич Новиков (1922), доктор с-х. наук Георгий Акимович Сарнецкий (1924–1990), доктор экон. наук Анатолий Федорович Чернявский (1924), доктор с-х. наук Николай Андреевич Шепель (1925–2004). Т. о. докторами наук стали почти 20,5% ветеранов, посвятивших жизнь преподавательской и научной деятельности. Также должность профессора занимал кандидат ист. наук Яков Вульфович Фридман (1925) [25, л. 1–4].

Вторую группу составляют преподаватели со степенью кандидата наук – всего 27 человек (59% от общего количества ветеранов-преподавателей). Среди них одиннадцать человек кандидаты с-х. наук (Е. А. Бессонов [7, л. 3–5], П. Г. Гусев, И. П. Жуков, В. Д. Заричный, А. И. Левинский, Н. А. Медведев [17, л. 76], И. П. Мирошников [18, л. 1–2], Н. Г. Николаев [21, л. 95], И. Е. Пшеничный [23, л. 2–5], В. К. Финаков [24, л. 3], И. Я. Шелудько), семь кандидаты экон. наук (Н. М. Жуховский [21, л. 95], П. К. Кривоногов [16, л. 27–28], П. А. Михайлин [19, л. 4–5, 23–24], П. А. Никитин [20, л. 3–6], В. А. Полежаев [22, л. 33–34], Н. В. Ремжин, Л. И. Яковлев [27, л. 34–36]), трое кандидаты ист. наук (Ю. А. Баглаев [4, л. 4–6], А. К. Гапонов, Г. М. Сухоруков) по два человека кандидаты филос. (И. А. Бардин [6, л. 1–3], Ф. Т. Зиннуров [13, л. 2–4]) и техн. наук (А. Г. Булгак [10, л. 50–51], В. Н. Кондратьев [15, л. 1–3]) и по одному кандидаты физ.-мат. (М. А. Баженов [5, л. 4–6]) и биол. наук (А. А. Волынкин [11, л. 37–39]). Преобладание среди ветеранов кандидатов с-х. наук объясняется спецификой вуза, а значительное представительство экономистов тем, что в учебном заведении с 1965 г. работал первый и единственный в то время в Крыму экономический факультет [33, с. 179]. Преподавателями без ученой степени трудились девять человек (20,5%), из них один занимал должность доцента – это Герой Советского Союза Даниил Игнатьевич Шамура. Данный факт подтверждает особое положение героев войны и внимание к ним со стороны государства и общества. В гендерном отношении абсолютно все ветераны, связавшие жизнь с крымским институтом, были мужчинами.

*Евгений Савельевич
Блиндус*

*Василий Яковлевич
Борисов*

*Николай Евгеньевич
Воробьев*

*Владимир Константинович
Дубинко*

*Михаил Минович
Караман*

*Юрий Николаевич
Новиков*

*Георгий Акимович
Сарнецкий*

*Анатолий Федорович
Чернявский*

*Николай Андреевич
Шепель*

*Яков Вульфович
Фридман*

Научные сотрудники в СССР, как и в целом население, были достаточно мобильны и часто меняли место жительства и работы. Крымская область в силу существенной убыли населения за годы войны остро нуждалась в специалистах. К тому же, часто ученые и преподаватели переезжали на полуостров по состоянию здоровья – мягкий и теплый климат рекомендовался при многих хронических заболеваниях. Большинство ветеранов преподавателей вуза были уроженцами Российской СФСР – всего 20 человек. К ним также следует добавить девять человек уроженцев Крымской АССР. Значительное представительство крымчан свидетельствует о том, что в регионе сложилась достаточно хорошая система воспроизводства научных кадров. Двенадцать человек родились на территории Украинской ССР, двое в Белорусской ССР, по одному в Узбекской ССР и Литовской ССР, один сотрудник был уроженцем Вены (Австрия). Данные сведения в целом отражают общие тенденции переселенческой политики, проводимой в регионе [38, с. 86–88].

Любопытные сведения можно почерпнуть исходя из возрастных показателей ветеранов, поступивших на работу в институт. В данном контексте всех педагогов можно разделить на несколько групп: родившихся ранее 1910 г. было четыре человека, в 1910–1915 гг. – пять, в 1916–1920 гг. – девять, 1921–1925 гг. – 22, 1926–1930 гг. – шесть. Преобладание группы 1921–1925 гг. свидетельствует о том, что появившиеся на свет в эти годы люди составляли абсолютное большинство в воюющей армии. По возвращению с фронта они были достаточно молоды, многие из них не успели окончить школу и получить профессиональное образование. Их возврат за учебные скамьи был вполне логичным. Немногочисленность представителей последней группы объясняется тем, что к моменту начала войны, родившимся в 1926 г. было всего 15 лет. Остальные ветераны разделились в примерно в равном количестве по другим группам. Самым возрастным преподавателем, выявленным в ходе исследования, был А. Г. Булгак, родившийся в 1902 г. [10, л. 50–51], самыми молодыми – И. П. Жуков, В. Д. Заричный, М. М. Караман и Н. В. Ремжин, появившиеся на свет в 1927 г. Приведенные данные свидетельствуют о том, что старше был ветеран к моменту демобилизации, тем сложнее ему было добиться успехов на научном поприще. Подтверждают данный тезис данные о возрасте тех, кто не сумел подготовить и защитить диссертацию. Из девяти таких преподавателей семеро родились ранее 1921 г. и только двое относились к группе 1921–1925 гг.

Важным представляется анализ данных о возрасте, в котором ветераны защищали диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. К сожалению, не во всех личных делах удалось выявить интересующую нас информацию. В возрастном диапазоне 26–30 лет кандидатами наук стали два человека, в 31–35 лет –

восемь, 36–40 лет – 14, 41–45 лет – девять, 46–50 лет – четыре, 51–55 лет – один. Наиболее поздно диссертацию защитил кандидат с.-х. наук В. К. Финаков [24, л. 3]. Это важное событие в жизни преподавателя состоялось в 1956 г., когда ему уже исполнилось 52 года. Быстрее всего данное достижение покорилось кандидату филос. наук Ф. Т. Зиннурову – в 28 лет [13, л. 2–4]. На получение диплома доцента у педагогов данной группы уходило в среднем 5,3 года. У ветеранов докторов наук срок между защитой кандидатской и докторской диссертаций в среднем составлял 17 лет. Отметим, что средний возраст научных работников в СССР в 70-х XX в. составлял 38 лет, в 80-х XX в. – 42 [1, с. 74].

Всех ветеранов, ставших кандидатами наук можно разделить на две основные группы. К первой относятся те, кто получил высшее образование после демобилизации, таких в штатах вуза насчитывалось 32 человека. У них в среднем на подготовку кандидатской диссертации уходило 9,6 лет. При этом у восьмерых из них этот процесс занял менее 5 лет. Остальные ветераны не сумели подготовить и защитить диссертацию в установленный срок, у некоторых написание научного труда затянулось на несколько десятилетий. Совсем иначе ситуация обстояла с теми, кто получил высшее образование до мобилизации в армию. Таких насчитывалось десять человек: Е. А. Бессонов (окончил в 1942 г. Молотовский сельскохозяйственный институт), В. Я. Борисов (окончил в 1939 г. Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева), А. Г. Булгак (окончил в 1928 г. Одесский сельскохозяйственный институт), А. А. Волынкин (окончил в 1941 г. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского), И. П. Мирошников (окончил в 1939 г. Среднеазиатский плодоовощной институт), М. П. Никитин (окончил в 1942 г. II Московский государственный медицинский институт), Н. Г. Николаев (окончил в 1936 Самаркандский сельскохозяйственный институт), Г. М. Сухоруков (окончил в 1941 г. Ленинградский государственный университет), В. К. Финаков (окончил в 1930 г. Одесский государственный университет) и Л. И. Яковлев (окончил в 1938 г. Ленинградский плановый институт). Данные приведены только по тем сотрудникам, в личных делах которых имеются сведения о времени завершения получения высшего образования.

У преподавателей из второй группы процесс подготовки кандидатской диссертации в среднем занимал 20,7 лет. Объяснить столь продолжительную работу над одним из важнейших научных трудов в жизни педагога можно целым рядом причин. Во-первых, за годы войны у данной категории выпускников вузов нарушились связи с учебными заведениями и научными работниками, которые там трудились. Во-вторых, фронтовики, имевшие высшее образование, вернувшись к мирной жизни в условиях тотальной нехватки квалифицированных кадров занимали более высокое социальное положение. Это могло временно задержать продолжение научной работы. В-третьих, возможность вести научные изыскания была прервана войной, что отодвигало подготовку и защиту диссертации как минимум на время пребывания в действующей армии. Докторскую диссертацию из этой группы удалось защитить и вовсе одному человеку – В. Я. Борисову, который в 1968 г. стал доктором с.-х. наук, ее подготовка заняла у него 19 лет [9, л. 1–3].

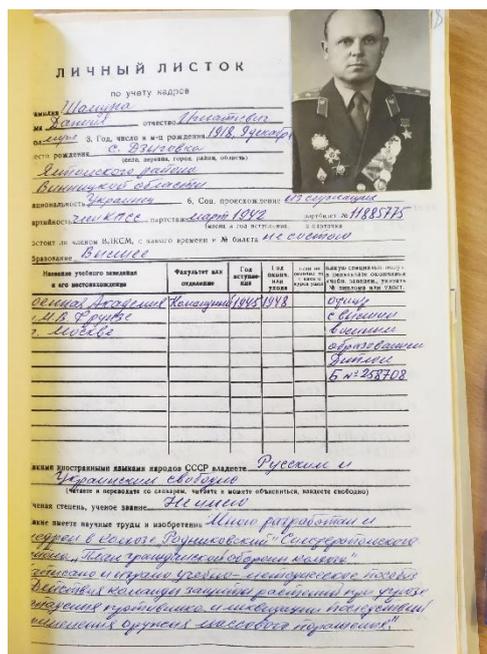
ВETERАНЫ ЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ КАФЕДРОЙ КРЫМСКОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ М. И. КАЛИНИНА...

и до сих пор не восстановлен. Сейчас
вопрос рассматривается в обл. организации.
Участвовал много раз в боях. В 1943
замаскировался под французов Бичага.
Искра Петровым по профессии сапожником
летал в боевые хронист (г. Одесса) где
участвовал в подпольной организации.
с 1941. сносил почта в Сов. армию (862 г.
За боевые операции имел в благодарности
от Верховн. Главнокомандующего М. Б.
Степана и 5 Правительственных наград.
За храбрость много из родственных
Мен. Репрессии также не подвергался
ни из ни мои родственники. Под суд
не был. Сейчас работа в Крымском с.х. ин-
10.8.1949г. *А.И.Иванов*

22
Краткая автобиография
Булгак А.Е.
Родился в 1902г. в Белоруссии в Минской обл. Бичи.
Радошковичской р-не. Отец всю жизнь работал
по найму и пошел в 1-ю империалистическую войну,
мать занималась домашними хозяйством, умерла
тоже в начале 1917г.
Основатель протестантского митратовола, по-
том был захвачен в детстве в г. Минске.
Много работал физически в мастерских газ-
ных предпринимателей, а также мастерских
Пол. Гос. Университета. В 1920г. поступил на
работу (подготовительные курсы) в г. Ч.
Работа окончил в 1923/24 гг. и был на-
правлен в Одесс. сельхоз. институт, котор-
о окончил в 1928 году и был командирован
инженером МТС Северо-Кавказского криз
В 1930г. при ликвидации округов. з. был
откомандирован в аспирантуру ВИАИ. Белор.

отдел. Одновременно с аспирантурой по-
степенно читал курсы автотракторной
в ВКСИИ.
В 1932г. з.х. по окончании аспирантуры
было присвоено ТУСом звание стар-
шего сотрудника, а наркоматом звание
по механизации и электрификации с.х.
В течение ВИАИ фактически занимал с
по 1935г. работал по линии аспирантуры
научным сотрудником как в самом ин-
и на его опорных базах и филиалах. За
период исследовал ряд научных вопросов
электрификации с.х. машин и тракторов по ли-
не ВИАИ и ВАСИИ. Ряд работ напечатан
сферич. научных отделов, отдельных вост.
и т.д. использованных Наркомземом и
в своей работе.
В 1935г. проводил исследования в Разд-
ской опорной базе ВИАИ (при МТС) и др.

23
решено был приглашен читать курсы механи-
ки в Одесс. сельхоз. ин-т. В 1935 по 1941г.
и доцентом кафедр. механизации ВКСИИ, а с
июня 1941г. ушел на войну
В 1940г. начал еще одну работу: «испол-
нительский режим работы подчиненных в
с.х. машинах и двигателях» издал эту
работу при Од. индустриальном ин-те на
советские звание кандидата технических наук.
За весь период своей трудовой деятельности
с работой справился и взятый
или замечаний по работе не имел.
В 1920г. на работе был принят в члены
ВКСИИ, а в 1930г. в члены ВКП(б). Во вре-
мя войны 1941-45г. при отступлении на
Северном Кавказе был ранен и не сумел
уйти из временно занятой врагом терри-
тории. При этом был много ликвидир-
рован и/бит и з. остался вне парти.

Личный листок из дела Героя Советского Союза Даниила Игнатьевича Шамуры

По десятилетиям защиты кандидатских диссертаций в XX в. распределились следующим образом: 40-е гг. – три человека, 50-е гг. – одиннадцать человек, 60-е гг. – 20 человек и 70-е – три человека. Таким образом, пик научной и творческой деятельности у ветеранов преподавателей Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина пришелся на 50–60-е гг. XX в. К этому времени бывшие фронтовики успели адаптироваться к мирной жизни, были еще достаточно молоды и полны жизненной энергии и здоровья для проведения научной работы.

О деятельности будущих педагогов высшей школы до призыва в армию в личных делах содержится следующая информация. Семеро из них обучались в школе, столько же являлись студентами средних специальных и высших учебных заведений. Остальные трудились в различных областях народного хозяйства: рабочими – десять человек, агрономами – семеро, учителями – трое, научными работниками – двое, по одному работали инженером, журналистом, экономистом, еще один служил солдатом в армии. Прямую зависимость между родом деятельности до мобилизации и способностью быстро подготовить и защитить кандидатскую диссертацию нам проследить не удалось. Так первые 14 человек, которым покорилось это достижение в 1940–1950-е гг. до войны были заняты в совершенно разных сферах: агрономы – четверо, по два человека были научными

работниками, преподавали в вузах, трудились рабочими на производстве, учились в школе; по одному были студентом и учителем.

Куда более важную роль для попадания в обойму сотрудников высшей школы играло место работы, на котором оказывались фронтовики после демобилизации. Обучение в школе возобновили двое, за студенческой скамьей оказалось четверо из них. Наиболее популярной была работа преподавателями в различных учебных заведениях – в этой отрасли трудились десять человек. Рабочими на различных предприятиях оказались семь человек, по пять ветеранов трудились агрономами и научными работниками, по три человека было задействовано на административной работе и на различных инженерных должностях, двое трудились журналистами, один остался на службе в армии, еще один работал экономистом. Таким образом, большие шансы оказаться на работе в вузе имели педагоги, занятые в сельском хозяйстве и других областях народного хозяйства, связанных с интеллектуальным трудом.

Время прибытия педагогов на полуостров свидетельствует о периодах наиболее быстрого развития Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина, а также об общих тенденциях переселенческих процессов в регионе. Еще до начала Великой Отечественной войны в Крым переехало двое будущих преподавателей, в 1945–1949 гг. – четверо; 1950–1959 гг. – девятеро; 1960–1969 гг. – четырнадцать; 1970–79 гг. – шесть; 1980–1989 гг. – двое. Пик увеличения численности студентов и преподавателей в институте приходился на конец 50-х – 60-е гг. XX в. Именно в это время университет переместился на новую базу, велось активное строительство учебных корпусов и общежитий для студентов.

Таким образом, ветераны сыграли важную роль в восстановлении сети высших учебных заведений в СССР. Крымский сельскохозяйственный институт имени М. И. Калинина не был исключением. С точки зрения личностных стратегий оказаться сотрудником вуза, а уж тем более получить ученую степень считалось в советском обществе крайне престижным. Это гарантировало высокий социальный статус и прочное материальное положение. Проведенный анализ показал, что основным фактором, влиявшим на способность вчерашнего солдата быстро подготовить и защитить диссертацию, являлся возраст – чем младше был ветеран – тем быстрее он справлялся с данной задачей. Важными обстоятельствами также были время получения высшего образования и место работы после демобилизации. Многие из сотрудников средних и средних специальных учебных заведений, зарекомендовавших себя в преподавательской деятельности, оказывались на работе в вузе.

Список использованных источников и литературы

1. Аллаhverдян А. Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2014. – 263 с.
Allakhverdyan A. G. Dinamika nauchnykh kadrov v sovetskoi i rossiiskoi nauke: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. – М.: Izd-vo «Kogito-Tsentr», 2014. – 263 s.

2. Багров Н. В., Чуян Е. Н., Орехов В. В. На пороге столетия: от Таврического университета – до Крымского федерального. История в документах и фотографиях. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2014. – 360 с.

Bagrov N. V., Chuyan E. N., Orekhov V. V. Na poroge stoletiya: ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh. – Simferopol': IT «ARIAL», 2014. – 360 s.

3. Безбородов А. Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50 – середины 70-х годов – М.: Мосгорархив, 1997. – 214 с.

Bezborodov A. B. Vlast' i nauchno-tehnicheskaya politika v SSSR serediny 50 – serediny 70-kh. godov – M.: Mosgorarkhiv, 1997. – 214 s.

4. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-357, оп. 8, д. 5.

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. R-357, op. 8, d. 5.

5. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 6.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 6.

6. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 9.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 9.

7. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 13.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 13.

8. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 14.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 14.

9. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 19.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 19.

10. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 23.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 23.

11. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 33.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 33.

12. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 56.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 56.

13. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 60.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 60.

14. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 67.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 67.

15. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 77.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 77.

16. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 82.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 82.

17. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 103.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 103.

18. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 104.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 104.

19. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 105.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 105.

20. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 110.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 110.

21. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 111.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 111.

22. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 123.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 123.

23. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 129.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 129.

24. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 161.

GARK, f. R-357, op. 8, d. 161.

25. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 162.

- GARK, f. R-357, op. 8, d. 162.
26. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 172.
GARK, f. R-357, op. 8, d. 172.
27. ГАРК, ф. Р-357, оп. 8, д. 180.
GARK, f. R-357, op. 8, d. 180.
28. Зенина М. Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР (1945–1985) // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67. – № 1. – С. 20–27.
Zenina M. R. Material'noe stimulirovanie nauchnogo truda v SSSR (1945–1985) // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. – 1997. – Т. 67. – № 1. – С. 20–27.
29. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1976. – Т. 6. – С. 145–146.
KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. – М., 1976. – Т. 6. – С. 145–146.
30. Кравчук А. С. Воробьев Николай Евгеньевич // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: в 3 т. Т. 1 / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – С. 192–193.
Kravchuk A. S. Vorob'ev Nikolai Evgen'evich // Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: v 3 t. T. 1 / Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnyashchii, D. A. Lomakin, V. A. Grushetskaya i dr. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – С. 192–193.
31. Кравчук А. С. Из истории Крымского института специальных культур (1922–1924) // Крымский гуманитарный вестник: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Н. Рудяков. – Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2019. – С. 98–101.
Kravchuk A. S. Iz istorii Krymskogo instituta spetsial'nykh kul'tur (1922–1924) // Krymskii gumanitarnyi vestnik: sb. nauch. st. / Отв. ред. А. Н. Рудяков. – Simferopol': IP Minakir I. L., 2019. – С. 98–101.
32. Непомнящий А. А. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3(69), № 1. – С. 69–78.
Nepomnyashchii A. A. «Imel mnogo blagodarnostei i neodnokratno byl premirovan»: dekan istoricheskogo fakul'teta i zaveduyushchii kafedroi istorii SSSR Fedor Zagorodskikh // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2017. – Т. 3(69), № 1. – С. 69–78.
33. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – 352 с.
Nepomnyashchii A. A., Kravchuk A. S. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografyakh / Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – 352 s.
34. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–127.
Nepomnyashchii A. A., Lomakin D. A. «Preodolevaya nechelovecheskie trudnosti»: Krymskii gosudarstvennyi meditsinskii institut imeni I. V. Stalina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–127.

35. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А., Бебешко Е. В. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70), № 3. – С. 84–105.

Непомнящчii А. А., Lomakin D. A., Bebeshko E. V. «Rabotali nesmotrya ni na chto»: Krymskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. V. Frunze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: po materialam fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4(70), № 3. – S. 84–105.

36. Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. № 1320 «О Введении трудовых книжек».

Postanovlenie SNK SSSR ot 20 dekabrya 1938 g. № 1320 «O Vvedenii trudovykh knizhek».

37. Репецкая А. И., Кравчук А. С. Ботанический сад имени Н. В. Багрова. – М.: ООО «ОСТ ПАК новые технологии», 2019. – 296 с.

Repetskaya A. I., Kravchuk A. S. Botanicheskii sad imeni N. V. Bagrova. – M.: ООО «OST ПАК новые tekhnologii», 2019. – 296 s.

38. Сеитова Э. И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым (1944–1976) / под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Антиква, 2013. – 236 с. – (Сер. Библиография крымоведения»; вып. 19).

Seitova E. I. Pereselencheskii bilet: trudovaya migratsiya v Krym (1944–1976) / pod red. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol': Antikva, 2013. – 236 s. – (Ser. Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 19).

39. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. – М.: ИРИ РАН, 1995. – 220 с.

Senyavskaya E. S. 1941–1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie. – M.: IRI RAN, 1995. – 220 s.

38. Sidorova G. P. Tsennost' professii v sovetskoj khozyaistvennoi kul'ture i obrazakh massovogo iskusstva 1960–1980-kh // Chelovek i kul'tura. – 2013. – № 1. – S. 61–91.

40. Сидорова Г. П. Ценность профессий в советской хозяйственной культуре и образах массового искусства 1960–1980-х // Человек и культура. – 2013. – № 1. – С. 61–91.

41. Ульянова М. В. Опыт адаптации участников Второй мировой войны к условиям мирной жизни на Дальнем Востоке СССР: 1945–1953 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Хабаровск, 2005. – 28 с.

Ul'yanova M. V. Opyt adaptatsii uchastnikov Vtoroi mirovoi voiny k usloviyam mirnoi zhizni na Dal'nem Vostoke SSSR: 1945–1953 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk. – Khabarovsk, 2005. – 28 s.

42. Хаяров Д. Г. Фронтвики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни: 1945–1950: автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 26 с.

Khayarov D. G. Frontoviki v Zapadnoi Sibiri: adaptatsiya k mirnoi zhizni: 1945–1950: avtoref. dis. kand. ist. nauk. – Novosibirsk, 2003. – 26 s.

Kravchuk A. S. Veterans of Great Patriotic War as institute teachers at the M. I. Kalinin Crimean Agricultural Institute: prosopographic portrait.

The article is devoted to the peculiarities of integration into the peaceful life of veterans of the Great Patriotic War, who found themselves at the teaching at the M. I. Kalinin Crimean Agricultural Institute. We used a cross-cutting analysis of the personal files of the institute's employees, which allowed us to detect previously unknown participants of the war, as well as to reconstruct the behavior patterns and service practices of institute teachers, and to make a prosopographic portrait of them. Personal qualities, education level, work experience, and age had a key impact on the ability of veterans to adapt to the realities of civilian life. Age played a decisive role: the younger the war participant was, the easier it was for him to find himself in a prestigious teaching job at the institute. The veterans who entered the institute occupied a high position in Soviet society. They had an above-average income and enjoyed some benefits. Moreover, the professors had access to scarce goods. The participants of the Great Patriotic War made a significant contribution to the restoration and development of the Soviet system of education.

Keywords: M. I. Kalinin Crimean Agricultural Institute, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, veterans, integration of veterans, Great Patriotic War.

УДК 94(47).073.5

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-86-95

**ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТАРШИЙ
И МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1854–1855 ГГ.
(ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ ДОКУМЕНТАМ АРХИВА А. И. ФИЛОСОФОВА)**

Курочкин С. С.

*Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург.
E-mail: qeen123@yandex.ru*

Исследуется вопрос о том, каковы были политическая цель, практические задачи и конкретные результаты поездки великих князей Николая Николаевича (Старшего) и Михаила Николаевича в Севастополь в период Крымской войны. Данный эпизод их биографии не был предметом специального исследования. На основании анализа официального «Журнала», ведшегося во время поездки, и источников личного происхождения, сделаны следующие выводы: император Николай I придавал большое значение поездке своих сыновей в осажденный Севастополь, рассчитывая, что их присутствие подымет боевой дух защитников города. В первый период, с октября по декабрь 1854 г., великие князья исполняли ряд представительских функций, направленных на воодушевление войск. Во второй период, с января по февраль 1855 г., назначенные на командные должности в Севастополе, они получили опыт управления войсками в боевых условиях. Для великих князей Николая и Михаила Николаевичей эта поездка стала важным этапом их военной карьеры.

Ключевые слова: Крымская Война, Первая оборона Севастополя, император Николай I, великий князь Николай Николаевич (Старший), великий князь Михаил Николаевич, Эдуард Иванович Тотлебен, Алексей Илларионович Философов.

Великие князья Николай Николаевич (Старший) и Михаил Николаевич известны как крупные военные деятели второй половины XIX века. Важным эпизодом начального этапа их карьеры стало пребывание в осажденном Севастополе в 1854–1855 гг. Это событие широко освещалось в русской прессе в период Крымской войны и нашло отражение во многих трудах по истории обороны Севастополя. Однако в историографической традиции роль великих князей в обороне города представлена различными точками зрения. В современной историографии остается дискуссионным вопрос о политической цели и конкретных задачах севастопольской поездки членов Царствующего дома. Ход, характер и результаты их военного путешествия не были предметом специального изучения.

В дореволюционной историографии присутствие Николая и Михаила Николаевичей в осажденном городе упоминалось в крупнейших общих исследованиях по истории Крымской войны: работах М. И. Богдановича [3], Н. Ф. Дубровина [5].

Первыми работами, в которых севастопольская поездка великих князей рассматривалась как отдельный эпизод их биографии, стали труды Д. Н. Струкова

«Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич» (СПб., 1906) [9] и В. В. Жерве «Генерал-фельдмаршал Великий Князь Николай Николаевич Старший. Исторический очерк его жизни и деятельности (1831–1891)» (СПб., 1911) [7]. Авторы, характеризуя роль сыновей императора Николая I в обороне Севастополя, делают акцент на моральном воздействии, которое оказало на защитников города появление в их рядах августейших особ.

После Октябрьской революции традиция специального изучения биографий членов Императорской фамилии была прервана по идеологическим причинам. В монографиях советских историков, посвящённых Крымской войне, имеются лишь упоминания о присутствии великих князей в Севастополе. Большинство советских исследователей (в частности, Е. В. Тарле) дают негативную оценку их роли в обороне города [12].

В современной историографии большое внимание уделяется исторической персоналистике, определяющей чертой которой является внимание к личности и государственной деятельности, прежде всего, императоров, а также представителей Царствующего дома, например, работа Б. Л. Шапиро о Николае Николаевиче (Старшем). Однако она не включает военный аспект его биографии и не охватывает период Крымской войны [15].

Обращение к историографии темы свидетельствует, что на сегодняшний момент в историографической традиции роль великих князей в обороне города представлена различными точками зрения. Проблема хода, характера и результатов поездки великих князей в 1854–1855 гг. в Севастополь не получила достаточного и подробного освещения. Продолжают оставаться дискуссионным вопрос о политической цели и конкретных задачах севастопольской поездки членов Царствующего дома.

В ходе изучения фондов РГИА были выявлены официальные документы, содержащие сведения по исследуемой теме. Важнейшим из них является «Журнал Их Императорских Высочеств Государей Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. Поход 1854 года. Поход 1855 года» [10]. Его анализ позволил реконструировать ход путешествия великих князей. Документ хранится в личном фонде генерал-адъютанта А. И. Философова (1800–1874 гг.), с 1838 г. являвшегося воспитателем, с 1852 г. попечителем великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Он сопровождал их во время поездки в Севастополь. Текст документа представляет краткое посуточное изложение событий, действий обоих великих князей в течение их пребывания в Севастополе (за исключением некоторых отдельных дней). В ходе исследования также привлекались рескрипты императора Николая I князю А. С. Меншикову, дающие представление о целях севастопольского вояжа. Из источников личного происхождения большое значение для исследуемой темы имеют дневники А. С. Меншикова [2], П. В. Алабина [1], записки Э. И. Тотлебена [13].

Наиболее дискуссионным в историографии является вопрос о политических целях и конкретных задачах поездки великих князей в Крым осенью 1854 г. Д. Н. Струков высказал предположение, что главным было стремление Николая I

воодушевить армию [9, с. 128]. Также, по мнению Д. Н. Струкова, Николай I, отправляя великих князей в действующую армию, ставил целью дать им возможность получить боевой опыт [9, с. 129].

Е. В. Тарле представлял поездку Николая и Михаила Николаевичей как пропагандистскую акцию, направленную не столько на армию, сколько на российское общество и даже международное сообщество [12, с. 299].

На наш взгляд, важнейшей политической целью поездки было именно воодушевление армии после неудач летней кампании. В рескрипте князю А. С. Меншикову, от 16 октября 1854 г. император, сообщая об отправке своих сыновей в Крымскую армию, писал: «вверяю Их войскам в доказательство Моей любви и доверенности, и пусть их присутствие среди Вас заменит меня» [2, с. 125]. Изначально целью поездки великих князей был Кишинёв, в котором на тот момент находился штаб Южной армии. 28 сентября 1854 г. (далее по старому стилю) они на поезде выехали из Петербурга и отправились через Тверь в Москву, куда прибыли 29 сентября [10, л. 2]. Из Москвы великие князья выехали вечером того же дня. 1 октября они проехали через Харьков, 2-го – Кременчуг, 3-го – Николаев. Во всех этих городах они останавливались лишь на короткое время, чтобы встретиться с находившимися там начальствующими лицами. Вечером 3 октября великие князья прибыли в Одессу, где задержались до 6-го числа. Там они встречались с несколькими высокопоставленными военными, в том числе с И. Ф. Паскевичем, проинспектировали военные госпитали и осмотрели артиллерийские батареи [10, л. 4 об.]. Подробности пребывания великих князей в Одессе были опубликованы в газете «Северная Пчела» (выпуск от 19 октября 1854 г. № 234).

Вечером 6 октября Николай и Михаил Николаевичи прибыли в Кишинёв, где они пробыли до 21 октября и неоднократно встречались с князем М. Д. Горчаковым, другими генералами и офицерами Южной армии [10, л. 5]. Исполняя поручение императора, великие князья вместе с князем М. Д. Горчаковым принимали участие в торжественных встречах войск, вступающих в город, передавали им «поклон от имени Государя Императора». Подобные церемонии происходили 9, 10, 13, 15 октября. 12 октября Николай и Михаил Николаевичи совершили ознакомительную поездку на передовые позиции, находившиеся в 25 верстах от города. Как и ранее при посещении Одессы, в Кишинёве великие князья инспектировали госпитали и участвовали в религиозных церемониях.

В конце октября 1854 г. Николай I принял решение отправить своих младших сыновей в осажденный Севастополь, чтобы поднять боевой дух защитников города. Впервые об этом намерении император упомянул в рескрипте А. С. Меншикову от 14 октября [2, с. 117]. Согласно «Журналу», приказ об отправке великих князей в Севастополь был доставлен курьером из Петербурга ранним утром 20 октября. 21-го числа великие князья выехали из Кишинёва, а 23 октября в 3 часа по полудни прибыли на Северную сторону Севастопольской бухты [10, л. 11 об.].

В период Крымской войны великие князья приезжали в Севастополь два раза. Они находились в городе с 23 октября по 3 декабря 1854 г. и с 15 января по 21

февраля 1855 г. В октябре – ноябре 1854 г. они исполняли преимущественно представительские функции, в январе – феврале 1855 г. занимали командные посты.

Прибытие великих князей Николая и Михаила Николаевичей в Севастополь ознаменовалось их участием в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г. Данный бой является, вероятно, самым ярким и наиболее подробно описанным эпизодом их пребывания в Крыму. Об их присутствии на поле боя упоминали даже английские мемуаристы [16]. В рескрипте Николая I князю А. С. Меншикову император выражал надежду, что его сыновья успеют прибыть в армию к моменту начала сражения [2, с. 125]. А. А. Панаев, адъютант главнокомандующего, писал в мемуарах, что «его командир понимал, что не сможет отказать Великим Князьям в участии в сражении, хотя он и опасался за их безопасность». Через генерал-адъютанта А. И. Философова А. С. Меншиков пытался убедить их остаться в лагере, но его попытки не возымели успеха [8, с. 66].

Согласно «Журналу», великие князья находились на поле боя с 6 часов утра и до 4-х часов вечера. Они приехали с князем А. С. Меншиковым и с наблюдательной позиции на одном из холмов осмотрели поле разворачивавшегося сражения, затем спустились в Инкерманский овраг, переехали через мост и уже с другой возвышенности, располагавшейся за центром русской линии, вместе с главнокомандующим продолжили наблюдать за боем. В ходе сражения они неоднократно выезжали к сражавшимся батальонам Екатеринбургского, Кольванского и Владимирского полков, чтобы поддержать войска. Сразу по завершении Инкерманского боя великие князья вернулись в Севастополь, где объехали 1-й и 2-й бастионы и Малахов курган, а затем встретились с контр-адмиралом В. И. Истоминым.

За участие в Инкерманском бою великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени. Тот факт, что сыновья императора подвергали себя опасности, особо подчёркивался во всеподданнейшем донесении генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова императору Николаю I от 31 октября 1854 г. Главнокомандующий, характеризуя действия великих князей в ходе Инкерманского боя, подчеркивал, что для русских войск они служили «примером настоящей воинской доблести», и ходатайствовал о награждении великих князей Орденом Св. Георгия 4-й ст. с формулировкой: «За храбрость» [2, с. 141]. Всеподданнейшее донесение князя А. С. Меншикова было опубликовано в газете «Северная Пчела» (выпуск от 8 Ноября 1854 г. № 251), а позднее его характеристики храбрости великих князей вошли в историографию [9, с. 135].

А. С. Меншиков мог быть не совсем объективен в официальном документе, описывая августейшему отцу действия великих князей. Но об их участии в Инкерманском бою существуют свидетельства в источниках личного происхождения, подтверждающие характеристику князя А. С. Меншикова. В дневнике П. В. Алабина, участвовавшего в сражении в рядах Охотского егерского полка, сказано, что, когда утром 24-го октября коляска великих князей ехала через место расположения Якутского полка, войска охватило ликование [1, с. 84].

А. А. Панаев в «Рассказах» писал, что «...присутствие великих князей под боевым огнём служило важною нравственною поддержкою бодрости в наших войсках» [8, с. 67].

Таким образом, хотя в ходе сражения при Инкермане великие князья не осуществляли командования войсками и фактически не имели возможности оказать прямого воздействия на исход сражения, но их личная храбрость в ходе сражения и моральное влияние, оказываемое их присутствием на русские войска, засвидетельствованы в ряде источников официального и личного происхождения.

В ходе первого посещения Севастополя великие князья Николай и Михаил Николаевичи стали свидетелями ещё нескольких боёв и вылазок. 24 ноября они наблюдали за ходом «морской вылазки» русских пароходов «Владимир» и «Херсонес», в ходе которой произошёл короткий артиллерийский бой между русскими береговыми батареями и вражескими кораблями [10, л. 24]. Николай Николаевич следил за боем с Волоховой башни, а Михаил Николаевич – с батареи № 3. Оба данных укрепления вели бой с кораблями союзников.

Во время пребывания в Севастополе великие князья объезжали укрепления оборонительной линии на Южной стороне города и позиции русских войск у Инкермана, посещали места стоянок воинских частей и некоторые из кораблей Черноморского флота. Везде они передавали защитникам Севастополя «поклон и благодарность от имени Государя Императора», приветствовали воинские части, пребывавшие в город [10, л. 18 об.].

Другой важнейшей обязанностью, исполняемой великими князьями в Севастополе, являлись посещение ими госпиталей и перевязочных пунктов, организация денежных раздач раненым. Впервые они навестили раненых сразу по приезде в город 23-го октября и продолжали совершать регулярные визиты в различные медицинские учреждения города вплоть до отъезда из Крыма в феврале 1855 г. Генерал от инфантерии А. П. Хрущёв писал, что великие князья «вполне заслужили благодарность армии своим вниманием к раненым» [14, с. 50]. П. В. Алабин отмечал, что обстановка в госпиталях осенью 1854 г. была крайне тяжёлой, так как до начала осады не было заготовлено необходимое количество медикаментов. Кардинально изменить сложившуюся ситуацию не представлялось возможным, но визиты августейших особ помогали поднять дух раненых. П. В. Алабин даже называл их «Ангелами-утешителями Крымской армии» [1, с. 129]. Однако вице-адмирал П. С. Нахимов возражал против денежных раздач, поскольку опасался, что эта мера, призванная облегчить участь раненых, на практике приведёт к росту пьянства среди них [1, с. 127].

Великие князья исполняли в осаждённом городе и иные представительские функции: регулярно участвовали в церемониях погребения погибших в ходе боевых действий генералов и офицеров. В особых случаях Николай и Михаил Николаевичи принимали участие в награждении отличившихся защитников Севастополя. В частности, 26 октября 1854 г. они вручили флигель-адъютантские аксельбанты полковнику Э. И. Тотлебену, который писал в «Записках», что находился у великих князей, они расспрашивали о ходе обороны, когда прибыл фельдъегерь с приказом о

награждении: «Великие князья обняли и поцеловали меня. Я не нашёл иных слов как: Государь слишком милостив» [13, с. 508]. Следует уточнить: согласно «Журналу», участие великих князей в награждении изначально не было запланировано [10, л. 13 об.].

Великие князья встречались со многими героями Севастопольской обороны: вице-адмиралом П. С. Нахимовым, контр-адмиралом В. И. Истоминым, матросом П. М. Кошкой, сестрой милосердия Д. Л. Михайловой и др.

Согласно «Журналу», великие князья регулярно отправляли императору письма о ситуации в Севастополе вместе с фельдъегерями и офицерами, отъезжавшими в Петербург, что, вероятно, и стало причиной определённого напряжения, возникшего в их отношениях с князем А. С. Меншиковым.

Хотя в официальных всеподданейших докладах Николаю I князь А. С. Меншиков давал сугубо положительную оценку действиям великих князей, но некоторые записи в дневнике князя дают основание полагать, что он не очень был доволен их присутствием в Севастополе. В дневниковой записи от 15 января 1855 г. А. С. Меншиков, говоря о возвращении великих князей в Севастополь, пишет: «По поручению императора Николая I они [великие князья] передали, чтобы я не терпел ссор и дрязг и интриг в армии (а завели интриги сами в первое пребывание, подсылая Краснокутского выведывать и призывая к себе ночью генералов для расспросов)» [2, с. 64]. В «Журнале» неоднократно упоминается, что великие князья, находясь в Севастополе, беседовали с участниками обороны города (как представителей командного состава, так и нижних чинов). Они состояли в переписке с самим императором и цесаревичем Александром Николаевичем. Е. В. Тарле, анализируя содержание переписки Николая и Михаила Николаевичей и цесаревича Александра Николаевича, пришел к выводу, что сведения касательно Инкерманского сражения, приводимые в письмах великими князьями, отличались от официальной версии, изложенной во всеподданнейшем докладе князя А. С. Меншикова [12, с. 208]. Поэтому главнокомандующий мог тяготиться их присутствием в Севастополе, хотя официально выражал полное одобрение их действиям.

Так, в течение первых полутора месяцев пребывания в Севастополе великие князья исполняли преимущественно представительские функции: они инспектировали войска и передавали им «Императорскую благодарность», посещали госпитали, выражая раненым признательность от имени Николая I и проводя денежные раздачи.

Побывав на поле битвы при Инкермане, став свидетелями нескольких других вылазок, Николай и Михаил Павловичи получили определённый опыт участия в боевых действиях. Хотя в этот период они ещё не командовали войсками, но собирали военные сведения, лично наблюдая за ходом Инкерманского сражения и ряда локальных вылазок и опрашивая участников боёв. Обобщив полученные данные, великие князья информировали Николая I о ситуации в Крыму, посылая письма в Петербург.

В начале декабря 1854 г. Николай Николаевич и Михаил Николаевич были вызваны в Петербург из-за обострения болезни императрицы Александры Фёдоровны. Е. В. Тарле писал, что великие князья выехали из Севастополя 3 декабря [12, с. 300]. В рескрипте А. С. Меншикову от 10 декабря 1854 г. Николай I сообщал, что вынужден пойти на этот шаг из-за болезни жены, несмотря на опасения, что внезапный отъезд великих князей из действующей армии может оказать деморализующее воздействие на войска. В следующем рескрипте (от 12 декабря) было сказано, что встреча с сыновьями ободряюще подействовала на императрицу, однако она поддержала своего мужа в решении отправить их назад в Севастополь как можно скорее. В рескрипте от 22 декабря император уведомлял князя А. С. Меншикова, что Николай и Михаил Николаевичи отправятся из Петербурга в Севастополь 26 января [2, с. 167]. Таким образом, в декабре 1854 г. Николай I всё ещё придавал большое значение присутствию своих сыновей в Севастополе и стремился организовать их возвращение в город как можно скорее.

2 января 1855 г. великие князья выехали из Петербурга и 3 января прибыли в Москву. Далее, проехав через Кромы, они 6 января приехали в Харьков, где задержались до 11 января из-за болезни великого князя Николая Николаевича, но вскоре продолжили путь. В силу плохого состояния дорог и поломки экипажа великие князья добрались до Симферополя только 14 января. На следующий день они прибыли в Севастополь.

Согласно «Журналу», «появление Их Высочеств произвело радость в рядах нижних чинов, которым они изволили передавать поклон от Государя Императора и благодарность за молодецкую службу» [10, л. 32]. П. В. Алабин в дневнике писал, что в севастопольском гарнизоне все были обрадованы их возвращением [1, с. 235]. Радость по поводу приезда великих князей выразил в своих «Записках» и Э. И. Тотлебен [13, с. 514]. Артиллерийский офицер А. И. Ершов вспоминал: «Приезд Великих князей оживил и занял Севастополь» [6, с. 69].

Прибыв во второй раз в Севастополь, великие князья вернулись к исполнению ранее возложенных на них представительских функций и продолжали следить за ходом боевых действий, собирая сведения о важных событиях на оборонительной линии Южной стороны, происходивших в январе – феврале 1855 г.

Однако второй период пребывания великих князей в Севастополе коренным образом отличается от первого. Это обусловлено назначением их на командные посты в обороне города. Согласно дневнику князя А. С. Меншикова, 31 января 1855 г. он назначил Николая Николаевича руководить работами по укреплению Северной стороны, а 1 февраля поставил Михаила Николаевича руководить экспериментами по испытанию цилиндрических пуль [2, с. 67]. По данным «Журнала», Николай Николаевич начал объезжать вверенные ему работы с 1 февраля и проводил много времени на оборонительной линии Северной стороны [10, л. 40]. Э. И. Тотлебен в «Записках» (запись от 3 февраля 1855 г.) высоко оценил профессионализм великого князя в работе над новыми укреплениями Северной стороны [13, с. 516].

Но командовать войсками им довелось лишь весьма короткое время. Во второй декаде февраля оба они были вызваны в Петербург в связи с болезнью императора Николая I [4, с. 26]. Князь А. С. Меншиков в дневнике писал, что цесаревич Александр Николаевич отправил депешу о тяжёлом состоянии императора 18 февраля, однако телеграфная линия была проложена только до Киева, и сообщение пришло в Севастополь 21 февраля. Великие князья немедленно выехали из города [2, с. 67]. Более возможности вернуться в Севастополь им не представилось. С воцарением императора Александра II оба его брата получили новые назначения.

Анализ «Журнала» позволяет реконструировать ход и выявить особенности первого и второго периодов присутствия Николая и Михаила Николаевичей в действующей армии во время Крымской войны. Данный источник даёт возможность получить более точное представление о круге обязанностей великих князей во время их пребывания в осаждённом Севастополе и о взаимодействии с другими участниками тех событий.

На основании изучения официальных материалов и документов личного происхождения можно заключить, что деятельность великих князей в Севастополе, направленная на поддержание боевого духа защитников города, имела позитивные результаты и приносила положительный эффект, однако кардинально изменить ситуацию они не могли.

Для Николая и Михаила Николаевичей «крымский поход» 1854–1855 г. стал важным этапом в становлении их как военных деятелей и военачальников. В течение первого срока пребывания в Севастополе они занимались сбором сведений о ходе боевых действий и общались с командующими Севастопольского гарнизона. В течение последних полутора месяцев нахождения в Севастополе великие князья получили опыт, хоть и кратковременный, управления войсками в боевых условиях. Ещё до окончания Крымской войны приказом от 25 января 1856 г. великий князь Николай Николаевич был назначен генерал-инспектором по Инженерной части [11].

Список использованных источников и литературы

1. Алабин П. В. Четыре войны: Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг.: в 3-х т.– М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1892.– Т. 3.– VI, [4], 789 с.
Alabin P. V. Chetyre voiny: Pokhodnye zapiski v 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 gg.: v 3-kh t.– М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1892.– Т. 3.– VI, [4], 789 s.
2. А. С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания / [сост. А. В. Ефимов]– Симферополь: Антиква, 2018.– 288 с.
A. S. Menshikov v Krymskoi voine. Dnevniki. Pis'ma. Vospominaniya / [sost. A. V. Efimov]– Simferopol': Antikva, 2018.– 288 s.
3. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг.: в 4-х т.– СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1876. – Т. 3.– 471 с.
Bogdanovich M. I. Vostochnaya voina 1853–1856 gg.: v 4-kh t.– SPb.: Tip. F. Sushchinskogo, 1876. – Т. 3.– 471 s.
4. Быть сестрой милосердия. Женский лик войны / [сост. Е. В. Первушина]– М.: Алгоритм, 2017.– 286, [1] с.

**ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТАРШИЙ
И МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1854–1855 ГГ. ...**

- Byt' sestroi miloserdiya. Zhenskii lik voiny / [sost. E. V. Pervushina]– М.: Algoritm, 2017.– 286, [1] s.
5. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3-х т.– СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1900.– Т. 2.– VIII, 516 с.
- Dubrovin N. F. Istoriya Krymskoi voiny i oborony Sevastopolya: v 3-kh t.– SPb.: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1900.– Т. 2.– VIII, 516 s.
6. Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера.– СПб.: тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1858.– [6], 290 с.
- Ershov A. I. Sevastopol'skie vospominaniya artilleriiskogo ofitsera.– SPb.: tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennei strazhi, 1858.– [6], 290 s.
7. Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал Великий Князь Николай Николаевич Старший. Исторический очерк его жизни деятельности (1831–1891).– СПб.: Особый ком. по сооружению в Петербурге памятника... ген.-фельдм. вел. кн. Николаю Николаевичу, 1911.– [4], X, 248 с.
- Zherve V. V. General-fel'dmarshal Velikii Knyaz' Nikolai Nikolaevich Starshii. Istoricheskii ocherk ego zhizni deyatel'nosti (1831–1891).– SPb.: Osobyi kom. po sooruzheniyu v Peterburge pamyatnika... gen.-fel'dm. vel. kn. Nikolayu Nikolaevichu, 1911.– [4], X, 248 s.
8. Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах его бывшего адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина.– 1877.– Т. XVIII.– № 1.– С. 109–134.
- Panaev A. A. Knyaz' Aleksandr Sergeevich Menshikov v rasskazakh ego byvshogo ad'yutanta Arkadiya Aleksandrovicha Panaeva // Russkaya starina.– 1877.– Т. XVIII.– № 1.– С. 109–134.
9. Струков Д. Н. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич: Очерк жизнеописания его имп. высочества.– СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1906.– XXII, 769 с.
- Strukov D. N. Avgusteishii general-fel'dtseikhmeister velikii knyaz' Mikhail Nikolaevich: Ocherk zhizneopisaniya ego imp. vysochestva.– SPb.: tip. P.P. Soikina, 1906.– XXII, 769 s.
10. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–43 об.
- RGIA. F. 1075. Op. 1. D. 32. L. 1–43 ob.
11. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1–1 об.
- RGIA. F. 1075. Op. 1. D. 1218. L. 1–1 ob.
12. Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2.– М.: АСТ, 2005.– 717 с.
- Tarle E. V. Krymskaya voina. T. 2.– М.: AST, 2005.– 717 s.
13. Тотлебен Э. И. Записки Эдуарда Ивановича Тотлебена за время обороны Севастополя 1854–1855 // Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность: в 2-х т.– М.: Принципиум, 2020.– Т. 1.– С. 505–541.
- Totleben E. I. Zapiski Eduarda Ivanovicha Totlebena za vremya oborony Sevastopolya 1854–1855 // Graf Eduard Ivanovich Totleben. Ego zhizn' i deyatel'nost': v 2-kh t.– М.: Printsipium, 2020.– Т. 1.– С. 505–541.
14. Хрущов А. П. История обороны Севастополя.– М.: URSS, 2016.– 173 с.
- Khrushchov A. P. Istoriya oborony Sevastopolya.– М.: URSS, 2016.– 173 s.
15. Шапиро Б. Л. Николай Николаевич Романов Старший: кавалерист, коннозаводчик, коллекционер (личный фонд Н. Н. Романова Старшего в ГАРФ) // Genesis. исторические исследования.– 2018.– № 12.– С. 152–167.
- Shapiro B. L. Nikolai Nikolaevich Romanov Starshii: kavalerist, konnozavodchik, kollektzioner (lichnyi fond N. N. Romanova Starshego v GARF) // Genesis. istoricheskie issledovaniya.– 2018.– № 12.– С. 152–167.
16. Figes O. The Crimean war: a history.– New York: Picador, 2012.– XXIII, 575 p.

Kurochkin S. S. Grand Dukes Nicholas Nikolaevich (Senior) of Russia and Grand Duke Michael Nikolaevich of Russia in Sebastopol during the Crimean war in 1854–1855 (according to the official materials of the archive of A. I. Filosofov) .

This article investigates the question of the political purpose, practical significance and particular results of the visit of the Grand Duke Nicholas Nikolaevich (Senior) of Russia and Grand Duke Michael Nikolaevich of Russia to Sebastopol during the Crimean war in 1854–1855. Despite being mentioned in several generalizing monographs, this episode of their biographies has not yet become an object of a special research.

Due to the analyses of the official data of the «Log», that was kept during the Grand Dukes' visit to Sebastopol, and due to the analyses of sources of personal origins, the following conclusions were made: the emperor Nicholas I of Russia attached a great importance to his sons' visit to the besieged Sebastopol because he expected that the presence of the Grand Dukes would have a positive effect on the martial spirit of the city's defenders. During the first visit (from October to December 1854) the Grand Dukes performed representative functions, increasing the enthusiasm of the troops. They inspected the field camps, visited the patients in the hospitals, participated in award ceremonies and organized cash giveaways. In December 1854 the Grand Dukes had to interrupt their trip and return to Saint Petersburg because of the illness of their mother, the Empress of Russia Alexandra Feodorovna. But when her condition improved, the Emperor of Russia Nicholas I insisted on their return to Sebastopol, because he was convinced of the high ethical value of their presence in the besieged city. During the second visit (from January to February 1855) they got the appointment on the command positions in Sebastopol and gained experience managing troops in combat. The Sebastopol visit became an important stage in the military career of the Grand Dukes of Russia Nicholas Nikolaevich (Senior) and Michael Nikolaevich.

Keywords: The Crimean war, the Siege of Sevastopol (1854–1855), the Emperor Nicholas I of Russia, the Grand Duke Nicholas Nikolaevich (Senior) of Russia, the Grand Duke Michael Nikolaevich of Russia, Eduard Ivanovich Totleben, Aleksej Illarionovich Filosofov.

УДК 94(560)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-96-103

**МЛАДОКУРДЫ И МЛАДОТУРКИ:
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Михайлов В. В.

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: batukom@mail.ru*

Исследуется малоизученный вопрос взаимоотношения младотурецкого и младокурдского движений в переломные для Османской империи годы, предшествующие революции 1908 г. Становление курдского самосознания и начало культурного и политического движения в конце XIX в. было воспринято в Османской империи неоднозначно. При этом, в отличие от армянского политического движения, лидеры османских курдов выражали полную приверженность центральному правительству и проводимым в империи реформам, целью которых отчасти было вовлечение курдского населения в более активное участие в экономической жизни. Показательно, что после победы младотурецкой революции 1908 г. в курдском обществе и среди его лидеров произошел раскол по отношению к новому правительству и его лозунгам. Курдское движение показало большую консервативность и приверженность традиционным исламским ценностям, а пантюркистскую проевропейскую идеологию младотурецкой политической верхушки в основной курдской массе не приняла. Тем не менее, в годы Первой мировой войны курды Османской империи сохранили верность правительству, активно ведя вооруженную борьбу с врагами империи.

Ключевые слова: история Османской империи, младотурецкое движение, младокурдское движение, младотурецкая революция 1908 г., газета «Курдистан», Общество Курдской Солидарности и Прогресса, Микдат Бедирхан.

Начавшиеся в середине XIX века в Османской империи модернизационные реформы, связанные с экономическими проблемами и потерей «пассионарности», способствовали не только политическому пробуждению в турецкой глубинке, но и началу социально-культурного самоосознания этносов, существовавших на имперской периферии. Можно говорить о двух направлениях этого процесса: с одной стороны, происходили внутренние процессы в самом обществе, связанные, в первую очередь, с обращением к собственной истории и попытками осознать эту историю в контексте мировой истории; с другой стороны, османские реформисты в своей политической борьбе использовали «периферийные» этносы в качестве своих потенциальных союзников, часто провоцируя в их среде социальное недовольство и стимулируя процессы национально-политического «пробуждения».

Реформистское движение в Османской империи, чтобы получить поддержку в массах, стремилось выработать идеологические принципы, которые бы оправдывали перемены, а также способствовали стабилизации общества, в котором эти перемены производили не только экономические сдвиги, но и возмущали

традиционное народное сознание. Так, в середине XIX в. Османская политическая верхушка выработала принципы «османизма», то есть идеология примата государственных принципов и интересов над религиозными. Однако идея «османизма» вскоре вступила в противоречие с другим набирающим политическую силу идеологическим движением, в котором главную роль играло не государство, слабеющее, терпящее одно за другим военные поражения и требующее реформ, но идея «нации». «Борьба арабов за независимость, армянская резня 1895–1896 годов, курдские волнения создали условия, при которых идея османского владычества значительно поблекла. «Панисламизм» сам по себе не предполагал особого положения Турции в ряду других мусульманских стран, и под знамёнами ислама порой велась и борьба за независимость от турков» [5, с. 157]. Так, в противовес «панисламизму» и «паносманизму» в Османской империи начало организовываться и приобретать политический вес движение «пантюркизма».

Можно сразу увидеть слабости новой идеологии в многонациональном османском обществе. И наиболее интересными, на наш взгляд, является политические успехи и противоречия новой османской идеологии в отношении двух видов национализма: тюркского и курдского. Эта тема сегодня особенно актуальна в связи с той ролью, которую курдское национальное движение играет в борьбе с исламским государством, и реакцией на усиление курдского национального самосознания современного турецкого правительства. Некоторые причины современных противоречий и конфликтов можно обнаружить в событиях конца XIX – начала XX вв.

Для мусульманских этнических групп в Османской империи, таких как арабы и большинство курдов, последняя имела авторитет как именно исламское государство, а ее глава – султан – как халиф всех мусульман. При этом, вхождение курдских мусульман в умму делает проблематичным их рассмотрение в качестве «репрессированного меньшинства». Османская элита включала в себя значительное число местных курдских авторитетов, следовательно, конфликта между лояльностью к османской империи и выражением этнической идентичности у курдских активистов не было [11, р. 24]. Тем не менее, как пишет известный российский историк М.С. Лазарев, «Курдистан в конце XIX – начале XX вв. стал одним из самых беспокойных районов Ближнего Востока» [4, с. 369].

«Первые восстания курдских племен в начале 90-х гг. XIX в., руководимые вождями отдельных племен, носили характер борьбы за местные преимущества» [4, с. 66]. Так, можно упомянуть стычку по поводу плохого состояния дороги, ведущей к дому курдского шейха Абдур-Реззак Бедрихана. В целом же политика султана Абдул Гамида II заключалась в идее инкорпорирования курдского населения в османскую имперскую систему, в первую очередь, как противовес в восточных вилайетах армянскому национально-религиозному сепаратизму. Эта проблема уже в 1878 г. приобрела международный характер, поскольку 56-я статья Берлинского трактата устанавливала требование от Порты реформ в провинциях, населенных армянами, и «гарантию безопасности против черкесских и курдских нападений» [18, р. 414]. В 1880–1881 гг. Турции пришлось выдержать нападение своего

восточного соседа – Персии, причем, шах активно привлекал курдские племена, как проживающие на персидской территории, так и пограничные турецкие для дестабилизации положения. Армянская проблема играла в этом важную роль, так, восставший в 1881 г. как против персов, так и против турок, курдский шейх Убейдулла считал, что «армяне готовятся создать независимое государство в Ване вместе с несторианцами (айсорами), подняв британский флаг и объявив себя британскими подданными, а турецкий губернатор-паша этому не препятствует» [11, р. 44]. Создание в 1880-х гг. армянских «революционных» политических партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн» усилили курдские опасения в отношении армян. Открытие в Стамбуле кавалерийской школы (Hamidiye Süvari Mektebi) и создание в курдских районах местных отрядов иррегулярной конницы «гамидие», по примеру русских пограничных казаков, осуществлявшей как пограничные, так и жандармские функции, отвечало интересам курдских племенных авторитетов, одновременно, способствуя поддержанию лояльности к султанской власти в нестабильных восточных районах [16, р. 125–126].

Однако один аспект османской модернизации привел к образованию курдской интеллигентской оппозиции, основанной на совершенно иных основаниях национализма. Этот аспект связан с влиянием западной науки и цивилизационных стандартов, западной политики и западного образа жизни. Как показано в ряде исследований, идеология «пантюркизма» развилась из идей европейских этнологов, а лозунг «европеизации» стал одним из трех политических идей идеологии младотурецкого движения, наряду с «тюркизацией» и «модернизацией» [6, с. 49-51].

Младотурецкое политическое движение нельзя назвать демократическим, его лидеры исповедовали принцип «просвещения сверху», что вскоре после победы революции 1908 г. привело к силовому навязыванию населению новых форм социальной, экономической и идеологической жизни. Тем не менее, находясь в оппозиции Абдул Гамиду и султанской бюрократии, младотурки сумели сплотить чрезвычайно различные группы «недовольных» существующим режимом. При этом курдская оппозиция центральной власти (в первую очередь, экономическая, поскольку курды отказывались платить какие-либо налоги и военные сборы, а также передавать государственным чиновникам необрабатываемые земли [7, с. 67]), всегда существовавшая на периферии Османской империи, сыграла в этом процессе, приведшем к революции, немаловажную роль.

Поэтому не удивительно, что два влиятельных курдских интеллектуала, Исхак Сюкути и Абдулла Джевдет, стояли у истоков организации младотурецкого движения. Сын курдского авторитета Кюрд Саид-паши, Шериф-паша, назначенный послом Османской империи в Швеции, посылал партии «Единение и Прогресс» денежные пожертвования, а сыновья шейха Убейдуллы, молодые офицеры османской армии были вовлечены в так называемый заговор «военного министерства» в 1896 г. [12, р. 98–101]. При этом можно отметить, что вовлеченные в антиправительственную деятельность курды были в основном оторваны от курдского общества, входя в систему имперского османского истеблишмента. Так, о Шериф-паше персидский дипломат Хасан Арфа, бывший персидским посланником

в Швеции, когда Шериф-паша представлял там же Османскую империю, писал: «Это был типичный старый турецкий вельможа, приветливый, любитель шампанского, ночных варьете и вообще, хорошей жизни, для ведения которой у него вполне хватало средств» [14, р. 31]. Такого человека сложно назвать представителем революционного «младокурдского движения», поскольку он был совсем не молод, и, по сути, не совсем был курдом, и менее всего, разделял революционные социальные воззрения.

Тем не менее, движение такое все же было. В 1898 г. член известной курдской семьи Бедирхан, Микдат, стал выпускать в Каире газету «Курдистан». Газета включала материалы как на курдских диалектах (в основном, «кирманчи»), так и на турецком языке. Печатаемая критические заметки о султанской бюрократии, отсталости на местах, тем не менее, общий посыл редакции состоял в защите Османского государства, превращение его в сильную, авторитетную на мировой арене державу [11, р. 66-67]. Микдат Бедирхан писал в газете, обращаясь к султану: «Как известно Вашему Высочеству, курды были среди самых преданных наций, образующих Вечное Оттоманское государство, а Курдистан, гранича с его врагами, всегда защищал все попытки нападения на Анатолию» [11, р. 66]. Именно эта цель должна была превалировать в развитии курдского общества.

А такое развитие было необходимо, если курды претендовали на то, чтобы стать уважаемым в империи и мире народом. В одном из воззваний, распространяемых в Курдистане в конце 1890-х гг. писалось: «Курды! Наступающий век, это век учения. Время героических войн в горах прошло, все народы сегодня учатся в школах. Благодаря свету знания они получают права и свободу от угнетения» [17, р. 421]. Поэтому в «Курдистане» часто критиковалась система «гамидие», которая по утверждению брата Микдата, Абдурахмана Бедирхана, была организована «как и многие другие реформы султана, с коррупционными целями» [11, р. 67]. Впрочем, критику «младокурдов», аналогично младотурецким оппозиционным выступлениям, сложно было назвать демократичной. Так, в одном из номеров говорилось о назначенном командиром отряда «гамидие» в Диярбакыре члене племени миран Мустафе-паше. «Человек, который сейчас фактически оказался во главе племени, десять или пятнадцать лет назад был пастухом, которого называли «лысый Мисто» [11, р. 67-68].

Этот пример показывает, что именно центральная власть осуществляла в Курдистане вертикальное социальное движение, а младокурдские «реформаторы» видели в этом угрозу традиционному аристократическому племенному строю. В начале XX в. османская бюрократия активно привлекала курдское население к участию в экономической жизни страны. Считалось, что это станет возможным в ходе кампании по приведении курдских племен к оседлости. Для этого использовались разные методы. Так, после армянских репрессий 1896-1897 гг. в среде стали вербовать курдскую молодежь для работы в стамбульских доках как замену армянским рабочим в доках и портах [17, р. 423]. Однако в целом, политика «оседлости» не вызвала в курдской среде энтузиазма, и по сути, сошла на нет. Единственный аспект султанской реформаторской политики, который был признан

и обществом, и «младокурдскими» критиками, было создание племенной школы (Mekteb-i Aşiret) в Стамбуле, в которую «Курдистан» призывал посылать своих сыновей курдских племенных вождей, чтобы они «вошли в гражданскую службу, шаг за шагом возвысились до местных управителей, а затем – правителей вилайетов» [11, р. 71–72].

Большинство исследователей признают, что политической организации «младокурды» так и не создали, если не считать общество «Курдское общество (Kürdistan Azm-i Kavî Cemiyeti), действовавшее в Стамбуле в 1900-1905 гг., которое не все признают за политическую партию. В любом случае, влияние этого общества, как и нескольких малочисленных студенческих курдских групп, было слабым [13, р. 89–91; 9, р. 31].

После победы младотурецкой революции «объединительное движение «младокурдов» вызвало, скорее, конфликты в массе курдского населения. Выдвинув лозунги «свободы», «конституционализма» и «равенства», очень скоро лидеры нового правительства начали усиливать государственный экономический и политический контроль и государственную централизацию власти. В Курдистане это означало возврат земель, которые после армянских восстаний в 1896–1897 гг. были переданы курдам, а более, захвачены силами «гамидие». Саму кавалерию, несущую имя своего создателя – султана Абдул Гамида – сперва переименовали в «племенные полки легкой кавалерии» (Hafif Aşiret Alayları), а затем произвели полную реформу, включив в армию в качестве резервных частей и, следовательно, сделав их подсудными гражданским судам, чего раньше не было, и что составляло известную гордость членов «гамидие» [16, р. 214].

Некоторые племенные вожди, «испуганные возможной потерей своих привилегий, организовали восстания, направленные против младотурецкого правительства и поддерживающих их курдов» [7, с. 67]. Так, один из бывших фаворитов султана Абдул Гамида II, вождь курдского племени милли Ибрагим-паша, в свое время инициатор создания гвардии «гамидие» [10, р. 6], вел упорные бои с младотурками и после разгрома «бежал в горы Синджар (в Месопотамии), где был вскоре убит преследовавшими его турками» [1, с. 188].

В связи с этим, сложно определить как «промладотурецкую» деятельность во множестве организованных в 1908–1909 гг. «Курдских клубов» по примеру пантюркистских «Тюркских очагов». Вышло все наоборот, курдская грамотная общественность и местные авторитеты оказались на редкость исламистски и при этом, антиконституционалистски настроены. Сразу же после своей организации, были направлены в правительство множественные петиции с просьбами не применять конституционное законодательство, но сохранить на племенных территориях нормы шариата. Более того, во время неудавшегося контрреволюционного переворота в апреле 1909 г. члены Курдского клуба в Битлисе «под угрозой смерти заставили офицеров-младотурок подписать телеграмму в правительство Тевфик-паши с требованием полного применения шариатского суда по всей империи» [15, р. 118–120]. Не удивительно, что после подавления апрельского «мятежа», Курдские клубы были закрыты [11, р. 77].

Правительство стало более аккуратно подходить к вопросу о своей реформистской деятельности в Курдистане, и в первую очередь, в курдских вилайетах были открыты отделения партии «Единение и Прогресс». Впрочем, 15 сентября 1908 в Стамбуле организовалась группа из видных курдских оппозиционеров гамидовскому режиму, «Общество Курдской Солидарности и Прогресса» (Kürd Teavün ve Terakki Cemiyeti), члены которого приветствовали конституцию и «братство всех национальностей империи». В рамках клуба был избран «Административный комитет» (Heyet-i İdare), в состав которого вошли председатель Наим Ахмед Бабанзаде, а также Эмин Али Бедирхан, Саид Нурси, Бабанзаде Исмаил Хаки, Диярбекирли Ахмед Джемаль, Сулейманиели Тевфик и другие представители племенной курдской знати. Общество издало манифест, в котором указывались его цели: поддержка Конституции младотурецкого правительства, усиление связи курдов с общегосударственной системой империи (в частности, поддержка получения образования курдами образования в государственных турецких школах), устранение межнациональных и межплеменных конфликтов, публикация на унифицированном курдском языке работ образовательного характера, по ведению хозяйства и ремеслу [8, p. 107–108]. Общество стало издавать газету с названием, повторяющим название общества. Однако при все своем османском направлении, общество было распущено младотурецким правительством спустя менее года после своего образования, вышло всего девять номеров газеты.

Неудачи младотурецкого правительства на международной и внутренней арене в последующие годы, потеря Триполитании и эгейских островов в итало-турецкой войне, отделение Албании, разгром турецкой армии в Первой балканской войне, не способствовали тому, чтобы младокурдское политическое движение, видящее для себя перспективу в усилении османского могущества, получило серьезное развитие. Младотурецкое правительство все ближе и тверже воспринимало пантюркистскую идеологию, в которой курдам места уже не было. Курдский национализм в этих условиях должен был найти другие пути реализации этно-либеральной идеи.

Удивительна судьба еще одного, помимо уже упоминавшихся Микдата и Абдурахмана, члена семьи Бедирхан – Абдуррезака – который в начале века выступил с идеей подчинения курдов Российской империи, дабы избежать постоянных турецко-персидских вооруженных столкновений в Курдистане, в которых как шах, так и султан активно использовали курдские племена, зачастую вынуждая их воевать друг с другом.

В декабре 1911 г. под влиянием Абдуррезака несколько курдских вождей на границе Турции и Персии послали обращение к русскому консулу в Багдаде с согласием на переход в подданство Российской империи в обмен на сохранение существующих земельных отношений [2, л. 210]. В среде курдских шейхов начали преобладать антиправительственные настроения. К 1913 году возникла идея общекурдского восстания с целью создания автономного курдского бейлика (княжества), которое его лидеры – сыновья курдского вождя Бедир-хана – предполагали поставить в зависимость от России [4, с. 206]. В 1914 г., вскоре после

начала войны в Европе, консул в Битлисе сообщал о словах одного курдского торговца: «Хоть бы скорее пришли русские, и мы избавились бы от этого бездарного турецкого правительства» [3, л. 98–99].

Вступление Османской империи в Первую мировую войну полностью изменило расстановку сил на политической арене как турецких, так и курдских национальных движений.

Список использованных источников и литературы

1. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1914 гг.). М., 1972.
Aliiev G. Z. Turtsiia v period pravleniia mladoturok (1908–1914 gg.). M.: Nauka, 1972. – 388 s.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Посольство в Константинополе», 1907–1913. Д. 3572.
Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). F. «Posol'stvo v Konstantinopole», 1907–1913. D. 3572.
3. АВПРИ. Ф. «Посольство в Константинополе», 1914. Д. 1404.
AVPRI. F. «Posol'stvo v Konstantinopole», 1914. D. 1404.
4. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917 гг.). М., 1972.
Lazarev M. S. Kurdskiy vopros (1891–1917 gg.). M.: Nauka, 1972. – 472 s.
5. Михайлов В. В. Британия и Россия в решении внутривосточных противоречий в Османской империи в годы I Мировой войны. СПб.: Изд-во «Нестор», 2007. – 283 с.
Mikhailov V. V. Britaniia i Rossiia v resenii vnutripoliticheskikh protivoreshchii v Osmanskoii imperii v godi I Mirovoi voini. – Spb.: Izd-vo «Nstor», 2007. – 283 s.
6. Михайлов В. В. Идеология «пантюркизма» и мусульманство накануне распада Османской империи // Религия в мировой истории и культуре. Материалы 11 Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений 23–26 нояб. 2004 г. – СПб.: Изд-во Гос. муз. истории религ., 2004. – С. 96–98.
Mikhailov V. V. Ideoia «panturkizma» i musulmanstvo nakanune raspada Osmanskoii imperii // Religia v mirovoi istorii i kulture. Materiali 11 Sankt-Peterburgskikh religiovedcheskikh chtenii 23–26 noyabii 2004 g. – SPb.: Izd-vo Gos. muz. istorii relig., 2004. – S. 96–98.
7. Михайлов В. В. Политика России и Британии в решении курдского вопроса в период Первой мировой войны // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2: Исторические науки. – 2007. – Вып. 1. – С. 66–78.
Mikhailov V. V. Politika Rossii i Britanii v reshenii kurdsogo voprosa v period Pervoi mirovoi voini // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Istoricheskie nauki. – 2007. – Vyp. 1. – S. 66–78.
8. Aslan Azad. The Clash of Agencies: The formation and failure of Kurdish nationalism, 1918–1922. Ph.D. diss., Royal Holloway and Bedford Collage London, 2007.
9. Cemal-Paşa [Zinar Silopi]. Doza Kurdistan: Kürd Milletinin 60 Yıllık Esaretten Kurtuluş Savaşı Hatıraları. Ankara: Özge, 1991.
10. Delan Handren. The plight of Kurdish Nationalism: Critical Analysis of the Kurdish National Movement in Turkey, Iraq, Iran and Syria around the First World War. A thesis submitted to the Department of Political Science and Public Policy of the University of Waikato In the Fulfillment of the Requirement for the degree of Master of Arts, 2007.
11. Djene Rhys Bajalan. Kurds for the Empire: The Young Kurds (1898-1914). İstanbul Bilgi Üniversitesi. Sosyal Bilimler Enstitüsü. Tarih Yüksek Lisans Programı 2009.
12. Hanioglu Sultan. The Young Turks in opposition New York: Oxford University Press, 1995.
13. Hanioglu Şükrü. Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902-1908. New York: Oxford University Press, 2001.
14. Hasan Arfa., The Kurds. London: Oxford University Press, 1966.
15. Jwaideh Wadie. The Kurdish nationalist movement: Its origins and development: Its origins and development. Ph.D. diss. Syracuse University, 1960.

16. Klein J. Power in the Periphery: The Hamidiye Light Cavalry and the Struggle over Ottoman Kurdistan, 1890–1914. Ph.D. diss. Princeton University, 2002.

17. Reynolds M. A. Abdürrezzak Bedirhan. Ottoman Kurd and Russophile in the Twilight of Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12, 2 (Spring 2011). 411–450 p.

18. The Treaty of Berlin // Hurewitz Jacob C., ed. *The Middle East and North Africa in World Politics*. New Haven: Yale University Press, 1975. – 818 p.

Mikhailov V. V. Young Kurds and young Turks: features of national-political movements in the Ottoman Empire in the late XIX – early XX centuries.

The article examines the little-studied question of the relationship between the young Turk and young Kurd movements in the crucial years for the Ottoman Empire preceding the revolution of 1908. The formation of the Kurdish identity and the beginning of the cultural and political movement in the late XIX century. it was received ambiguously in the Ottoman Empire. Thus, unlike the Armenian political movement, the leaders of Turkey's Kurds expressed the full commitment of the Central government and the Empire reforms, whose purpose in part was to involve the Kurdish population in a more active participation in economic life. It is significant that after the victory of the young Turk revolution of 1908, there was a split in Kurdish society and among its leaders in relation to the new government and its slogans. The Kurdish movement showed great conservatism and adherence to traditional Islamic values, while the pan-Turkist Pro-European ideology of the young Turk political elite was not accepted by the main Kurdish mass. Nevertheless, during the First world war, the Kurds of the Ottoman Empire remained loyal to the government, actively waging an armed struggle against the enemies of the Empire.

Keywords: history of the Ottoman Empire, young Turk movement, young Kurd movement, young Turk revolution of 1908, Kurdistan newspaper, society of Kurdish Solidarity and Progress, Mikdat Bedirhan.

УДК 904 (477.75)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-104-109

ИНТАЛЬЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАНТЕРЫ ИЗ КИТЕЙСКОГО СВЯТИЛИЩА

Молева Н. В.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru*

Значительная часть материалов из раскопок боспорского города Китея, особенно за последние 10 лет, все еще остается неопубликованной. Среди наиболее интересных находок на городище выделяется единственная найденная здесь инталья. Материал, работа и характер изображения на ней позволяют существенно пополнить наши знания о духовной жизни жителей Китея в IV в. до н.э.

Ключевые слова: гемма, камея, инталья, скарабеоид, Китей, Боспор.

Почти четыре десятилетия раскопок боспорского города Китея и его некрополя позволили собрать значительную коллекцию памятников художественного ремесла, ювелирных изделий, торевтики и нумизматики, хранящуюся в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (г. Керчь). Среди них особое место занимают произведения античной глиптики – интальи. Их всего три: одна найдена на городище и две – в погребениях на некрополе. Изображения на них позволяют судить о некоторых сторонах сакральной жизни китейской городской общины и о тех изменениях, которые имели место в религиозных представлениях и художественных вкусах жителей города на протяжении нескольких столетий – с IV в. до н.э. по I–II вв. н.э.

Известно, что такие дорогие и штучные изделия как геммы и, особенно, интальи, соединяли в себе разные свойства. Прежде всего, они служили личными печатями, удостоверяющими самого владельца; они обладали и ярко выраженными декоративными признаками: великолепная работа резчика, красота золота и камней обуславливала их художественную ценность. Но кроме этого они являлись амулетами-оберегами и в этом качестве имели значение их форма, сам камень и его семантика, а также изображения на нем [9, с. 3–4; 11, с. 17]. Очевидно, все эти качества учитывались владельцами инталлий на Боспоре и в Китее, в частности. Именно на территории боспорского царства, и, прежде всего, в пантикапейском некрополе их найдено несколько десятков. В других центрах Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонесе) – гораздо меньше. Более того, несмотря на все сложности работы с камнем, на Боспоре было налажено их местное производство, в том числе литиков из стекла, так называемых «гемм простонародья» [10, с. 108–

109]. Интальи находят и в погребениях знати, и в рядовых захоронениях; гораздо реже – на территории городов.

Наиболее ранней китайской интальей является находка, сделанная в 2005 г. во время обследования осыпи зольного холма на приморском участке, где располагалось центральное городское святилище (раскоп II). Обряды в честь богов покровителей плодородия, имевшие явные хтонические признаки, отправлялись там со второй половины V в. до н.э. [5, с. 84]. Именно в это святилище и было сделано подношение в виде интальи. От нее сохранилась верхняя часть, чуть более половины (Рис. 1). Это скарабеоид и достаточно крупный (длина 2,5 см, ширина 1,2 см, изначальная ширина была не менее 2 см). В нижней его части сохранился сквозной канал для продевания в металлический стержень: скарабеоид служил щитком кольца. Он выполнен из полупрозрачного хризопаса светлого, желтовато-зеленого цвета, который является разновидностью халцедона (кварца) и в античное время использовался для изготовления инталей и камей [1, с. 160, 267; 2, с. 127–128]. Окрас, весьма редкий, камню придавали закись железа или соли хрома [1, с. 51].

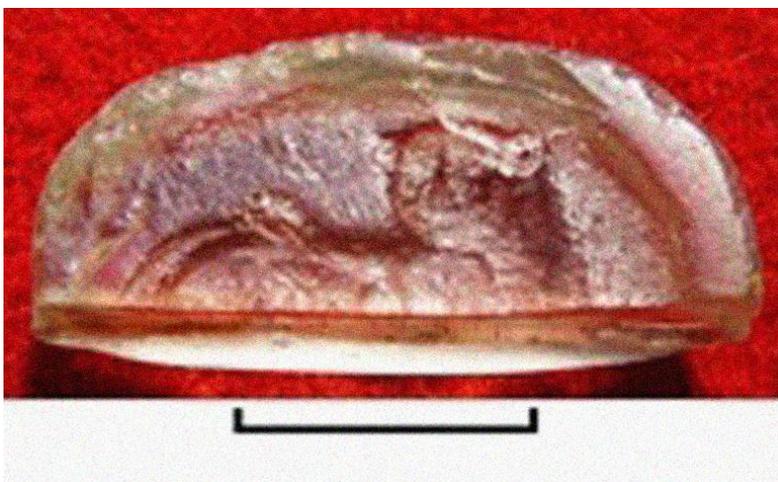

Рис. 1. Инталья с пантерой. Лицевая сторона.

На лицевой стороне, имеющей рельефную окантовку, размещено изображение стоящей или идущей (ноги не сохранились) пантеры, очень пропорционально вписанное в горизонтальный овал [предварительная публикация см. 4, с. 448. Табл. 13, 1]. Зверь представлен в профиль, вправо. Широкая морда пантеры на мощной шее развернута в фас к зрителю. На морде обозначены маленькие, круглые уши, большие глаза, нос и рот. Туловище округлое и упитанное. Длинный хвост, загнутый на конце, закинут на спину. Поза пантеры спокойная и статичная. Тыльная часть интальи (спинка) гладко зашлифована.

Рис. 2. Инталя. Канал для стержня дужки.

Сам способ обработки камня с применением бутероли (круглого сверла), рельефной окантовки и полировки камня указывают на классическое время изготовления инталей, скорее всего – на IV в. до н.э. Вращающиеся скарабеиды в III в. до н.э. уже не применялись [8, с. 30–31; 10, с. 110; 11, с. 21]. Такие приемы, равно как изображения зверей, чаще всего использовались резчиками Восточной Греции и Ионии. В греческих городах этих областей искусство резьбы по камню и его продукция пользовались особой популярностью [11, с. 21–22, 95]. Этот регион был теснейшим образом связан с Боспором со времени Великой греческой колонизации. Оттуда в боспорские города пришла традиция ношения инталей с образами животных и хищников. Как правило, фигуры зверей прекрасно построены ионийскими мастерами-резчиками и с большим мастерством вписаны в эллипс скарабеоида [3, с. 441, 444]. Ведь на территории Боспорского царства, особенно в некрополях, таких инталей найдено несколько десятков, гораздо больше, чем в других городах Северного Причерноморья. В подражание им массово изготавливались и дешевые их варианты из стекла – литики, получившие большое распространение на Боспоре с I в. до н.э. Их находят и в рядовых гробницах [10, с. 108–109].

Возвращаясь к китейской инталье, отметим и редко встречающийся в античной глиптике горный хрусталь (хризопаз), и высокое мастерство изображения, и

особенности обработки камня, и его пропорции. Все эти признаки позволяют предположить, что это изделие было изготовлено в Восточной Греции ионийскими мастерами не позже IV в. до н.э.

Что касается образов хищников, то львы и пантеры были излюбленными персонажами ионийских художников [11, с. 51]. В интальях они, как правило, представлены в профиль. Считается, что на территории Малой Азии все изображения животных традиционно имели религиозно-символическое значение: они являлись спутниками или атрибутами богов, воплощая их древнейшую сущность. Хищники олицетворяло собой власть, непобедимую силу, мужское начало. Они были связаны и с хтоническими верованиями [11, с. 18–19]. Все упомянутые свойства роднят образы льва и пантеры, которые царствуют над такими сферами мироздания как жизнь и смерть [13, с. 31–33]. Однако, кроме общих со львом качеств, пантера имеет и свои, ярко выраженные особенности. Этот зверь символизирует переход от жизни к смерти и от смерти к жизни, воплощая неразрывную связь смерти и воскрешения [15, с. 34]. Такие представления были свойственны еще догреческому населению Малой Азии. Позднее они были восприняты греческими колонистами и ассоциировались с культурами богинь владычиц зверей: Великой Матери (Кибелы) и Артемиды, поклонение которым, кстати, довольно ярко прослеживается в Китейском святилище начиная с IV в. до н.э. [6, с. 46]. Но в бóльшей степени и не случайно пантера посвящена Дионису, умирающему и воскресающему богу олимпийского Пантеона. Этот зверь является священным животным Диониса и его символом [14, с. 40–41; 15, с. 33–35]. Он присутствует не только в глиптике, но и в пластике, вазописи и коропластике. Традиция его почитания, впрочем, как и сам культ Диониса, пришли с Востока. Иконография пантеры также имеет ближневосточное происхождение. Особенно показательна в этом отношении фигура идущей пантеры на золотых пластинках VI в. до н.э. из археологического музея в Дельфах. Она изображена в профиль, спокойно идущей. Голова ее развернута в фас, хвост, загнутый на конце, закинут на спину (Рис. 2). Такая иконография пантеры, возникнув еще в архаическое время, сохранилась на долгие века [11, Илл. № 135]. Похожее изображение лежащей пантеры воплощено и в культовом сосуде – ритоне из Пантикапея [14, табл. III, 1], и на фресках пантикапейских склепов (склеп Ашика), где изображены бестиарии, сражающиеся с пантерой или леопардом [12, табл. ХС, рис. 1–2].

Учитывая тот факт, что изображение пантеры в памятниках боспорского искусства встречается довольно редко, представленная инталья дополняет наши сведения об этом персонаже античной мифологии не только в Китее, но и на Боспоре в целом. В центральном святилище этого города (напомним, что именно там была обнаружена наша инталья) найдены десятки артефактов, свидетельствующие о широком распространении и популярности культа Диониса в Китее, особенно – в IV–III до н.э. Это терракоты, изображающие самого бога и его спутников силенов и сатиров, статуэтки актеров комедии, флейта, многочисленные фрагменты чернофигурных и краснофигурных ваз с дионисийскими сюжетами [7,

с. 33–34]. Находка интальи с изображением пантеры в этом же святилище подчеркивает сакральный характер этого образа и связывает его с культом Диониса.

Список использованных источников и литературы

1. Жуков А.М. Драгоценные камни. Москва-Минск, Харвест, 2005. – 511 с.
Zhukov A.M. Dragocennyye kamni. Moskva-Minsk, Harvest, 2005. – 511 s.
2. Куликов Б.Д. Словарь камней-самоцветов. Л., Недра, 1982. – 159 с.
Kulikov B.D. Slovar' kamnej samocvetov. L., Nedra, 1982. – 159 s.
3. Максимова М.И. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л., АН СССР, 1956. С. 437–445.
Maksimova M. I. Reznye kamni // Antichnye goroda severnogo prichernomor'ya. M.-L., AN SSSR, 1956. S. 437–445
4. Молев Е. А. Общие итоги раскопок городища Китей в 2004–2006 гг. // Боспорские исследования. Т. XXI. Симферополь-Керчь, 2009. С. 375–448.
Molev E.A. Obshchiye itogi raskopok gorodishcha Kitey v 2004–2006 gg. // Bosporskiye issledovaniya. T. XXI. Simferopol-Kerch. 2009. S. 375–448.
5. Молев Е. А., Молева Н. В. О культовой принадлежности архитектурного комплекса II–V вв н.э. на восточной окраине китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. 2007. С. 84–89.
Molev E. A., Moleva N. V. O kultovoy prinadlezhnosti arkhitekturnogo kompleksa II–V vv n.e. na vostochnoy okraine kiteyskogo svyatilishcha // Drevnosti Severnogo Prichernomoria v antichnoye vremya. 2007. S. 84–89.
6. Молева Н. В. Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет. СПб., издание ГМИР, 1995. С. 42–48.
Moleva N. V. Kiteyskoye svyatilishche // Ritual i ritualnyy predmet. SPb., izdaniye GMIR. 1995. S. 42–48.
7. Молева Н. В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Артефакт и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород, 2017. С. 25–34.
Moleva N. V. Kult Dionisa v bosporskom gorode Kiteye // Artefakt i sakralnoye v istorii Bospora. N. Novgorod. 2017. S. 25–34.
8. Неверов О. Я. Античные интальи в собрании Эрмитажа. Л., Аврора, 1976.
Neverov O. Ya. Antichnyye intali v sobranii Ermitazha. L., Avrora. 1976.
9. Неверов О. Я. Античные перстни. Каталог выставки. Л., Гос. Эрмитаж, 1978. – 15 с.
Neverov O. Ya. Antichnyye perstni. Katalog vystavki. L., Gos. Ermitazh. 1978. – 15 s.
10. Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. – 144 с.
Neverov O. Ya. Gemmy antichnogo mira. M., 1983. – 144 s.
11. Никулина Н. М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. Каталог произведений искусства. М., Искусство, 1994. – 566 с.
Nikulina N. M. Iskusstvo Ionii i Akhemenidskogo Irana. Katalog proizvedeniy iskusstva. M., Iskusstvo. 1994. – 566 s.
12. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., издание Императорской Археологической комиссии, 1913–1914. – 246 с.
Rostovtsev M. I. Antichnaya dekorativnaya zhivopis na yuge Rossii. SPb., izdaniye Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. 1913–1914. – 246 s.
13. Савостина Е. А. «Язык зверей» в архаической вазописи Греции // Животные и растения в мифо-ритуальных системах. СПб., 1996. С. 31–33.
Savostina E. A. «Yazyk zverey» v arkhaischeskoy vazopisi Gretsii // Zhivotnyye i rasteniya v miforitualnykh sistemakh. SPb., 1996. S. 31–33.
14. Сорокина Н. П. Религия и коропластика в античности. М., Восточная литература, 1997. – 88 с.
Sorokina N. P. Religiya i koroplastika v antichnosti. M., Vostochnaya literatura. 1997. – 88 s.

15. Утехина О. А. Кумская ваза: к вопросу о дешифровке символических образов // Животные и растения в мифо-ритуальных системах. СПб., 1996. С. 33–35.

Utekhina O. A. Kumskaya vaza: k voprosu o deshifrovke simvolicheskikh obrazov // Zhivotnyye i rasteniya v mifo-ritualnykh sistemakh. SPb., 1996. S. 33–35.

Moleva N. V. Intalia with panther image from a sanctuary of Kyta.

A significant part of the materials from the excavations of the Bosporan city of Kyta, especially over the past 10 years, still remain unpublished. Among the most interesting finds at the site, the only intaglio found here stands out. The material, work and the nature of the image on it allow us to significantly replenish our knowledge about the spiritual life of the inhabitants of Kyta in the 4th century. BC.

Keywords: gem, cameo, intalya, scarabeoid, Kyta, Bosporus.

УДК 908(292.471):378.096=512.13

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-110-130

**ПРОФЕССОР ВИКТОР ФИЛОНЕНКО:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ:
ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе материалов Государственного архива Российской Федерации, связанных с историей восточного факультета Крымского университета им. М. В. Фрунзе, восстановлена биография крупного ориенталиста-крымоведа, преподавателя, впоследствии – профессора университета (с 1925 г. – педагогического института) Виктора Иосифовича Филоненко (1884–1977). Информацию из собственноручно заполненных ученых анкет и написанных им автобиографий дополняют данные по истории повседневности жизни университета (педагогического института) в Симферополе, выявленные в эпистолярном наследии В. И. Филоненко из различных архивов. Прослежен нелегкий путь ориенталиста в 20–30-е годы XX столетия, охарактеризовано научное наследие В. И. Филоненко, его роль в жизни вуза, восстановлены научные и личные контакты ученого, их влияние на жизнь восточного факультета (отделения).

Ключевые слова: В. И. Филоненко, Крымский университет им. М. В. Фрунзе, Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе, восточный факультет, восточное отделение, история крымоведения.

Имя профессора Крымского государственного университета (педагогического института) имени М. В. Фрунзе Виктора Иосифовича Филоненко (1884–1977), долгое время известное только узкому кругу специалистов в области ориенталистики [1], не так давно восстановлено в канве истории крымоведения [2]. Неизвестные ранее документы, связанные с утверждением кандидатуры В. И. Филоненко на должность преподавателя восточного факультета крымского вуза, позволили осветить новые сюжеты в биографии ученого.

Будущий ориенталист-крымовед родился 19 ноября 1884 года в Туле. Интересно, что в анкете, заполненной для Комитета учета научных работников СССР в мае 1926 года, В. И. Филоненко указал год рождения – 1885 год [3, л. 35]. Образование он получил в столичном университете. В 1908 году В. И. Филоненко окончил факультет восточных языков (по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду), а в следующем году историко-филологический факультет (словесное отделение). В университете В. И. Филоненко много общался с крупнейшим российским ориенталистом – профессором Василием Дмитриевичем Смирновым (1846–1922), что, безусловно, наложило отпечаток на интерес студента к турецкой тематике [4].

Работая в течение восьми лет после окончания Санкт-Петербургского университета преподавателем русского языка и словесности во Второй женской гимназии Уфы, В. И. Филоненко зарекомендовал себя прекрасным педагогом и перспективным ученым. В Башкирии молодой энергичный педагог быстро влился в научно-общественную жизнь местных краеведов. Он избран членом Оренбургской ученой архивной комиссии (1910 г.) и в том же году – членом Уфимского губернского статистического комитета. Летом 1911 года Уфимский губернский статистический комитет стал инициатором проведения этнографической экспедиции в Бирский уезд для собирания фольклорного материала и изучения быта язычников инородцев (черемисов, вотяков). В. И. Филоненко стал одним из активных участников этого научного мероприятия. Виктор Иосифович стал инициатором основания в Уфе Общества по изучению местного края. Очевидно, что молодой и перспективный тюрколог, разрабатывая местные сюжеты, хотел найти большее поле для реализации своих способностей и применения знаний, полученных на студенческой скамье в авторитетном ориенталистическом учебном центре страны.

В это время Виктор Иосифович немало путешествовал с целью познакомиться на практике с культурой и историей восточного мира и улучшить языковую практику. Лето 1912 года он провел в Тегеране, изучая памятники персидской культуры, а в 1913 году отправился в Алжир, побывав по пути в Стамбуле, Смирне, Александрии, Каире. В 1914 году Филоненко командирован Русским антропологическим обществом при Санкт-Петербургском университете, действительным членом которого он являлся, в Оренбургскую губернию. Там он проводил антропологические и этнографические наблюдения, фиксировал быт и обычаи местного населения. Таким образом, находясь в Башкирии, Виктор Иосифович вовсе не замыкался в научной жизни провинциальной Уфы, а много путешествовал, выполнял научные задания различных ученых организаций, вел дневники исследований, которые отправлял коллегам в столицу. Особенно активно В. И. Филоненко в эти годы начал активно общаться со столичным тюркологом Александром Николаевичем Самойловичем, который давал ему

*Виктор Иосифович Филоненко.
1931 год*

практические советы по сбору полевого материала. Эти контакты со временем стали судьбоносными для Виктора Иосифовича и привели его в Крым!

В январе 1915 года В. И. Филоненко сразу согласился занять вакантную должность инспектора (директора) Симферопольской татарской учительской школы, что предполагало присвоение, согласно Табели о рангах, звания статского советника [5, с. 7–8].

Наибольший массив ценной информации о преподавательской и научной деятельности В. И. Филоненко в Симферополе содержат его письма к академику И. Ю. Крачковскому – его другу по студенческим годам в столичном университете, с которым они соседствовали в общежитии – Коллегии Александра III – на Васильевском острове. Сохранилось описание этой комнаты, составленное Игнатием Юлиановичем: «Номер мой имеет в длину 9 шагов в ширину 5 1/2. В нем с успехом помещаются две кровати, два письменных стола, этажерка для книг, шкаф платяной, два маленьких столика и четыре стула. Кроме того, остается достаточный проход. Для ходьбы имеется коридор шагов в сорок» [6, л. 24].

Объемные папки с письмами В. И. Филоненко к И. Ю. Крачковскому отложились в личном архивном фонде академика в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Материал содержательной для истории крымоведения переписки в подавляющем объеме впервые введен нами в научный оборот [7]. Ответы академика хранятся в личном архивном фонде В. И. Филоненко (Государственный архив Республики Крым). Письма являются уникальным историческим источником о развитии крымоведения в 1915–1931 годах, состоянии местных научных сил, ориенталистических исследованиях, истории Таврического (Крымского) университета (педагогического института) имени М. В. Фрунзе [8]. Эпистолярный является также уникальным биоисториографическим источником, позволяющим по-новому интерпретировать известные ранее сюжеты истории крымоведения.

В автобиографии, составленной 8 апреля 1974 года, В. И. Филоненко так вспоминал о своем переезде в Симферополь:

«С 1915 года, с января месяца, я в Крыму, в Симферополе. Переведен я был туда по распоряжению Министерства просвещения и попечителя Одесского учебного округа с повышением в должности, инспектором Татарской учительской семинарии и преподавателем русского языка и словесности Симферопольской мужской классической гимназии и первой женской гимназии. Это было большое повышение в должности: из 8 класса в 5-й класс. Шутка! Генеральский чин! Вы представляете себе, что это значило в прежнее старое время?

Татарских учительских семинарий у нас было всего три: в Симферополе, Оренбурге и Казани. Это были особые закрытые учебные заведения с интернатом, со всеми удобствами и даже с мечетью. Обучались только татары. Курс обучения 4 года. Преподаватели – татары и русские. Во главе семинарии обыкновенно стояло лицо, получившее ориентальное образование и знавшее татарский язык. Национальность, по-видимому, тут не играла роли. До меня инспектором семинарии был гагауз Монастырлы [9], а до Монастырлы караим Казас [10]. Почему

меня назначили на эту должность? Во-первых, потому что в округе Оренбургском был мой диплом и попечитель имел представление о моем образовании, а во-вторых, министерство запросило Самойловича, а он по-дружески расписал меня что надо!» [11, с. 19].

Да, именно А. Н. Самойлович, активно проводивший еще в досоветские годы полевые этнографические разыскания в Крыму по заданию и при финансировании различных учреждений и общественных научных организаций, поспособствовал переводу В. И. Филоненко в Симферополь [12].

Первое из симферопольских писем В. И. Филоненко, адресованных И. Ю. Крачковскому в столицу, с его первыми крымскими впечатлениями датируется 19 апреля 1915 года. В нем сообщалось:

«Живу в Симферополе. Говоря откровенно, очень жалею, что уехал из Уфы – Татарская учительская школа – одно недоразумение. Вряд ли я здесь долго усую. Слишком уж большая разница между прошлой моей жизнью. Если бы я знал раньше ее, ни за что бы не пошел. Работы много, работы неблагодарной, да, по правде сказать, и неинтересной. Крымские татары я не знаю что такое. Наши уфимские – просто профессора перед ними. Это какое-то вырождающееся племя. Тупость, отсутствие полного интереса ко всему. Самойлович Ал[ександр] Никол[аевич], очевидно, знал об этой школе, так как каждый год читал там лекции. Я очень жалею, что не списался с ним. <...> А по-моему это не школа. Чтó, я даже определить не могу» [13, л. 31–32].

Эмоционально характеризовать свое новое место работы В. И. Филоненко продолжал и в последующих письмах. Находясь в сентябре 1915 года в отпуске в Орле, он сетовал:

«Хуже, гаже, отвратительнее учебного заведения, именуемого «Татарской учительской школой», я не видывал. Я только удивляюсь, как могло просуществовать это «заведение» почти 50 лет. Положим у нас всегда так: учили, платили деньги, выпускали «учителей», а кому, кого и каких учителей, до этого решительно не было никакого дела. Вот почему я страшно недоволен ни «школой», ни крымской публикой, ни жизнью в Крыму. Все это хорошо издали и в небольшой дозе. Насколько культурнее была жизнь в Уфе!» [14, л. 37–37 об.].

Требование крымско-татарских националистов в период начала революционной чехарды, чтобы в Симферопольской татарской учительской школе преподавали исключительно представители крымско-татарского народа, заставило В. И. Филоненко искать новую работу. Он перешел преподавателем в Симферопольскую женскую гимназию [15, с. 29–31]. Несмотря на «ворчание» в письмах к И. Ю. Крачковскому о «малокультурной крымской публике», Виктор Иосифович не имел в те годы реальной возможности к переезду в академические центры. Не было там и вакансий по его специальности. Перебиваясь в 1918–1921 годах частными уроками и службой в Симферопольской женской гимназии, он стремился получить должность преподавателя в открывшемся в 1918 году Таврическом университете. Ведь еще до открытия филиального отделения Университета Святого Владимира громко велись разговоры об открытии там

специальности «Востоковедение». Специалист со знанием языков, имевший солидное базовое образование, безусловно, был бы востребован. Однако восточное отделение в период существования Таврического университета так и не состоялось, хотя постоянно на повестку дня выносилось открытие такой специальности [16, с. 1086].

По совету А. И. Маркевича и согласованию с деканом историко-филологического факультета А. Н. Деревицким Виктор Иосифович в 1920 году предложил свой авторский курс для чтения на восточном отделении. Речь шла о предмете «Этнография турецко-татарских народов». В личном архивном фонде ученого, который отложился в Государственном архиве Республики Крым, сохранилась составленная им в рукописи программа к этому курсу, датированная 1920 годом. В. И. Филоненко предлагал наравне с общими теоретическими вопросами этнографической науки детально рассмотреть характеристику тюркских народов. Предполагалось изучать язык, быт, занятия, жилище, физиологические типы крымских татар и ногайцев на местном материале. Исторические сведения о турках и татарах изучать на основе имеющихся источников (армянские, византийские и др.) [17, л. 1].

Переформатирование структуры вуза после окончательного установления советской власти, закрытие Таврического и открытие Крымского университета, массовый отток профессуры привел к учреждению восточного отделения на факультете общественных наук. Это позволило Виктору Иосифовичу реализовать идею о преподавании в университете. Только 19 июля 1921 года В. И. Филоненко был избран (после прочтения двух пробных лекций) старшим преподавателем по кафедре персидского языка и словесности восточного отделения факультета общественных наук Крымского государственного университета имени М. В. Фрунзе. Ему поручили вести курсы персидского языка и литературы [18, с. 8]. 1 ноября 1921 года В. И. Филоненко сообщал в Петроград свои впечатления о первом прожитом годе при ревкомовской власти:

«Характерный признак нашего времени – это и есть ложь, колоссальная ложь! Ею только, как это и ни странно, все и держится. <...>

Я живу плохо; голодаю и... почти что побираюсь. Жалование платят неаккуратно и такое маленькое, что его хватает только на один день. А жизнь страшно дорога. Чтобы жить впроголодь, нужно, по крайней мере, получать 30 тыс[яч] в день. А я 50 тыс[яч] получаю в месяц. При здешнем Таврическом университете [в это время уже Крымский университет им. М. В. Фрунзе – А. Н.] открылось «Восточное отделение» и меня единогласно избрали старшим преподавателем и предложили читать лекции по персидскому языку и истории Персии. <...> Читал более месяца, как вдруг комиссар Университета заявил, что утвердить меня нельзя, ввиду моей, якобы русификаторской деятельности, в бытность инспектором Татарской учительской школы.

Совет профессоров протестовал, и чем это кончится, не знаю. Тут, собственно говоря, происходит борьба двух начал: татарского и русского. Татары почему-то это отделение считают своим и естественно желают, чтобы преподавателями были

татары и все преподавание велось даже на татарском языке! А русские отстаивают свое право. Нетрудно сказать заранее, на чьей стороне будет победа? Разве «русские» могут что-либо отстоять? Да еще свое русское?!» [19, л. 45–46 об.].

Начав службу на восточном отделении, Виктор Иосифович столкнулся с главной проблемой – отсутствием учебной литературы. Он срочно занялся подготовкой для студентов хрестоматии по своему предмету – персидскому языку. Это учебное пособие было необходимо для практических занятий. Для изучения преподаватель выбрал текст классического сочинения Саади «Розовый сад» на языке оригинала. Подготовка и выход в свет книги в голодном 1922 году, когда профессорско-преподавательский состав получал мизерное жалование, которое выплачивалось нерегулярно, стали возможными исключительно благодаря корпоративной солидарности преподавателей, сотрудничавших на восточном отделении. Так, М. О. Гредингер помог привлечь часть сторонних средств, И. Н. Леманов нашел бумагу, что при условии высоких типографских расценок было спасительно для издания. А. А. Одабаш переписывал необходимые тексты [20]. Из предисловия явствует, что В. И. Филоненко готовил и вторую часть хрестоматии с отрывками из сочинений Гафиза, Джами, Фирдоуси, Хайяма на языке оригинала, но издан этот труд не был.

В связи с возникшими к В. И. Филоненко вопросами о его деятельности при старой власти и необходимостью получить утверждение в Главном управлении профессионально-политехнических школ и вузов Наркомпроса РСФСР Виктор Иосифович подготовил подробную *curriculum vitae*. Знакомство с содержанием этой автобиографии раскрывает неизвестные доселе для биографов ученого нюансы его научных исследований в досоветское время. К автобиографии прилагался список опубликованных трудов и рукописей, что также интересно для восстановления полной библиографии ученого. Предлагаю ознакомиться с полным текстом этого документа, который публикуется впервые:

«*Curriculum vitae* преподавателя Крымского государственного университета Филоненко Виктора Иосифовича.

Родился в 1884 году. По окончании курса Тульской гимназии в 1903 году поступил в Петербургский университет сначала на факультет Восточных языков, а потом на Историко-Филологический.

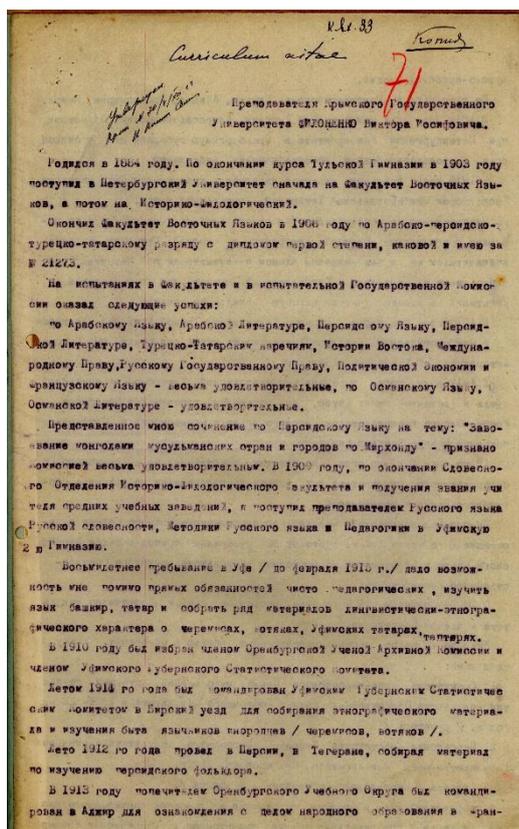
Окончил факультет восточных языков в 1908 году по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду с дипломом первой степени, каковой я и имею за № 21273.

На испытаниях в факультете и в испытательной Государственной комиссии оказал следующие успехи: по арабскому языку, арабской литературе, персидскому языку, персидской литературе, турецко-татарских наречиям, истории востока, международному праву, русскому государственному праву, политической экономики и французскому языку – весьма удовлетворительные, по османскому языку, османской литературе – удовлетворительные.

Представленное мною сочинение по персидскому языку на тему: «Завоевание монголами мусульманских стран и городов по Мирхонду» – признано Комиссией

весьма удовлетворительным. В 1909 году, по окончании словесного отделения историко-филологического факультета и получения звания учителя средних учебных заведений, поступил преподавателем русского языка, русской словесности, методики русского языка и педагогики в Уфимскую 2-ю гимназию.

Восьмилетнее пребывание в Уфе (по февраль 1915 г.) дало возможность мне помимо прямых обязанностей чисто педагогических, изучить язык башкир, татар и собрать ряд материалов лингвистически-этнографического характера о черемисах, вотяках, уфимских татарах, тептярях.

Curriculum vitae V. И. Филоненко

народного просвещения был назначен инспектором Симферопольской татарской учительской школы.

Одновременно попечителем Одесского учебного округа, мне было поручено преподавание русской литературы в женской гимназии, а также я попечителем же был назначен членом экзаменатором по Методике русского языка и дидактике в Испытательный комитет для производства испытаний на звание учителя высшего начального училища.

В 1910 году был избран членом Оренбургской ученой архивной комиссии и членом Уфимского губернского статистического комитета.

Летом 1911 года был командирован Уфимским губернским статистическим комитетом в Бирский уезд для собирания этнографического материала и изучения быта язычников инородцев (черемисов, вотяков).

Лето 1912 года провел в Персии, в Тегеране, собирал материал по изучению персидского фольклора.

В 1913 году попечителем Оренбургского учебного округа был командирован в Алжир для ознакомления с делом народного образования в французско-арабских школах. По пути был: в Константинополе, Смирне, Афинах, Александрии, Каире.

В 1914 году был командирован Русским антропологическим обществом при Петербургском университете в Оренбургскую губернию для производства антропологических и этнографических наблюдений.

В 1915 году приказом министра

В 1916 году был избран членом Таврической ученой архивной комиссии. В Симферопольском народном университете читал ряд лекций по русской литературе (о Тургеневе, Гончарове).

В 1917 году, после передачи Симферопольской татарской учительской школы в ведение самих татар, был переведен попечителем Одесского учебного округа преподавателем русского языка и словесности в Симферопольскую первую женскую гимназию.

19-го июля 1921 года факультетом общественных наук Государственного университета был избран преподавателем на кафедре персидского языка и словесности.

Научно-педагогической секцией Государственного Ученого Совета в заседании 3-го марта 1922 г. протокол № 2 утвержден преподавателем персидского языка и словесности на Восточном факультете Крымского государственного университета.

С 20-го октября 1922 года состою Секретарем Восточного факультета и членом Президиума.

Имею до 40 работ частью напечатанных, частью в рукописях. Укажу следующее:

1. Грамматика ново-персидского языка, курс лекций, читанный студентам факультета Общественных наук и Восточного факультета в 1921–23 годах. (Рукопись).

2. Персидская Хрестоматия. Издание Восточного факультета Крымского государственного университета. Симферополь. 1922 г.

3. Словарь к Персидской хрестоматии (Рукопись).

4. Персидский язык и поэзия персидская в процессе постепенного его развития (Вступительная лекция, прочитанная в Таврическом университете 7-го октября 1921-го года. Рукопись).

5. Поэтическое творчество Омара Хайяма (Рукопись).

6. Жизнь Чингиз-хана перевод сочинения персидского историка Мирхонда «Чингизхан-наме». Рукопись.

7. Башкиры. Очерки историко-этнографического и лингвистического характера. Изданы в Уфе в 1912 г.

8. У язычников инородцев Уфимской губернии. Уфа. 1911 г. Издание Уфимского губернского статистического комитета.

9. Праздник «Кюсэ» у восточных черемис. Уфа. Вестник Оренбургского учебного округа. №1. Уфа.

12. Р. Г. Игнатъев, историк-археолог Оренбургского края, Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1913 г. Оренбург.

13. К вопросу о происхождении слова «Уфа». Уфимский вестник № 135.

14. Петр Иванович Рычков, как писатель и образованный человек своего времени. (Рукопись).

15. К истории Уральских горных заводов. (Рукопись).

16. Уфа времен Палласа. (Рукопись).

17. Свадебные обычаи и обряды у татар Оренбургской и Уфимской губернии. (Рукопись).

18. Детские игры крымских татар. Труды Таврической ученой комиссии. Симферополь. 1913 г. № 52.

19. Османская грамматика (Рукопись).

20. Подражание Корану «Пушника». (Рукопись).

21. Образцы крымско-татарского народного творчества: загадки, текст, перевод, примечания. (Рукопись)» [21, л. 71, 71 об., 72].

Уточнение к изложенным в автобиографии В. И. Филоненко фактам мы находим в его письмах И. Ю. Крачковскому. В послании в Петроград, написанном 4 февраля 1923 года, Виктор Иосифович сообщал уже о трансформации восточного отделения в восточный факультет:

«Вы, вероятно, знаете, что в Крымском университете есть Восточный факультет. Конечно, это только одно название: ибо нет ни одного настоящего профессора-ориенталиста. Я, между прочим, преподаю там персидский язык. Не ругайте меня за эту смелость. <...>

Между прочим, прошу Вашего совета. У меня еще в 1917 году собрано до 100 загадок крымских татар. Введение, текст, перевод и примечания. Не скажете ли, кому можно послать, чтобы напечатать. Я предлагал напечатать загадки в трудах Таврической ученой архивной комиссии, но труды не издаются – нет средств» [22, л. 49 об., 50 об.].

Виктор Иосифович интересовался, не возьмется ли академик помочь ему с публикацией собранного этнографического материала. Загадки не заинтересовали И. Ю. Крачковского. Зато его внимание привлекла информация о начале работы нового центра востоковедческих исследований в Крымской АССР – самостоятельного факультета университета. Безусловно, не без участия И. Ю. Крачковского в журнале Всесоюзной научной ассоциации востоковедения «Новый Восток» в этом же году была опубликована малоизвестная статья В. И. Филоненко «Восточный факультет Крымского государственного университета в г. Симферополе» [23]. Публикация, носит информационный характер. Ее особенное значение в том, что она является одним из немногих печатных источников по истории открытия и деятельности структуры вуза. Автор привел данные об истории создания факультета в 1922 году, рассказал о его реорганизации из восточного отделения факультета общественных наук. Для нас важна информация о том, что идея организации факультета восходит еще к 1919 году, когда планировали открыть отделение восточных языков при историко-филологическом факультете. В. И. Филоненко назвал три разряда (специальности): турецко-татарская, армяно-грузинская и арабо-сирийская филология для подготовки специалистов на факультете. В статье указано, что на существовавших в то время двух курсах данного факультета обучалось 150 студентов, что свидетельствовало о популярности специальностей. По утверждению автора все выпускники восточного факультета востребованы народным хозяйством Крымской АССР.

Статья ушла в редакцию журнала, а 13 июля 1923 года В. И. Филоненко уже сообщал в Петроград:

«<...> пришлось хоронить наш Восточный факультет. Как самостоятельный факультет он умер. Осталось только отделение при Педагогическом факультете. Что делать? Лучше что-нибудь, чем ничего. В гибели его виноваты некоторые наши профессора не ориенталисты, которые, ради собственного благополучия, пригласили в качестве преподавателей местных татар. Ну, а последние – повели дело совсем не так, как нужно было. Характерно, что в последнюю минуту, когда стало известно, что факультет превращается в отделение, декан и присные его – разбежались. Я буквально остался один. О спасении факультета нечего было и думать» [24, л. 67–67 об.].

В это время В. И. Филоненко получил приглашение от декана восточного факультета Бакинского университета П. К. Жузе переехать в Баку, где ему предлагали читать персидский язык. В Азербайджане предоставляли и квартиру, которую выделял местный Наркомат просвещения. В письме от 24 августа 1923 года В. И. Филоненко советовался по этому поводу с И. Ю. Крачковским, говоря, что переезд «пугает» [25, л. 72–75]. Подобные приглашения получил не только В. И. Филоненко. Так, в Баку вскоре перебрался Б. В. Чобан-заде. А Виктор Иосифович тогда не решился на переезд.

Благодаря сохранившемуся эпистолярию историка мы имеем достаточно интересные факты об организации быта симферопольского ученого – элементах структуры повседневности служащего высшей школы. Так, 3 сентября 1924 года В. И. Филоненко информировал И. Ю. Крачковского: «Живу сейчас в Ялте, в санатории «Россия», недалеко от дачи Эмира Бухарского, ныне

Восточного музея. Живу на средства Ватиканской миссии. Каково? Дело в том, что Ватиканская миссия заарендовала для нашего Университета несколько мест в

Персидская хрестоматия для студентов восточного факультета Крымского государственного университета имени М. В. Фрунзе.

санаториях на Южном берегу. Одно из этих мест и досталось мне. Пробуду в Ялте до 15 сентября» [26, л. 100–101].

Высокий уровень профессиональной подготовки В. И. Филоненко, безусловно, выделял его среди коллег. Это позволило руководству Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе представить талантливого преподавателя к званию профессора при отсутствии у него ученой степени. Решением Государственного ученого совета от 30 января 1925 года В. И. Филоненко – профессор, что, безусловно, стало свидетельством признания его заслуг в преподавании и науке [27, с. 81–82].

8 ноября 1925 года сообщая в Ленинград об отсутствии возможности опубликовать в Крыму хоть что-то по своей проблеме («И тщетно А. И. Маркевич бьется издать что-либо, имеющее слабое подобие «Записок» [«Известий Таврической ученой» – (А. Н.)] Архивной комиссии» [28, л. 145]), В. И. Филоненко еще раз напоминал своему другу об интересном этнографическом материале, накопившемся у него в ожидании публикации. Чем мог, Игнатий Юлианович помогал. И. Ю. Крачковский охотно способствовал размещению в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатской музее АН СССР» интересного исследования В. И. Филоненко «Крымские цыгане» [29]. Этнограф попытался ответить на вопрос: «Откуда и когда пришли цыгане в Крым?». Сразу же оговаривая пробелы в наличии источников, В. И. Филоненко, привел версии представителей досоветского крымоведения – мнения В. Х. Кондараки и Н. А. Святского. Автор предположил, что переселение цыган в Крым произошло в несколько этапов и из разных регионов. В пользу последнего тезиса говорит различие в наружном виде и их «почти кастовая нетерпимость друг к другу». По мнению В. И. Филоненко крымские цыгане изначально поселились возле Бахчисарая (у Салачика), а оттуда расселились по другим местностям Крыма. Положив в основу классификации основные занятия, этнограф предложил собственный вариант их классификации для полуострова. Он обратил внимание, что во время Всероссийской городской переписи 1923 года цыган не выделяли, а приписывая их к татарам. По данным Всесоюзной переписи 1926 года цыган в Крыму числилось 649 человек. Столь малое число цыган, учтенных переписью, объясняется тем, что многие из них называли себя татарами. Поэтому, по мнению В. И. Филоненко, имеющиеся данные неправдивы и требуют дальнейших уточнений.

По уровню теоретической подготовки преподаватель В. И. Филоненко, конечно, выделялся среди коллег по педагогическому институту в Симферополе. Поэтому Игнатий Юлианович поддерживал стремление студенческого друга опубликовать результаты своих разработок во всеююзных изданиях [30]. Заполняя 22 марта 1926 года анкету для справочника «Наука и научные разработки СССР» Филоненко так определил сферу собственных ученых штудий: «Восточная этнография и фольклор» [31, л. 35].

В. И. Филоненко кроме научных исследований с интересом разрабатывал новые учебные курсы. Сохранилась разработанная им рабочая учебная программа по предмету «Методы собирания и изучения этнографического материала» [32,

л. 1]. В письме к И. Ю. Крачковскому от 24 октября 1924 года В. И. Филоненко писал по этому поводу И. Ю. Крачковскому: «В этом году подсунули мне читать новый курс: «Методика собирания этнографического материала» с практическими занятиями. Работа интересная» [33, л. 106 об.].

Значительный интерес представляет отложившийся в личном архивном фонде историка, датированный 20 ноября 1928 года, его отзыв на дипломную работу

выпускника восточного отделения Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, известного исследователя крымчаков Исаака Самуиловича Кая (1887–1956) «Крымчаки, их быт и письменность» [34, л. 1–7]. Еще в досоветское время он заведовал карасубазарской иудейской религиозной школой Толмуд-Торой и стал известен благодаря ряду публикаций о крымчаках. После окончания вуза И. С. Кая работал учителем в Керчи. В целом, положительно оценивая работу и указав, что автор использовал «богатейший фактический материал, собранный весьма тщательно и довольно обстоятельно проработанный», В. И. Филоненко заметил, что «было бы гораздо интереснее, если бы из всей массы народных песен, автор выбрал бы только те, который свойственный по языку крымчакам» [35, л. 1–2]. Содержащаяся в отзыве характеристика библиографической части работы И. С. Кая свидетельствует не только о широкой эрудиции рецензента, но и о достаточно полном знании им новинок крымоведческой библиографии.

Ученого неоднократно привлекали в качестве эксперта для составления актов ценности объектов культурного значения крымских татар, караимов и крымчаков. В ноябре 1928 года он обследовал караимскую национальную библиотеку «Карай-битиклиги» в Евпатории, составил обстоятельную справку об ее книгах и рукописном фонде [36, л. 194–194 об.; 37].

По данным сохранившихся трудовых списков и трудовых книжек В. И. Филоненко с 1929–1930 учебного года ученый работал также в Крымском научно-исследовательском институте национального строительства и краеведения

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПРАВОЧНИКА
«НАУКА И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ СССР»
Ленинград, В. О., Тучкова наб., 2-я, тел. 239-87.

Комиссия просит Вас дать для нового издания Справочника сведения о себе по нижеследующей форме и возвратить заполненный листок в Комиссию, перегинув нижний край листка с адресом Комиссии наружу.

Просьба писать разборчиво!

5 МАЯ 1928 743

I. *Филоненко Виктор Исидорович*
Фамилия ¹⁾, имя, отчество полностью

II. *Профессор*
Научное звание ²⁾

III. *Крымский Педагогический Институт*
Полное название мест службы ³⁾ и занимаемые в них должности ⁴⁾
перейдская Языки и словесности

IV. *Восточные Языки*
Специальность (общая и частная)

V. *Восточная этнография и археология*
Научная в ней область (в которой Вы преимущественно работаете)

VI. *Симферополь улица Буденного №11*
Полный адрес ⁵⁾ и телефон

VII. *Т. Мухоморова 1885 г. 14 в. май*
Место ⁶⁾ и число, месяц и год рождения (по старому стилю)

VIII. *28 мая 1928 г. В. Филоненко*
Дата заполнения листка и подпись

¹⁾ Просьба указать ударение. ²⁾ Инженер, доктор, действит. член, чл.-корресп., академик и т. д. ³⁾ Ученые и учебно-вспомогательные учреждения—музеи, лаборатории, библиотеки, обсерватории, станции, высш. учебн. заведения, научные общества, общ. краеведения и пр. ⁴⁾ Профессор, преподаватель, председатель, ассистент, лаборант, научн. сотрудник, препаратор, регистратор, вычислитель, библиотекарь, секретарь, член общества и пр. ⁵⁾ Города, село, губ., обл., республика и проч. по новому администр. делению, улица по новому названию, № дома и квартиры. ⁶⁾ По довоенному наименованию и прежнему административному делению.

Просьба приложить перечень главнейших научных трудов как напечатанных, так и рукописных.

Тип. Изд. Промбюро.

Собственноручно заполненная анкета
В. И. Филоненко. 1926 год.

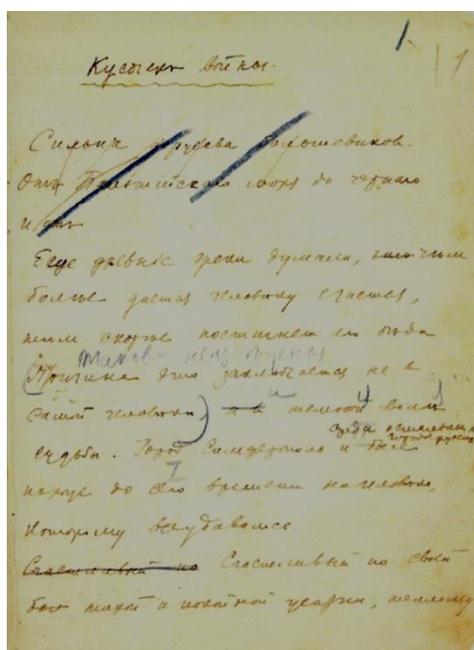
(секция антропологии и этнографии) (структура при Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе) [38, л. 17–18, 57]. К этому времени не случайно относится подготовленная им неопубликованная статья «Очередные задачи современной крымской этнографии и работа Общества по изучению Крыма». Рукопись ее сохранилась. Текст датирован 22 мая 1929 года. Статья открывается утверждением о том, что «этнографией у нас, в Крыму, дело обстоит не вполне благополучно» [39, л. 4]. Дав характеристику этнографическому разнообразию полуострова, В. И. Филоненко заметил, что из множества крымских этносов (около 30) изучались «частично и в незначительных размерах» только крымские татары, караимы, крымчаки и цыгане. Признавая, что «современная этнография это, прежде всего, наука о бытовой жизни народов», автор уточнил, что только фиксация этнографического материала не может быть защитана в качестве научного подхода. Он предложил создать монографические описания каждой народности Крыма «и обязательно с данными антропологического характера» [40, л. 7]. Эту работу предлагалось активизировать в ближайшие 2–3 года. Эти рассуждения В. И. Филоненко непосредственно были связаны с развернувшейся в Крыму подготовкой проекта местного варианта энциклопедии (существовало несколько вариантов названия), в составе которой предполагался двухтомник, посвященный крымским этносам [41]. Не случайно проблемы этнического разнообразия полуострова и изучения крымской этнографии вновь были подняты В. И. Филоненко в обобщающей публикации «Народы Крыма и их изучение» в 1930 году [42]. Фактически это систематические наработки ученого для вступительной статьи по истории изучения отдельных этносов к тому энциклопедии. Над этим изданием работали практически все научно-исследовательские центры, библиотеки и преподаватели вузов автономии. Профессор В. И. Филоненко сотрудничал в группе по написанию этнографических разделов справочника [43].

16 июня 1930 года В. И. Филоненко сообщил И. Ю. Крачковскому, что его «сватают» в новый Институт востоковедения, который предполагалось создать путем слияния Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Туркологического кабинета, Института буддийской культуры и Кавказского историко-археологического института. Виктор Иосифович беспокоился, что подготовка у него не та [44, л. 359]. В ответ на опасения друга, будто тот может занять чужое место, Игнатий Юлианович довольно откровенно высказывается о ситуации в академической среде тех лет: «Думаю, что новые сотрудники будут подбираться по признаку партийности, а не научных заслуг. <...> Бояться же того, что Вы сядете на чье-то место, не приходится: нынче обычно на Ваше место садятся, а не Вы на чужое» [45, л. 146 об.].

Переговоры о новом месте работы Виктор Иосифович вел неспроста. В Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе с начала 30-х годов усилились гонения на представителей «старой» школы. Выжили высококвалифицированные, рафинированные интеллигенты былой закалки, имевшие хорошее образование не только базовых университетов досоветской России, но и многочисленный стажировки в европейских вузах, свободно

говорящие на иностранных языках [46, с. 77–112; 47, с. 700–701]. В 1931 году на страницах столичного журнала «Литература и марксизм» была напечатана статья некоего «Н. Б.» «Реакция в литературоведении», где автор жестко «разносил» филологов Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе – «отсталых литературоведов» [48]. Хотя для самого журнала 1931 год издания оказался последним и он был закрыт, по справедливому замечанию профессора Л. А. Ореховой, дискредитация крымских филологов состоялась [49, с. 236]. В критической статье В. И. Филоненко достается, наверное, меньше других. Его публикация «Грибоедов и Восток» упоминается в тесной связи с творчеством коллеги – профессора того же восточного отделения педагогического факультета Е. В. Петухова. По мнению рецензента, их труды представляют собой «единство в методологическом и общественно-политическом смысле», а сам Филоненко пребывает в плену «идеалистических предрассудков» [50, с. 115–116].

Хорошо ощущавший надвигающуюся грозу, осторожный В. И. Филоненко решил не ждать развязки в Симферополе, а незаметно исчезнуть из Крыма. В 1933

Страница дневника
В. И. Филоненко. 1918 год.

педагогического института им. товарища М. В. Фрунзе. О нем известно немного. В 1905 году за революционную деятельность А. А. Соколов был исключен из 7 класса гимназии. Образование в области восточных языков он получил в Берлине (Семинар восточных языков) и Париже (Школа живых восточных языков). Видимо,

году тема о смене не только место работы, но и места жительства становится приоритетной в переписке В. И. Филоненко с И. Ю. Крачковским. 8 июля Виктор Иосифович сообщал, что ему «неоднократно предлагали хорошую работу в Москве и других городах» [51, л. 36–37]. Трудно сказать, насколько правдивы были эти сообщения. Не исключено, что тем самым В. И. Филоненко ждал предложения от друга переехать в Ленинград. Как бы там ни было, но 14 октября того же года он писал: «Очень может быть, что снимусь с места и двинусь в неведомую и далекую Каракалпакию. Одно меня удерживает здесь, что там оказался хорошо известный Вам и мне А. А. Соколов. <...> Работать с ним, да еще под его началом, – призадумашься» [52, л. 41 об.].

Упомянутый в письме Анатолий Алексеевич Соколов (1888–?) в 1927–1929 годах был коллегой В. И. Филоненко по преподаванию на восточном отделении педагогического факультета Крымского

в семье юного борца с самодержавием были на это средства. В 1908 году, по возвращении в Россию, он сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в специальные классы Лазаревского института восточных языков, которые окончил в 1912 году. После этого А. А. Соколов работал преподавателем в Казахстане, откуда был мобилизован на Первую мировую войну. Позже – работал в московских вузах и Российской центральной книжной палате [53, с. 9–10].

21 января 1934 года Виктор Иосифович сообщил И. Ю. Крачковскому вариант бегства из Симферополя более детально: «Меня приглашают на работу в Каракалпакский научно-исследовательский институт (в г. Турткуле) на кафедру материальной культуры и этнографии». А 6 апреля 1935 года В. И. Филоненко писал в Ленинград уже из Турткуля:

«Скажу теперь, сделал непоправимую глупость, забравшись сюда. Не знаю, как удастся выбраться. Николай Константинович Дмитриев предупреждал – не надо ехать. <...> Самый город, черт его знает, что такое. Пыль – света не видно. <...> Воды хорошей нет. Есть соленая. <...> Одним словом, бытовые условия жуткие. <...> Лучше в Крыму быть ночным сторожем, чем здесь научным работником, руководителем группы этнографии и действительным членом Научно-исследовательского института» [54, л. 86–86 об.].

Одновременно Виктор Иосифович работал заведующим кафедрой языка и литературы в Учительском институте Каракалпакской АССР с общей нагрузкой 148 часов в год и зарплатой 200 рублей в месяц [55, с. 83].

Несмотря на достаточно хорошие условия для работы и поддержку местных властей Виктор Иосифович уже через год уехал из Турткуля. Не смог вынести особенности климата этого региона. В 1936 году профессор переехал в Нальчик, где устроился в Кабардино-Балкарский педагогический институт. После Великой Отечественной войны он продолжил работу на должности профессора в Пятигорском институте иностранных языков, откуда вышел на пенсию.

Переписка И. Ю. Крачковского с В. И. Филоненко продолжалась и в последующие годы, но крымскую тематику практически не затрагивала. К этому времени классическое научное крымоведение было практически уничтожено [56]. Между тем, оформление восточного факультета (работа восточного отделения в составе сначала факультета общественных наук, а с 1923 года – педагогического факультета) было знаковым явлением для развития крымской ориенталистики 20-х годов XX века. Об этом Виктор Иосифович спустя много лет 23 ноября 1957 года вспоминал в письме к крупному советскому ориенталисту Андрею Петровичу Ковалевскому (1895–1969):

«Приятно было узнать, что делаются попытки воскресить востоковедение в Крыму и на Украине. Все предпосылки к тому имеются. Ведь в Крыму, в Университете, с 1918 по 1926 год был факультет Восточных языков, где читались арабский, персидский и тюркские языки. Даже Игнатий Юлианович приезжал в Симферополь и читал курс арабской литературы.

В 1926 году Университет был преобразован в Педагогический институт [57], а факультет Восточных языков в татарское отделение языка и культуры, но Востоковедение продолжало жить вплоть до 1943 года [58], когда татары были высланы из Крыма.

С высылкой татар из Крыма умерло в Крыму и востоковедение. Теперь, когда крымские татары вернулись из ссылки, правда, не на свои прежние места жительства, а в Татреспублику, говорить о них и изучать их историю, культуру, быт и язык уже можно» [59, л. 1–1 об.].

Оптимизм Виктора Иосифовича Филоненко по поводу якобы начала возрождения ориенталистических исследований в регионе на фоне дымки демократизации общественной жизни в Советском Союзе в те годы вполне объясним. Ведь он непосредственно был участником эпохи расцвета крымского востоковедения. Однако он не знал, что пройдут еще десятилетия, пока начнется процесс настоящего возрождения исторического крымоведения и в том числе – крымской ориенталистики.

Список использованных источников и литературы

1. См. о В. И. Филоненко: Баскаков Н. А. Виктор Иосифович Филоненко // Советская тюркология.– Баку, 1977.– № 5.– С. 106–108; Дашкевич Я. Сходознавец Виктор Йосипович Филоненко // Архіви України.– 1967.– № 2.– С. 29–30; Dubiński A. W. I. Filonienko, 1884–1977 // Przegląd orientalistyczny.– 1978.– № 106.– S. 201. В данных публикациях содержатся многочисленные проблемы, неточности и противоречия в описании биографической канвы востоковеда.

Sm. o V. I. Filonenko: Baskakov N. A. Viktor Iosifovich Filonenko // Sovetskaia tiurkologija.– Baku, 1977.– № 5.– S. 106–108; Dashkevych Ya. Skhodoznaveць Viktor Yosypovych Fylonenko // Arkhivy Ukrainy.– 1967.– № 2.– S. 29–30. V dannykh publikatsiyakh sodержatsia mnogochislennye problemy, netochnosti i protivorechija v opisaniі biograficheskoi kanvy vostokoveda.

2. Непомнящий А. А. «Еще держится у нас старая культурность...»: новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма.– 2007.– № 19.– С. 181–202.

Nepomnyashchy A. A. «Eshche derzhitsia u nas staraia kul'turnost'...»: novye materialy po istorii krymovedeniia v perepiske mestnykh istorikov s akademikom I. Iu. Krachkovskim // Istoricheskoe nasledie Kryma.– 2007.– № 19.– S. 181–202.

3. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 717.

SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 717.

4. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение.– 2015.– № 3.– С. 113–142.

Nepomnyashchy A. A. Nachalo nauchnogo etapa razrabotki istochnikov po istorii Krymskogo khanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordynskoe obozrenie.– 2015.– № 3.– S. 113–142.

5. Урсу Д. П. Востоковед профессор В. И. Филоненко: жизнь и труды: к 25-летию со дня смерти // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 2002.– Вып. 5.– С. 4–28.

Ursu D. P. Vostokoved professor V. I. Filonenko: zhizn' i trudy: k 25-letiiu so dnia smerti // Vostokovednyi sbornik / Tavricheskii ekologicheskii in-t.– Simferopol', 2002.– Vyp. 5.– S. 4–28.

6. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 26.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 26.

7. Непомнящий А. А. Академик Г. Ю. Крачковский і кримські орієнталісти: за матеріалами епістолярію // Східний світ.– 2008.– № 1.– С. 194–209; № 2.– С. 148–157.

Nepomnyashchy A. A. Akademik H. Yu. Krachkovskiy i krymski oriientalysty: za materialamy epistoliariiu // Skhidnyi svit.– 2008.– № 1.– S. 194–209; № 2.– S. 148–157.

8. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 343, л. 1–25; СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 1–407; д. 923, л. 1–373.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 343, l. 1–25; SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922, l. 1–407; d. 923, l. 1–373.

9. Харлампий Афанасьевич Монастырлы – выпускник Санкт-Петербургского университета, преподаватель физики и математики в Симферопольской мужской гимназии. Один из членов-основателей Таврической ученой архивной комиссии 24 января 1887 года. С 1903 года – инспектор Симферопольской татарской учительской школы, где прослужил до начала Первой мировой войны. См. его формулярный список: ГАРК, ф. 104, оп. 1, д. 1263, 1264. См. о Х. А. Монастырлы: Непомнящий А. А. Разработка «Археологической карты Крыма»: по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем // История и археология Крыма / Ин-т археологии Крыма РАН.– Симферополь, 2015.– Вып. 2: Сб. ст., посв. памяти Александра Евгеньевича Пуздровского.– С. 480–487.

Kharlampii Afanas'evich Monastyrly – vypusknik Sankt-Peterburgskogo universiteta, prepodavatel' fiziki i matematiki v Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii. Odin ikh chlenov-osnovatelei Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 24 ianvaria 1887 goda. S 1903 goda – inspektor Simferopol'skoi tatarskoi uchitel'skoi shkoly, gde prosluzhil do nachala Pervoi mirovoi voiny. Sm. ego formulirnyi spisok: GARK, f. 104, op. 1, d. 1263, 1264. Sm. o Kh. A. Monastyrly: Nepomnyashchy A. A. Razrabotka «Arkheologicheskoi karty Kryma»: po dannym perepiski Iu. A. Kulakovskogo s A. I. Markevichem // Istoriia i arkhologiiia Kryma / In-t arkhologii Kryma RAN.– Simferopol', 2015.– Vyp. 2: Sb. st., posv. pamiati Aleksandra Evgen'evicha Puzdrovskogo.– S. 480–487.

10. Илья Ильич Казас (1832–1912), псевдоним: «Караим», инспектор Симферопольской татарской учительской школы, позже – Евпаторийского Александровского караимского духовного училища, издатель-редактор газеты «Таврида». См. о нем: Прохоров Д. А. И. И. Казас – инспектор Симферопольской татарской учительской школы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2003.– Вып. 10.– С. 599–621; Прохоров Д. А. И. И. Казас – просвітитель караїмів та кримських татар: автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07.00.02 – Всесвітня історія; Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України.– Київ, 2005.– 15 с.

Il'ia Il'ich Kazas (1832–1912), psevdonim: «Karaim», inspektor Simferopol'skoi tatarskoi uchitel'skoi shkoly, pozzhe – Evpatoriiskogo Aleksandrovskogo karaimskogo dukhovnogo uchilishcha, izdatel'-redaktor gazety «Tavrida». Sm. o nem: Prokhorov D. A. I. I. Kazas – inspektor Simferopol'skoi tatarskoi uchitel'skoi shkoly // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniia im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.– Simferopol', 2003.– Vyp. 10.– S. 599–621; Prokhorov D. A. I. I. Kazas – prosvitytel karaimiv ta krymskykh tatar: avtoref. dys. ... kand. ist. nauk / 07.00.02 – Vsesvitnia istoriia; In-t skhodoznavstva im. A. Krymskoho NAN Ukrainy.– Kyiv, 2005.– 15 s.

11. Автобиография Виктора Иосифовича Филоненко, составленная им 8 апреля 1974 года в г. Пятигорске / Подг. Д. П. Урсу // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 2002.– Вып. 5.– С. 17–24.

Avtobiografiia Viktora Iosifovicha Filonenko, sostavlennaia im 8 apreliia 1974 goda v g. Piatigorske / Podg. D. P. Ursu // Vostokovednyi sbornik / Tavricheskii ekologicheskii in-t.– Simferopol', 2002.– Vyp. 5.– S. 17–24.

12. См. новые данные о полевых исследованиях Александра Николаевича Самойловича (1880–1938) на полуострове и его роли в развитии научного крымоведения: Непомнящий А. А. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.– Казань, 2016.– № 9.– С. 163–185.

Sm. novye dannye o polevykh issledovaniiah Aleksandra Nikolaevicha Samoilovicha (1880–1938) na poluostrove i ego roli v razvitii nauchnogo krymovedeniia: Nepomnyashchy A. A. Krymovedenie i krymovedy v sud'be akademika A. N. Samoilovicha // Zolotoordynskaia tsivilizatsiia: nauchnyi ezhegodnik / In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan.– Kazan', 2016.– № 9.– S. 163–185.

13. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

14. Там же.

Tam zhe.

15. Абибуллаева Д. И. История формирования и развития Симферопольской татарской учительской школы и русско-татарских министерских училищ (1870–1920).– Симферополь: Ариал, 2016.– 172 с.

Abibullaeva D. I. Istoriiia formirovaniia i razvitiia Simferopol'skoi tatarskoi uchitel'skoi shkoly i rusko-tatarskikh ministerskikh uchilishch (1870–1920).– Simferopol': Arial, 2016.– 172 s.

16. Непомнящий А. А. «Лучший рассадник высшей школы»: организация подготовки национальных кадров в Крымской АССР в 1920-е гг.: по документам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. – 2020.– № 4.– С. 1083–1094.

Nepomnyashchy A. A. «Luchshii rassadnik vysshei shkoly»: organizatsiia podgotovki natsional'nykh kadrov v Krymskoi ASSR v 1920-e gg.: po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii // Vestnik arkhivista. – 2020.– № 4.– S. 1083–1094.

17. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 280.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 280.

18. Урсу Д. П. Востоковед профессор В. И. Филоненко: жизнь и труды: к 25-летию со дня смерти // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 2002.– Вып. 5.– С. 4–28.

Ursu D. P. Vostokoved professor V. I. Filonenko: zhizn' i trudy: k 25-letiiu so dnia smerti // Vostokovednyi sbornik / Tavricheskii ekologicheskii in-t.– Simferopol', 2002.– Vyp. 5.– S. 4–28.

19. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

20. Филоненко В. И. Персидская хрестоматия. Ч. 1.– Симферополь, 1922.– 42 с.

Filonenko V. I. Persidskaia khrestomatiiia. Ch. 1.– Simferopol', 1922.– 42 s.

21. ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 303.

GARF, f. A-1565, op. 3, d. 303.

22. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

23. Филоненко В. Восточный факультет Крымского государственного университета в г. Симферополе // Новый Восток.– 1923.– № 3.– С. 580–581.

Filonenko V. Vostochnyi fakul'tet Krymskogo gosudarstvennogo universiteta v g. Simferopole // Novyi Vostok.– 1923.– № 3.– S. 580–581.

24. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

25. Там же.

Tam zhe.

26. Там же.

Tam zhe.

27. Урсу Д. П. Професори Таврійського університету (1918–1941): біографічні нариси / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського.– Симферополь, 2005.– 108 с.

Ursu D. P. Profesory Tavriiskoho universytetu (1918–1941): biohrafichni narysy / Tavriiskyi nats. un-t im. V. I. Vernadskoho.– Simferopol, 2005.– 108 s.

28. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922. См. также: Непомнящий А. А. «Возились с юбилеем Маркевича...»: как отмечали 70-летие крымоведа // Пространство и время.– 2017.– № 1(27).– С. 187–195.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922. Sm. takzhe: Nepomnyashchy A. A. «Vozilis' s iubileem Markevicha...»: kak otmechali 70-letie krymoveda // Prostranstvo i vremia.– 2017.– № 1(27).– S. 187–195.

29. Филоненко В. И. Крымские цыгане // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР.– 1930.– Т. 5.– С. 329–342.

Filonenko V. I. Krymskie tsygane // Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR.– 1930.– T. 5.– S. 329–342.

30. В указанное время в Симферополе уже ежегодно выходили «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» и «Известия Крымского педагогического института им.

М. В. Фрунзе». В. И. Филоненко в каждом номере этих журналов печатал свои интересные научные разработки.

V ukazannoe vremia v Simferopole uzhe ezhegodno vykhodili «Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii» i «Izvestiia Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze». V. I. Filonenko v kazhdом nomere etikh zhurnalov pechatal svoi interesnye nauchnye razrabotki.

31. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 717.

SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 717.

32. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 279.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 279.

33. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

34. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 204.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 204.

35. Там же.

Tam zhe.

36. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10.

GARK, f. R-138, op. 1, d. 10.

37. Непомнящий А. А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение.– 2020.– № 5.– С. 125–135.

Nepomnyashchy A. A. Karaimskoe knizhnoe sobranie Karai-bitikligi: istoriia utrachennoi kollektcii // Bibliografiia i knigovedenie.– 2020.– № 5.– S. 125–135.

38. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 371.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 371.

39. ГАРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 107.

GARK, f. R-3864, op. 1, d. 107.

40. Там же.

Tam zhe.

41. Непомнящий А. А. Из истории подготовки Крымской экспедиции // Новейшая история России.– 2015.– № 2.– С. 142–151.

Nepomnyashchy A. A. Iz istorii podgotovki Krymskoi ekspeditsii // Noveishaia istoriia Rossii.– 2015.– № 2.– S. 142–151.

42. Филоненко В. Народы Крыма и их изучение // Валериану Викторовичу Лункевичу: сб., посвященный сорокалетию его научно-литературной деятельности, 1890–1930 / Крымский пед. ин-т им. М. В. Фрунзе; Ассоциация крымских научных обществ; ред. кол. Г. П. Вейсберг и др.– Симферополь, 1930.– С. 121–128.

Filonenko V. Narody Kryma i ikh izuchenie // Valerianu Viktorovichu Lunkevichu: sb., posviashchennyi sorokaletiiu ego nauchno-literaturnoi deiatel'nosti, 1890–1930 / Krymskii ped. in-t im. M. V. Frunze; Assotsiatsiia krymskikh nauchnykh obshchestv; red. kol. G. P. Veisberg i dr.– Simferopol', 1930.– S. 121–128.

43. Непомнящий А. А. Неизвестные проекты крымоведческих справочных изданий 30-х гг. XX в. // Библиография и книговедение.– 2016.– № 6.– С. 80–87.

Nepomnyashchy A. A. Neizvestnye proekty krymovedcheskikh spravochnykh izdaniy 30-kh gg. KhKh v. // Bibliografiia i knigovedenie.– 2016.– № 6.– S. 80–87.

44. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922.

45. Там же.

Tam zhe.

46. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.

Istoriia Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiakh / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchy, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.

47. Непомнящий А. А. Восточный факультет Крымского госуниверситета им. М. В. Фрунзе: неизвестные страницы истории вуза // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2020.– Вып. 25.– С. 691–703.

Nepomnyashchy A. A. Vostochnyi fakul'tet Krymskogo gosuniversiteta im. M. V. Frunze: neizvestnye stranitsy istorii vuza // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskii federal. un-t im. V. I. Vernadskogo.– Simferopol', 2020.– Выр. 25.– С. 691–703.

48. Н. Б. Реакция в литературоведении // Литература и марксизм.– Москва, 1931.– Кн. 1.– С. 108–117.

N. B. Reaktsiia v literaturovedenii // Literatura i marksizm.– Moskva, 1931.– Кн. 1.– С. 108–117.

49. Орехова Л. А. Е. В. Петухов и его ученики: Б. Л. Недзельский // Е. В. Петухов (1863–1948): материалы к биографии / Сост. Л. М. Борисова.– Симферополь: Ариал, 2019.– С. 214–259.

Orekhova L. A. E. V. Petukhov i ego ucheniki: B. L. Nedzel'skii // E. V. Petukhov (1863–1948): materialy k biografii / Sost. L. M. Borisova.– Simferopol': Arial, 2019.– S. 214–259.

50. Н. Б. Реакция в литературоведении // Литература и марксизм.– 1931.– Кн. 1.– С. 108–117.

N. B. Reaktsiia v literaturovedenii // Literatura i marksizm.– 1931.– Кн. 1.– С. 108–117.

51. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, д. 923.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922, d. 923.

52. Там же.

Tam zhe.

53. Урсу Д. П. Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 2000.– Вып. 4.– С. 3–19.

Ursu D. P. Novye arkhivnye materialy po istorii vostokovedeniia v Krymu // Vostokovednyi sbornik / Tavricheskii ekologicheskii in-t.– Simferopol', 2000.– Выр. 4.– С. 3–19.

54. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, д. 923.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922, d. 923.

55. Урсу Д. П. Професори Таврійського університету (1918–1941): біографічні нариси / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського.– Симферополь, 2005.– 108 с.

Ursu D. P. Profesory Tavriiskoho universytetu (1918–1941): biohrafichni narysy / Tavriiskyi nats. un-t im. V. I. Vernadskoho.– Simferopol, 2005.– 108 s.

56. Непомнящий А. А. Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2015.– Т. 1(67), № 1.– С. 28–37.

Nepomnyashchy A. A. Nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo izucheniia Kryma (1935–1937): proval proekta sovetskoi kraevedcheskoi organizatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2015.– Т. 1(67), № 1.– С. 28–37.

57. Находящийся в преклонном возрасте историк ошибочно восстановил в памяти время существования факультета и его название. Преобразование Крымского государственного университета имени М. В. Фрунзе в педагогический институт состоялось в 1925 году.

Nakhodiashchiisia v preklonnom vozraste istorik oshibochno vosstanovil v pamiaty vremia sushchestvovaniia fakul'teta i ego nazvanie. Preobrazovanie Krymskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Frunze v pedagogicheskii institut sostoialos' v 1925 godu.

58. В. И. Филоненко путается в датах. Имеется в виду депортация крымско-татарского народа из Крыма 18 мая 1944 года.

V. I. Filonenko putatsia v datakh. Imeetsia v vidu deportatsiia krymsko-tatarskogo naroda iz Kryma 18 maia 1944 goda.

59. ЦГАМЛИУ, ф. 149, оп. 1, д. 183.

TsGAMLIU, f. 149, op. 1, d. 183.

Nepomnyashchy A. A. Professor Victor Filonenko: unknown biography pages: according to new documents from the archives of Moscow and St. Petersburg.

The biography of the prominent orientalist-Crimean scholar, university lecturer, later – university professor (since 1925 – Pedagogical Institute) Viktor Iosifovich Filonenko (1884–1977) based on the materials

*ПРОФЕССОР ВИКТОР ФИЛОНЕНКО: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ:
ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

of the State archive of the Russian Federation, associated with the history of the Eastern Faculty of the M. V. Frunze Crimean University, was restored. The information on the history of everyday life of the University (Pedagogical Institute) in Simferopol, identified in the epistolary heritage of V. I. Filonenko from various archives, substantially complement data from questionnaires completed by scientists and autobiographies written by him. The orientalist difficult path in life in 20–30 years of the twentieth century was investigated, the scientific heritage of V. I. Filonenko and his role in the life of the university were characterized, the scientific and personal contacts of the scientist, their influence on the life of the oriental faculty (department) were restored.

Keywords: V. I. Filonenko, M. V. Frunze Crimean University, M. V. Frunze Crimean Pedagogical Institute, oriental faculty, oriental department, history of the Crimean local history.

УДК 94 (581)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-131-139

**К ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ
М. Ф. СЛИНКИНА «АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ»**

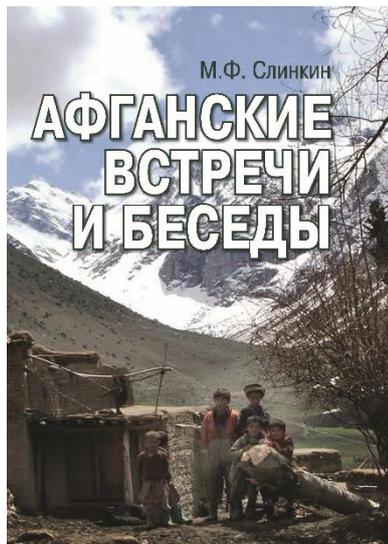
Слинкин М. М.

*Институт востоковедения РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
E-mail: mikhail.slinkin@gmail.com*

В 2019 году отдельным изданием вышли мемуары выдающегося отечественного востоковеда М. Ф. Слинкина. Они были подготовлены автором в 2004–2007 гг. и публиковались отдельными главами в различных российских и украинских журналах. Книга написана живым языком и суммирует наблюдения автора, его взгляд на афганскую действительность и события, свидетелем которых он стал с 1957 по 1990 г. во время длительных поездок в эту страну. Она также содержит портреты ряда афганских политических деятелей, с кем автору довелось работать и встречаться как в официальной, так и неформальной обстановке. В предлагаемой статье дается общая характеристика книги, рассматривается ее место среди других работ М. Ф. Слинкина, значение для специалистов и массового читателя.

Ключевые слова: Афганистан, М. Ф. Слинкин, вооруженные силы, афганский кризис, политики.

Афганистан вот уже несколько десятилетий привлекает внимание не только политиков и ученых, но и широкой общественности у нас в стране и за ее рубежами.

Это объяснимо. Афганский кризис непосредственно вовлек в свою орбиту мировые державы, множество других государств, и не только соседних, заметно отразился на международной обстановке конца XX – начала XXI в. Однако еще в 50–60-е гг. прошлого столетия «сердце Азии» находилось на периферии мировой политики и пользовалось вниманием разве что ближайших соседей да востоковедов, неизменно отмечавших своеобразие уклада жизни местного населения и его особую приверженность собственным традициям, уходящим корнями в глубину веков. Меньшее значение придавалось внешней политике, экономике, внутривнутриполитической ситуации в стране, зарождению и развитию оппозиционных течений как левого, так и правого толка внутри афганского общества.

Между тем вступление Афганистана в «эпоху перемен» после антимоноархического переворота 1973 года стало тем рубежом, за которым последовала бесконечная череда смены правителей и режимов, доминант

во внешнеполитической ориентации страны и, что самое страшное, бедствий и нищеты народа, ввергнутого в долголетнюю гражданскую войну.

Эти перемены пытались анализировать многие авторы, как правило, останавливаясь на отдельных исторических периодах, увязанных с приходом к власти, руководством страной и насильственным устранением от него тех или иных политических сил, делая акцент на политике, экономике или обращаясь к их военной составляющей. В большинстве научных и научно-популярных работ, посвященных афганскому кризису, рассматриваются различные его стороны, излагается зачастую субъективный взгляд на события, свидетелями которых стали их авторы, среди которых с первой половины 1990-х гг. преобладали не ученые, а непосредственные участники Афганской войны – офицеры и генералы – и работавшие в этой стране дипломаты.

Визит в Афганистан председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Слева – М. Ф. Слинкин (в то время старший референт группы советских военных специалистов). 1964 г.

Между тем комплексное и последовательное научное исследование кризиса внутри и вокруг Афганистана во второй половине XX в. можно найти в трех фундаментальных монографиях советского/российского востоковеда Михаила Филантьевича Слинкина: «Афганистан: оппозиция и власть (60–70-е гг. XX в.)» [7], «Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.)» [9] и «Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.)» [8]. Эти труды, раскрывающие причины и содержание афганского кризиса в течение более

чем 40 лет, не потеряли своего значения и в современных условиях. Всего же профессором М. Ф. Слинкиным на русском, английском и дари языках опубликовано более 85 научных работ общим объемом более 400 авторских листов, включая монографии и статьи по проблемам новейшей истории Афганистана, «Русско-дари военный и технический словарь» [10], а также учебные пособия по персидскому языку и др. Многие использованные при этом источники, в том числе собственный архив и личные архивы ряда государственных и партийных деятелей Афганистана, в научный оборот впервые были введены именно им. Все монографии содержат обширную зарубежную и отечественную библиографию, приложения, подробные биографические справки и именные указатели.

М. Ф. Слинкин и Б. Кармаль. Кабул. Дворец «Гольхана». Март 1986 г.

Однако книга «Афганские встречи и беседы» [6], на которой мы хотим акцентировать ваше внимание, заметно отличается от научных исследований профессора М. Ф. Слинкина. Она носит мемуарный характер, написана живым языком и суммирует личные наблюдения автора, его взгляд на афганскую действительность и события, большинству из которых он стал свидетелем во время командировок в Афганистан. А они пришлись как на мирные, так и осложненные гражданской войной периоды истории этой страны.

Книга включает 13 очерков, написанных в 2003–2007 гг. Первые семь из них посвящены Афганистану в относительно спокойные для него 50–60-е гг. XX в.

Здесь и зарисовки из кабульской жизни, и впечатления от встреч с афганцами разных сословий и профессий как в столице, так и в афганской глубинке во время многочисленных поездок по различным районам страны. Текст дополняют фотографии автора и иллюстрации, запечатлевшие афганскую действительность тех лет. Вместе с тем, даже описывая весьма далекие от политики события, автор не может удержаться от актуальных и по сей день замечаний. Отвечая на развернувшиеся тогда и особенно в последующем обвинения СССР во вмешательстве в дела Афганистана, он уже в первом очерке пишет:

«Как человек, проработавший в этой стране много лет (в период с 1957 по 1990 г.) в различных военных и гражданских сферах, смею утверждать, что «руки Москвы» не было ни в событиях 1973, ни в апреле 1978 г. в силу многих причин и факторов. Высшее советское руководство, строя внешнюю политику на афганском направлении, не ставило своей целью менять государственную систему своего южного соседа. Оно, исходя из долгосрочных интересов СССР на международной арене, стремилось путем развития взаимовыгодных и равноправных советско-афганских отношений, не отягощенных какими-либо тайными замыслами, в том числе и идеологического порядка, сделать Афганистан подлинной витриной мирного сосуществования двух государств с разными социальными системами и показать странам «третьего мира» на примере Афганистана привлекательность, выгодность и идеологическую незаангажированность связей с социалистическим лагерем. Каждый из нас, работая в Афганистане, искренне старался в меру своих сил и возможностей содействовать реализации данной установки Центра, не давая при этом никакого повода к обвинению во вмешательстве во внутренние дела этой страны и, тем более, в подстрекательстве к смене режима» [6, с. 32].

Однако главное достоинство первых очерков, по нашему мнению, заключается все же в беспристрастном, объективном и благожелательном описании нашего южного соседа, переживавшего, как казалось, не лучшие времена в своем развитии. Кто ж тогда мог предположить, что худшие еще впереди, а период правления Захиршаха – монарха страны – назовут едва ли не «золотым веком» в истории Афганистана.

Читая книгу, понимаешь, что так писать об Афганистане может только человек, искренне любящий эту страну, испытывающий глубокое уважение к ее людям, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Ответом на эту любовь и глубокое понимание простых людей, присущих им несомненных достоинств, ироничного отношения к переживаемым тяготам и лишениям, заблуждений и суеверий, вызванных тяжелой окружающей действительностью, стало то, что он снискал у них глубочайшее уважение и как человек, и как специалист, по признанию самих афганцев, знающий язык, культуру, обычаи и традиции страны лучше, чем они сами.

В тематике этих семи очерков непосредственно отражен и род занятий автора, работавшего тогда старшим переводчиком в группе советских военных специалистов. Значительная их часть, больше половины («Мое открытие Афганистана. Год 1957», «Вдоль афганской границы», «Мухаммад Дауд и

моджахеды», «Таможня дает «добро», «Танкисты, артиллеристы и другие»), помимо бытовых зарисовок, отличающихся внимательным и заинтересованным взглядом исследователя на жизнь Афганистана, посвящено работе в армейской среде, трудному процессу становления современных вооруженных сил страны, подготовке их командных кадров и рядового состава к обслуживанию, эксплуатации и применению поставляемых из Советского Союза техники и вооружения. Автор пишет о глубокой модернизации армии Афганистана, насущной необходимости реорганизации ее организационно-штатной структуры в 1960-е гг. в связи с существовавшими тогда угрозами ее безопасности, адаптации афганцев к сложным и требующим специальных навыков в их применении новым для них видам вооружения.

Бывший королевский дворец в Джалалабаде. С местными лицеистами. 4 апреля 1988 г.

Последующие очерки содержат портреты ряда афганских политических деятелей, с кем автору довелось работать и встречаться как в официальной, так и

неформальной обстановке, среди них Бабрак Кармаль, Мухаммад Наджибулла, Махмуд Барьялай, Сулейман Лайек, Абдурахим Хатеф, Абдул Латиф Педрам и др.

Ряд выдвигаемых автором положений вступают в противоречие со сложившимся в нашей литературе по этой стране оценкам многочисленных высокопоставленных советских военных представителей и дипломатических работников. В частности, такими из них являются утверждения о том, что якобы среди афганского руководства было широко распространено иждивенчество и более того пьянство.

Прием президентом Республики Афганистан группы советских советников в связи с их отъездом на родину. М. Наджибулла и М. Ф. Слинкин. Дворец «Гольхана». Июль 1988 г.

Иждивенческие настроения, по мнению автора, – это как раз продукт неуместных, вызванных игнорированием либо незнанием местных реалий большинством наших дипломатов, партийных и военных советников и руководителей, попыток «решительного» и «бескомпромиссного» насаждения «партийных» подходов к решению политических, административных, хозяйственных и военных вопросов. При этом неуступчивость и напористость советских специалистов, проистекавшая от убежденности в правоте своей, замешанной на идеологии позиции, и приводили к тому, что им приходилось попросту подменять своих подсоветных и принимать решения вместо них. Ну а что

касается «пьянства» афганцев, а об этом пишут многие авторы, порой весьма авторитетные, то это, конечно, очень далекое от действительности утверждение. Да, приучить их к этому наши отдельные представители пытались, ориентируясь на собственные пристрастия и сомнительную удаль в столь неблагородном занятии, но говорить о том, что достигли при этом успеха нельзя. Здесь явно прослеживается попытка переложить вину «с большой головы на здоровую». В этом отношении весьма примечательно следующее замечание Михаила Филантьевича:

«Совпосол со свойственной ему надменностью и самоуправством в отношениях с Кармалем не стеснялся в выражениях. На еженедельных аппаратных совещаниях в посольстве мне не раз приходилось слышать такого рода тирады Ф. А. Табеева:

– Вот вчера я встречался с Кармалем. Мы с ним крепко поддали, и я ему сказал «Не смей!» [6, 170].

Позднее даже генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев был вынужден признать недопустимость подобного отношения к афганским товарищам. На заседании Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г. говоря об их независимости в принятии решений, он отмечал: «Но что же получается? Мы опять делаем все сами. Наши люди способны только на это. Они связывают Наджиба по рукам и ногам» [6, с. 170].

Многие из политиков и высокопоставленных военных, о которых пишет Михаил Филантьевич, по тем или иным причинам уже не у дел – сняты с высоких должностей, потеряли власть в результате силового ее захвата оппозицией, сами покинули свои посты, проживают в Афганистане или в эмиграции на положении частных лиц. Однако ряд гражданских и военных деятелей прежнего левого режима все еще активно влияют на политическую жизнь страны, более того, такие из них, как Нурольхак Олуми и Абдул Латиф Педрам, о которых подробно рассказывает автор на страницах книги, в качестве кандидатов в президенты Афганистана принимали деятельное участие в выборной кампании 2019 г. [4].

Поражает, насколько много конкретных людей и деталей с ними связанных сохранила память Михаила Филантьевича, ведь к написанию очерков он приступил через 46 (!) лет после первого посещения Афганистана, а со времени последней его поездки в эту страну тогда минуло уже 13 лет. Об одном таком поразительном для меня и окружающих проявлении абсолютной памяти даже, казалось бы, на незначительные события я уже писал. Поэтому сошлюсь на свои же строки:

«На отдых в Алушту (в августе 2000 г. – М. С.) приехал Александр Антонович Ляховский, автор книги «Трагедия и доблесть Афгана» [3]. Он пригласил отца к себе в гости... В ходе беседы отец напомнил Александру Антоновичу, что они уже встречались в Афганистане. Тот очень удивился. Тогда отец рассказал, что как-то к нему в кабинет, который находился в здании ЦК НДПА, явился бравый советский офицер и с порога по-военному громко и четко представился: «Помощник руководителя Оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане полковник Ляховский Александр Антонович». Отец поднялся из-за стола, вытянулся по стойке «смирно» и в тон ему отрапортовал: «Подполковник в отставке Слинкин Михаил Филантьевич». Посетитель явно пришел в замешательство.

Встреча в Алуште закончилась взаимным обменом недавно изданными трудами. Александр Антонович, подписывая свою новую книгу «Пламя Афгана» [2], проговаривал вслух: «Видному востоковеду Украины...» – Отец неожиданно спохватился: «Почему Украины?» – «Какой же страны?» – удивился Ляховский. – «СССР, конечно, России», – заверил его отец. Так и осталось на титульном листе – «Украины и СССР» [5, С. 124].

Действительно, Михаил Филантьевич никак не мог смириться со своей «вынужденной» эмиграцией и продолжал считать себя исключительно советским и российским гражданином и востоковедом, хотя красный на помеченный трезубом голубой паспорт его все-таки вынудили сменить, пригрозив отлучением от работы в университете и прекращением выплаты пенсии.

Это уже вторая книга, в которой Институт востоковедения РАН и Издательство МБА обращается к наследию выдающегося отечественного востоковеда. В 2016 г. увидела свет книга «Дневниковые записи М. Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.)» [1], дополненная биографическим очерком о жизни и деятельности этого удивительного человека, выходца из далекой сибирской деревни, который командиром огневого взвода принял участие в Великой Отечественной войне, штурмовал Берлин и брал Рейхстаг, блестящего военного, ученого, педагога и дипломата.

Воспоминания М. Ф. Слинкина «Афганские встречи и беседы» отдельной книгой в Российской Федерации не публиковались. В 2006–2007 гг. очерки из этого цикла печатались в журнале «Культура народов Причерноморья» Межвузовским центром «Крым» г. Симферополя (2006. – № 82. – С. 100–110; № 85. – С. 163–177; 2007. – № 98. – С. 7–67; № 113. – С. 7–60.). Предлагаемое издание иллюстрировано оригинальными афганскими фотоматериалами и уникальными фотографиями из личного архива автора и, несомненно, вызовет интерес не только у специалистов-востоковедов, но и у массового читателя.

Список использованных источников и литературы

1. Дневниковые записи М. Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 124 с.
Dnevnikovye zapisi M. F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. – 124 s.
2. Ляховский А. А. Пламя Афгана. – М.: «Варгиус», 1999. – 607 с.
Lyakhovskii A. A. Plamy Afgana. – М.: «Vargius», 1999. – 607 s.
3. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. – 649 с.
Lyakhovskii A. A. Tragediya i doblest' Afgana. – М.: GPI «Iskona», 1995. – 649 s.
4. При атаке в Кабуле ранен Абдул Латиф Педрам // Радио Озоди. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29808676.html> [Дата обращения: 16.02.2020].
Pri atake v Kabule ranen Abdul Latif Pedram // Radio Ozodi. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29808676.html> [Data obrashcheniya: 16.02.2020].
5. Слинкин М. М. Об отце и немного о времени, в котором он жил // Дневниковые записи М. Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 109–110.

Slinkin M. M. Ob ottse i nemnogo o vremeni, v kotorom on zhil // Dnevnikovye zapisi M. F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. – S. 109–110.

6. Слинкин М. Ф. Афганские встречи и беседы. – М.: ООО «Издательство МБА», 2019. – 228 с.

Slinkin M. F. Afganskіe vstrechi i besedy. – М.: ООО «Izdatel'stvo MBA», 2019. – 228 s.

7. Слинкин М. Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60–70-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005. – № 57. – 249 с.

Slinkin M. F. Afganistan: oppozitsiya i vlast' (60–70-e gg. XX v.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – Simferopol': Mezhvuzovskii tsentr «Krym», 2005. – № 57. – 249 s.

8. Слинкин М. Ф. Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003 – № 41. – 274 с.

Slinkin M. F. Afganistan. Stranitsy istorii (80–90-e gg. XX v.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – Simferopol': Mezhvuzovskii tsentr «Krym», 2003 – № 41. – 274 s.

9. Слинкин М. Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь: Изд-во Симферопольского государственного университета, 1999. – 359 с.

Slinkin M. F. Narodno-demokraticeskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki – Amina (1978–1979 gg.). – Simferopol': Izd-vo Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. – 359 s.

10. Слинкин М. Ф. Русско-дари военный и технический словарь. – М.: Воениздат, 1981. – 848 с.

Slinkin M. F. Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'. – М.: Voenizdat, 1981. – 848 s.

Slinkin M. M. New book release: «Encounters and Conversations in Afghanistan: Memoirs of M. F. Slinkin».

Memoir of a distinguished Russian Oriental studies scholar M. F. Slinkin was published in 2019. It was written between 2004 and 2007 and published as individual chapters in various Russian and Ukrainian journals. The book is captivating and sums up author's experiences and his views of real life and events in Afghanistan, that he witnessed from 1957 to 1990 during his visits to the country. Book also portrays several Afghan politicians with whom author happened to work and meet in both formal and informal contexts. This article gives a general overview of the book and its place in research of the author, its significance for specialists and regular readers.

Keywords: Afghanistan, M. F. Slinkin, armed forces, Afghan crisis, politicians.

УДК 94(567)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-140-153

БРИТАНСКИЙ МАНДАТ И ВОССТАНИЕ 1920 ГОДА В ИРАКЕ

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: shevelevs57@gmail.com*

Исследуется начальный период мандатного управления Ирака Великобританией, антибританское восстание 1920 года. Хронологические рамки охватывают период с мая 1916 г. по октябрь 1921 г. и включают в себя анализ событий на Ближнем Востоке от мая 1916 г., когда было заключено секретное соглашение о разделе территорий Османской империи после окончания I мировой войны (соглашения Сайкс – Пико) до провозглашения Фейсала королём Ирака и с формирования правительства страны. Обозначенный период является ключевым в иракско-британских отношениях рубежа 10-х – 20-х гг. XX века. Автор акцентирует внимание на англо-французских переговорах во время I мировой войны, накануне и во время Парижской мирной конференции по поводу раздела территории Османской империи и принадлежности мандатов в зоне проживания арабов. В ходе этих переговоров было принято решение о передаче мандатов на Сирию (с Ливаном) – Франции, а Палестины и Месопотамии (Ирака) – Великобритании. Англичане в Ираке сразу же столкнулись с мощным противодействием как суннитов, так и шиитов, вылившимся в антианглийское восстание 1920 г. Автор обозначает причины, ход и последствия этого восстания.

Ключевые слова: Ирак, Великобритания, Лига Наций, Фейсал, Черчилль, мандат, восстание, сунниты, шииты.

8 января 1918 г. президент США Вудро Вильсон на совместном заседании обеих палат Конгресса выступил с посланием, в котором содержалась программа послевоенного устройства мира, в последствие, получившая название «14 пунктов». По словам бывшего премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа эти «14 пунктов» были единственным справедливым решением проблем колоний и провозглашением национальной автономии нетурецкого населения Османской империи. Они должны были «предупредить разрыв с арабами» [1, с. 62].

Восемь пунктов касались послевоенного политического обустройства на территориях государств, потерпевших поражение в войне, и главным образом предоставления проживающим на них народам, права, на самоопределение. Пункт 12 был посвящен Османской империи: «Турецким частям современной Османской империи должен быть гарантирован твердый суверенитет, но другим национальностям, которые на данный момент находятся под турецкой властью, должна быть обеспечена настоящая гарантия жизни и абсолютно безопасная возможность автономного развития...» [2, с. 275].

20 января 1919 г. участники Парижской мирной конференции приняли резолюцию о будущем османских территорий. В этой резолюции говорилось следующее: «Союзные державы и присоединившиеся государства постановили, что

Армения, Сирия, Месопотамия и Курдистан, Палестина и Аравия должны быть полностью отделены от Турецкой империи. Это решение принято с сохранением права урегулирования вопросов, касающихся других частей Турецкой империи» [2, с. 276]. Эти территории должны были попасть под мандатное управление Лиги Наций, создание которой предполагалось созданием будущим мирным договором. Система мандатов Лиги Наций предусматривала передачу бывших владений Османской империи на Ближнем Востоке, и колоний Германии в Африке и Океании под временное управление государствам-мандатариям членам Антанты.

Премьер-министр Д. Ллойд Джордж, в своих мемуарах писал, что вопрос о распределении мандатов довольно долго обсуждался во время двусторонних переговоров на Парижской мирной конференции. Предполагалось, что США получат мандаты на Стамбул и Армению, Франция на Сирию и часть Киликии, а Великобритания на Палестину и Месопотамию, включая Мосул [3, с. 253]. В декабре 1918 г. в Лондоне состоялась встреча Д. Ллойда Джорджа с премьер-министром Франции Ж. Клемансо во время которой было достигнуто соглашение о признании Францией Мосула и Палестины сферой влияния Великобритании. В обмен на свою уступку, Франция получила от Великобритании согласие на контроль над Сирией и Киликией. Это было зафиксировано в совместном заявлении правительств Франции и Великобритании 7 января 1918 г. [4, с. 57].

7 мая 1919 г. система мандатов были утверждены Верховным советом Антанты. Однако, Конгресс США не ратифицировал 72 Версальский мирный договор, в связи с преобладанием там изоляционистов, которые не желали вступления страны в организацию, где, по их мнению, господствовали Великобритания и Франция, а также вмешательства Вашингтона в дела Восточного полушария. Поэтому США не приняли участия в распределении мандатов группы «А», которые Великобритания и Франция разделили между собой во время конференции Верховного совета Антанты в Сан-Ремо, проходившей с 19 по 26 апреля 1920 г. Великобритания получила Месопотамию (с Мосулом), Палестину и Трансиорданию (16 сентября 1922 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию о её отдельном управлении – С. Щ.), а Франция – Ливан и Сирию. Большинство конгрессменов требовало от президента возвращения к доктрине Монро. США не получили ни одного мандата на арабские территории Османской империи. Но США заключили специальные соглашения со странами-мандатариями, и формально обеспечили себе равные права и возможности на подмандатных территориях [5, с. 11]. 3 мая 1920 г. было официально объявлено о передачи мандата на Месопотамию Великобританией [6, с. 95].

Статья 22 Пакта Лиги Наций, принятого 28 июня 1919 г. гласила о необходимости передачи территории бывшей Османской империи в силу того, что народы, проживающие на них «...ещё не способны самостоятельно руководить собой, в особо трудных условиях современного мира. Благосостояние и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации... лучший способ практически провести этот метод – это доверить опеку над этими народами передовым нациям...» [7, с. 150–151].

Ещё 16 мая 1916 г. между Францией и Великобританией было заключено секретное соглашение о будущем разделе территорий Османской империи (соглашение Сайкс-Пико). В английскую зону входила Месопотамия, территория от Абу-Кемалья до Аммана объявлялась её сферой влияния [8, с. 170–187; 9, с. 16–18; 10, с. 21]. Со стороны Великобритании это было шагом к достижению давней мечты – созданию полосы своих колоний от Индии до Средиземного моря.

В ходе переписки между Верховным комиссаром Великобритании в Египте Генри Мак-Магоном и шерифом Мекки Хусейном аль-Хашими (июль 1915 – март 1916 г.г.) арабам было обещано создание арабского государства, в которое войдут арабские вилайеты Османской империи – территории Месопотамии, Сирии, Ливана, Палестины, Аравии, за исключением Адена [11, с. 5; 12, с. 4; 13, с. 41]. После получения этих обещаний, арабы по призыву и под руководством шерифа Хусейна подняли восстание против Турции. На Западе довольно много востоковедов до сих пор утверждают, что разные толкования переписки между Хусейном и Г. Мак-Магоном лишь в плохом переводе писем, сделанном английским чиновником Р. Сторрсом, в частности, в переводе слова *дистрикт* как *вилайет* [14, с. 19–20].

На Парижской мирной конференции арабы были представлены в возглавлявшейся третьим сыном шерифа Мекки эмиром Фейсалом делегации Хиджаза. Франция была против официального руководства Фейсалом арабской делегации, тем не менее, под давлением Великобритании, французы вынуждены были пойти на уступки. В марте 1920 года на заседании Сирийского конгресса эмир Фейсал был объявлен королём Сирии и Палестины [15, с. 49].

В свою очередь, эмир Фейсал выступил на Парижской конференции с меморандумом, в котором настаивал на создании арабского государства на территории к югу от линии Александретта-Диарбакыр [16, с. 23; 17, с. 12]. Летом 1920 года французы оккупировали часть Сирии, на которой пытался править вновь испеченный король Фейсал, и заставили последнего бежать из Сирии [6, с. 104].

До установления британского мандата на Ирак, он включал в себя арабский Ирак (территории междуречья к югу от Багдада), часть аль-Джазир (территории к северу от Багдада), южный Курдистан и часть Сирийской пустыни. Нередко эти территории назывались Месопотамией или Турецкой Аравией. При османах эти территории подразделялись на Багдатский, Мосульский и Басрийский вилайеты [18, с. 34–35].

Во время I мировой войны Великобритания оккупировала арабские вилайеты Османской империи. Англичане сразу же приступили к созданию административных органов. Это были округа, которыми руководили так называемые «политические комиссары», которые непосредственно подчинялись британским Верховным комиссарам Палестины (в Иерусалиме) и Ирака (в Багдаде) [19, с. 39].

Введение мандатов ещё раз подтвердило тот факт, что Великобритания так и не собиралась выполнять свои обещания сохранения единого Иракского государства, при этом уверяя курдов, что будет создан «независимый Курдистан», а ассирийцам обещая «независимую Ассирию».

Мандат стал детонатором для населения Ирака. В столице борьбу против мандатных властей возглавила организация «Харас аль-Истикляль» (Страж независимости), созданная в феврале 1919 г. Организация заявляла о своей борьбе за независимость Ирака на основе конституционной монархии. «Харас» взяла курс на подготовку и развёртывание вооруженного восстания против мандатных властей. Лозунгом организации был «Свобода не даруется, а берется силой» [18, с. 146].

«Харас аль-Истикляль» была создана в Багдаде в конце февраля 1919 г. представителями арабской интеллигенции, духовенства и купечества. Лидерами организации были багдадский купец Джафар Абу ат-Тиманн, шиитский богослов Мохаммад ас-Садр (руководитель организации), крупный землевладелец суннит Юсуф ас-Сувайди, директор частной школы Али аль-Базиркан, поэт Мохаммад Бакир аш-Шабиби. Наиболее крупные отделения организации действовали в Багдаде, Казымии, Баакубе, Наджафе. Ее сторонники выступали за создание независимого Ирака, считали, что ради этой цели необходимо перейти и к вооруженной борьбе против британских оккупантов [20, с. 95–96; 21, с. 112–113]. Члены «Харас аль-истикляль» также как и «аль-Ахд аль-Ираки» выступали за установление конституционной монархии во главе с одним из представителей династии Хашимитов.

В Ираке в этот период существовала ещё одна заметная организация националистического толка «аль Ахд аль-Ираки» (Иракский завет), возникшая в вооруженных формированиях эмира Фейсала, сына шерифа Хусейна, воевавших вместе с британцами против османских войск на палестинском фронте. «Аль Ахд аль-Ираки» объявила целью борьбы – независимый Ирак с конституционно-монархической формой правления, который со временем должен войти в объединённое арабское государство, созданное на арабских территориях бывшей Османской империи. Накануне восстания 1920г. «аль Ахд аль-Ираки» имел свои отделения в трёх городах Ирака: Багдаде, Басре, Мосуле, а руководство находилось в Дамаске [22, с. 57].

Весной 1919 г. в провинции Сулеймания вспыхнуло вооруженное антибританское восстание под руководством одного из традиционных лидеров курдов шейха Махмуда Барзанджи, который быстро осознал, что обещания англичан предоставить самоуправление – ничто иное как обман. Восставшие заняли провинцию Сулеймания, арестовали английскую администрацию. И, хотя восстание курдов было подавлено англичанами, оно стало прологом антибританского восстания 1920 г. [23, с. 177].

Во второй половине июня, в Кербеле, представители шиитского духовенства, шейхи племен Среднего Евфрата и представители «Харас аль-истикляль» одобрили план подготовки к восстанию, ими был создан Комитет восстания – «Мактаб ас-Саура», который должен был выступать в роли штаба восстания. «Мактаб ас-Саура» регулярно получал от индийских военнослужащих оккупационной британской армии информацию о военных планах английской армии. В это же время, верховный муджтахид Кербелы Мохаммад Таки аш-Ширази, пользующийся большим авторитетом, издал фетву, в которой объявлял законным с точки зрения

шариата, применение оружия во имя защиты интересов страны ее жителями [24, с. 136; 25, с. 117].

30 июня 1920 г. отряд соплеменников шейха Шалана Абу аль-Джуна из племени бани хучайм, арестованного в этот же день за неуплату поземельного налога, ворвался в Румайсу, перебил тюремную охрану и силой освободил его. В след за этим последовали массовые вооруженные выступления по всему району Румайсы, 1 июля произошел ожесточенный бой повстанцев с британскими подразделениями вблизи Дивании, 4 июля повстанцы совершили нападение на гарнизон Самавы. В это же время ими было разрушено железнодорожное полотно на некоторых отрезках трас Румайса – Дивания, Румайса – Самава и Самава – Басра, что осложнило положение британских войск в данном районе [20, с. 124].

В начале июля англичане послали около 300 военных для подавления восстания в Румайсу, которые были частично разбиты, а остальные блокированы в военном городке. 6 июля англичане послали на помощь заблокированным ещё один отряд, который вынужден был отступить. 19 и 20 июля на подступах к городу проходил крупный бой с восставшими. Генерал Канингем вынужден был дать приказ о наведении моста через рукав Евфрата, для того, чтобы обойти противника с тыла. Англичане ворвались в город, освободили заблокированных в казармах англичан, но 21 июля были вынуждены оставить город. По разным данным англо-индийские войска потеряли убитыми и ранеными от 400 до 500 человек [20, с. 132].

11 и 14 июля восстали племена района Куфы и Шамии. Отрядами восставших руководили шейх Альван аль-Ясери, вождь племени фатля Абдулвахид Сиккар и религиозный лидер Хади Завин. Вождь племени хазаиль, шейх Сальман аль-Убтан и шейх Раих аль-Атия, вождь племени хамидат, предложили капитану Манну, бывшим их союзником, покинуть Хамидию и сопроводили его до Куфы. Во время восстания в разных районах страны время от времени заключались договоры о перемирии между англичанами и повстанцами. Практически все они нарушались. Так, из Хиллы в Куфу англичанами было отправлено несколько пароходов с боеприпасами и оружием. Это было открытым нарушением договора о перемирии. 21 июля вооруженные члены племени бани хасан напали на этот караван [20, с. 133]. После этого отряды бани хасан окружили Куфу. Другие племена и часть племени бани хасан под командованием Альвана аль-Ясери и Абдулвахид Сиккара 22 июля освободили город Кифль. Против повстанцев был отправлен англо-индийский отряд численностью 800–900 человек под командованием полковника Хардкестля. В результате боя англичане потеряли 180 человек убитыми и 60 ранеными. В плен попали 70 англичан и 81 индиец. Повстанцы захватили большие трофеи: винтовки, пулемёты и одно орудие [6, с. 98; 20, с. 134]. После этой победы к восставшим присоединились ещё несколько племён.

Но не все племена поддержали восстание. Вожди племён дулайн и амарат-анайза заявили о своей лояльности к англичанам. Летом 1920 года о том же заявили нотабли Багдада, Басры, Мосула и других крупных городов. Будущий король Ирака Фейсал неоднократно заявлял о своей верности арабо-английскому альянсу в Ираке. Политический офицер округа Хамидия капитан Манн и политический офицер Куфы

Норбери добились согласия шейхов племён хазаиль держать нейтралитет, пообещав им часть земель племени фатля. Англичане просто подкупали вождей за их нейтралитет. Например, шейхом племени шибль было передано 2 тыс. фунтов стерлингов. Это был далеко не единственный случай [20, с. 129].

30 июля в районе Самавы появился шиитский сейид Хади аль-Мухтар из Наджафа, который прибыв в Хидру призвал местные племена к джихаду против кафиров и свержению британской власти в регионе. Другие сейиды, улемы и эмиссары «Харас аль-истикляль» действовали в районах Гаррафа, Шатры и Хидры, которые также призывали к джихаду. 6 августа о начале джихада против британской власти объявили и в Кербеле. Племена этого района стали поднимать восстания одно за другим. Британские войска были вынуждены оставить многие населенные пункты. Религиозным лидером шиитов в восстании 1920 г. стал Мирза Мохаммад Таки Ширази. Муджтахиды и сейиды в зоне проживания оседлых и кочевых племён вели активную пропаганду вооруженной борьбы против страны-мандатария «во имя Аллаха» [26, с. 145].

В августе в районе Самавы были пущены под откос несколько военных эшелонов, в августе восставшие захватили город и станцию Хидр. В крупных городах, в первую очередь в Багдаде и Басре участились нападения на английские военные патрули. 13 августа английские войска начали операцию по предупреждению восстания в Багдаде. При обыске дома одного из руководителей «Харас аль-истекляль» были обнаружены документы организации и списки подпольщиков в Багдаде. Большинство из них были арестованы, а в Багдаде было объявлено военное положение. 12 августа к западу от города началось восстание племени аз-зуба. Железная дорога в Багдад – Фаллуджа была перерезана, а город Рамади был окружен восставшими. В начале сентября восстание в Ираке достигло своей вершины. Большая часть страны оказалась в руках восставших. Англичане контролировали только Багдад, Басру, Мосул, военные базы по берегу Тигра от Багдада до Басры. Попытки англичан деблокировать осажденную Самаву оказались безуспешными. Англичане потеряли 2 бронепоезда, несколько катеров, сбрасываемые на парашютах боеприпасы и оружие нередко попадали в руки восставших. В это время на 130–135 тысяч повстанцев приходилось 16 тысяч современных и 43 тысячи устаревших ружей [6, с. 99; 20, с. 162].

С конца августа 1920 г. англичане начинают широкие наступательные операции против повстанцев. 34-я бригада генерала Конингема двинулась на встречу английским войскам, выведенным из северо-западного Ирана. В конце августа – начале сентября англичанами были заняты несколько городов после встречи двух британских колонн, их численность составила 15 тысяч человек. К началу сентября все шейхи области Дийяла сдались англичанам, а 40 шейхов от имени 14 племён подписали капитуляцию, обещая никогда не вести войну против правительства, выплатить все налоги и компенсировать стоимость имущества, украденного или разрушенного. В октябре англичане взяли в осаду Кербелу, после чего городские власти подписали акт о капитуляции. 19 октября был подписан такой же акт о

капитуляции Неджефа. В Неджефе сразу же были выданы английские пленные, захваченные в бою при Рустамии [20, с. 171].

2 ноября 1920 г. вожди племени хазайль шейх Сальман аль-Убтан и шейх Мохаммад аль-Утан капитулировали, а вожди были полностью амнистированы. Подобные шаги были предприняты и другими вождями. 20 ноября было подписано соглашение о прекращении военных действий племени бани хучайм. Этот день считается у арабов окончанием восстания 1920 г. Тем не менее, нападения на английских военных, диверсии продолжались до лета 1921 г. Только 12 декабря англичане стали контролировать всю железную дорогу Басра – Багдад. Жестоко подавляя восстание 1920 г., генерал Аймлер Холдейн призывал своих солдат «быть такими же грубыми, как терка для мускатных орехов». Британцы уничтожали посевы, жгли жилища, в боях убили 9 тысяч человек. Без суда и следствия казнили сотни восставших [20, с. 184; 34, с. 417].

Ещё в ноябре 1919 г. глава гражданской администрации Месопотамии А. Вильсон сообщал, что удерживать статус мандатария можно только при помощи насильственных мер. Он считал, что вряд ли в Месопотамии можно будет создать единое государство: «Воинственные курды в Месопотамии, которых насчитывают почти пол миллиона, никогда не примут арабского господства... шииты Месопотамии, насчитывающие 1,34 млн, не примут арабскую форму правительства, основанную на суннитском доминировании» [25, с. 78; 27, с. 133].

Во время восстания, в Лондоне было принято решение о смене статуса главы администрации в Месопотамии. На должность Верховного комиссара был назначен Перси Кокс. Он прибыл в Месопотамию 1 октября. Тогда же в страну было переброшено из Индии и Персии 4 тысячи 883 британских и 24 тысячи 508 индийских военнослужащих, одна эскадрилья королевских ВВС и медицинское подразделение [25, с. 81; 28, с. 3].

Верховный комиссар П. Кокс делает заявление о том, что он прибыл в страну с целью оказать ей содействие в создании независимого и суверенного государства. Первым шагом на этом пути стало создание временного правительства Ирака, 24 октября был утвержден статут, регламентирующий его деятельность. Был создан ряд министерств, при каждом из которых назначался британский советник. При этом советники имели те же полномочия, какими обладали министры: они могли присутствовать на заседаниях Административного совета (именно такое название получило временное правительство), производить ревизию издаваемых им распоряжений. Все члены Административного совета, за исключением шиита Сеида Мохаммада аль-Табатабаи были суннитами [18, с. 151]. Все решения какого-либо из министерств и Административного совета в целом, передавались на утверждение верховного комиссара, который обладал правом вето. Законы вступали в силу только после подписания их верховным комиссаром, который мог также вносить в них и свои поправки. В инструкции для Административного совета говорилось, что он будет осуществлять свою деятельность до того момента, пока не будут сформированы новые полноценные органы власти в соответствии с основным

законом страны, который должна будет принять Конституционная Ассамблея (Учредительное собрание) [20, с. 173].

Выбор британцев пал на представителя одной из наиболее влиятельных и богатейших семей Багдада – Гайлани. Эта кандидатура была весьма приемлемой, так, как с первых дней оккупации Багдада Гайлани занимал по отношению к британцам весьма благожелательную позицию. Однако сам Гайлани долгое время не решался принять на себя этот пост и только спустя две недели активных переговоров он дал свое согласие. Были затруднения и во время переговоров с кандидатами на посты министров Административного совета. В конце концов, пост министра внутренних дел занял Талиб-паша, министром финансов стал банкир Сассун Хаскиль, министром юстиции – Хасан Пачачи, министром инфраструктуры – Иззат-паша, министром торговли – басрский купец Абдул Латифф, министром обороны стал один из лидеров «аль-Ахда» – Джафар аль-Аскари, министром общественных работ – Мохаммад Фабхиль, министром просвещения и одновременно здравоохранения, впоследствии был избран шиитский мудштахид Сеид Мохаммад аль-Табатабаи. Позже Иззат-паша займет пост министра общественных работ, а Мохаммад Фабхиль станет министром вакфов. Пост министра инфраструктуры будет ликвидирован. Административный совет начал свою работу 27 октября [20, с. 176–177; 29, с. 497; 30, с. 5].

После заключения перемирия с Османской империей проблемами Месопотамии занималось министерство иностранных дел Великобритании, а ситуацию в Сирии и Палестине до конца 1919 г. контролировали совместно военное министерство и МИД Великобритании. Переговоры с Хусейном англичане вели через британский МИД, а отношения с его главным соперником, ибн Саудом – через министерство по делам Индии. В мае 1920 г. военный министр У. Черчилль предложил министерству колоний взять под свою опеку контроль подмандатных территорий Ближнего Востока. 31 декабря 1920 г. британское правительство принимает такое решение, министр колоний лорд Милнер в знак протеста уходит в отставку, а его место занимает У. Черчилль. Он сразу же, в рамках своего нового ведомства, создаёт Ближневосточный департамент. Затем собирает в Каире совещание экспертов по Ближнему Востоку. В работе конференции принимает участие Верховный комиссар Палестины Г. Сэмюэль, бывший «гражданский комиссар» Месопотамии А. Вильсон, его приемник П. Кокс, резиденты Великобритании в Аденеи Персидском заливе, губернатор Британского Сомали, видные специалисты по Ближнему Востоку, всего 40 человек. Советником У. Черчилля по ближневосточным делам стал полковник Лоуренс [25, с. 88; 31, с. 315].

Во время первого заседания Политического комитета по Месопотамии, Перси Кокс предложил рассмотреть кандидатуры на роль короля Ирака, в числе которых им были перечислены: нагиб Багдада и глава Административного совета Ирака – Абд ар-Рахман аль-Гайлани, министр внутренних дел в Административном совете Ирака – Талиб-паша, правитель Джебель-Шаммара Бин Рашид, турецкий принц Бурхан ад-Дин, а также шейх Мухаммеры и Абд аль-Азиз бин Сауд. Все эти

кандидатуры были отвергнуты по политическим соображениям. Так, во время войны сейид Талиб предложил англичанам свои услуги по взятию Басры за признание англичанами его права на управление городом после окончания военных действий. За это он и был отправлен в ссылку. Сейид Талиб развернул активную антишиидскую пропаганду под лозунгом «Ирак для иракцев». В последствии, будучи министром внутренних дел, Талиб всегда мечтавший о королевском троне, решил ликвидировать Фейсала, когда тот должен был прибыть в Басру. И лишь благодаря решительным действиям Верховного комиссара П. Кокса, покушения на Фейсала удалось избежать, а сам Талиб был арестован и отправлен в очередную ссылку на Цейлон [18, с. 152].

Единственным возможным, в таком случаи, решением, с учетом настроений большей части населения Месопотамии, по мнению П. Кокса стало бы приглашение представителя династии Хашимитов. Среди сыновей Короля Хиджаза Хусейна им был особо отмечен Фейсал, имевший опыт ведения военных действий и сотрудничества с Великобританией, а также обладавший способностями энергичного руководителя, необходимыми ввиду сложившейся в стране ситуации. Кандидатура эмира Фейсала была активно поддержана, конструктивно и эффективно сотрудничавшим с ним в годы войны Т. Лоуренсом, который также принимал участие в работе конференции [6, с. 103].

На этой конференции было принято решение провозгласить Ирак королевством. Вскоре У. Черчилль, занимавший в это время пост министра колонии так охарактеризовал это решение в британском парламенте: «Решено образовать в Ираке чисто арабское правительство с повелителем арабом во главе, дружественно настроенное к Англии». 11 августа 1921 г. Административным советом королем был провозглашён третий сын шерифа Мекки и одновременно короля Хиджаза Хусейна Фейсал. На этой же конференции было принято решение вывести Палестину из Трансиордании и образовать новый эмират. Столицей подмандатного эмирата стал Амман, а его главой – ещё один из сыновей Хусейна Абдалла. Для контроля за его деятельностью в Амман был послан британский резидент, подчинявшийся Верховному комиссару Палестины [16, с. 36–37; 32, с. 175]. Таким образом, Фейсал и Абдалла стали основоположниками хашимидской династии в двух странах.

С Фейсала были взяты обещания содействовать Великобритании в выполнении её обязательств перед Лигой Наций. В ходе последнего заседания Политического комитета было принято решение сохранить в течение периода формирования иракских органов власти прямое управление верховного комиссара в районах с преимущественно курдским населением, при этом подчеркивалось, что включение курдских районов в состав арабского государства без воли местного населения вызовет резко негативную реакцию с его стороны, что приведет к межэтническому конфликту. У. Черчлль ещё до конференции разработал план «Десятилетнего перехода», имея в виду предоставление независимости Ираку.

После утверждения Фейсала в качестве провителя Месопотамии, предполагал оставить в стране 12 индийских батальонов, что позволило бы сократить расходы

военного ведомства в Месопотамии до 5–6 млн. ф. ст. в год. Такие сокращения не позволяли осуществлять полный контроль всех провинций страны. В качестве решения проблемы был принят поддержанный У. Черчиллем проект «Воздушного контроля», который был предложен главнокомандующим ВВС генералом Х. Тренчардом. Проект предполагал передачу функций по контролю над большей частью территории Ирака британской военной авиации. Возможность положиться на расширенную огневую мощь и мобильность военных самолетов вместо многочисленных наземных войск, позволяла существенно уменьшить финансовые затраты, задействовать значительно меньше человеческих и материальных ресурсов, в чем Лондон остро нуждался в виду социально-экономического истощения, ставшего следствием Первой мировой войны [25, с. 93 – 94].

На конференции была признана и необходимость в формировании арабских вооруженных сил под командованием британских офицеров. Более того, было решено ввести в состав уже существующих арабских формирований курдские и ассирийские подразделения. На правительство Месопотамии ложились и все соответствующие расходы по содержанию арабских вооруженных сил. Еще одним вопросом, который был затронут во время работы конференции была проблема ассирийских, армянских и русских беженцев на территории Месопотамии [25, с. 95, 97].

Административный совет Ирака с подачи Верховного комиссара Перси Кокса предложил эмиру Фейсалу иракскую корону при условии создания парламента и принятия демократической конституции. Фейсал согласился и 21 июня 1921 г. прибыл в Басру. Что правда, его приезд вызвал волнения в южной части страны, когда вспыхнуло восстание под руководством одного из претендентов на иракский трон – главы племени шаммар – бин Рашида. Окончательно восстание было подавлено британскими войсками лишь к ноябрю [6, с. 105]. Тем не менее, на общую ситуацию в стране это не повлияло.

Для законности назначения Фейсала королём, в начале августа 1921 г. был организован плебисцит, на котором абсолютное большинство, а именно 96%, что по подсчетам мандатных властей равнялось примерно 1 мил. голосов, дало свое согласие на коронацию сына меканского шерифа. Около 4% высказались против (в основном шииты из Кербелы и Наджафа, где в это время проживали муджтахиды). При этом, Сулеймания и некоторые другие курдские районы не были охвачены референдумом, была лишена возможности голосовать и значительная часть арабского населения страны [18, с. 152–153]. 23 августа 1921 г. Фейсал официально занял трон короля Ирака. Важнейшим приоритетом для себя король Фейсал объявил объединение всех жителей Ирака, вне зависимости от религиозной и национальной принадлежности в единую нацию. Этого не удалось сделать до наших дней, учитывая сложнейшую этно-конфессиональную ситуацию в стране.

Большинство мусульман Ирака (56% населения) были шиитами. По данным переписи 1919 г., проведенной англичанами, в Месопотамии проживало около 1,5 млн шиитов, при общей численности населения Ирака в 2,85 млн человек [26, с. 131]. Шиизм исповедывали оседлые арабы, проживавшие в южном и центральном

Ираке, а также персы, луры, индийцы и около трети иракских туркмен. В границах будущего государства Ирак накануне британского мандата немусульманское население составляло 6–7 % [18, с. 75].

Король Ирака Фейсал с сожалением и высокомерностью писал: «Прежнему, – и я говорю это с сердцем, полным печали, – не существует иракского народа. Есть только трудно вообразимые массы человеческих существ, лишенных какой-либо патриотической идеи, вдохновленных религиозными традициями и вздором, не связанных никакими общими связями, склонных к пороку и анархии, постоянно готовых восстать против вообще любого правительства» [33, с. 211].

Как справедливо писал известный британский востоковед Пирс Брендон о политике Великобритании в Месопотамии: «...там нет необходимости разделять, чтобы властвовать. Три миллиона жителей Ирака...едва ли можно считать нацией. Это путаница племен, множество различных владений шейхов» [34, с. 416].

5 октября 1921 г. Был сформирован постоянный Совет министров Ирака, который пришел на смену временному Административному совету, состоявший из суннитов, его вновь возглавил Абд ар-Рахман Гайлани. В состав кабинета, в качестве министра внутренних дел вошел Хаджи Ахмед Намджи, министром финансов вновь стал Сассун Эфенди Хаскиль, а министром обороны Джафар Аскари, министром юстиции – Наджи бин Юсуф Сувейди, министром торговли вновь Абдул Латиф, министром общественных работ – Иззет-паша, министром образования – шейх Абдул Карим Джазири, министром здравоохранения – доктор Ханна Хайят и министром вакфов – Сейид Мохаммад Али Фатих [25, с. 88].

Восстание в Ираке заставило Великобританию начать подготовку перехода с прямого управления Ираком на косвенное, началась кампания по провозглашению Ирака монархией во главе с третьим сыном шерифа Мекки Хусейна Фейсалом.

Список использованных источников и литературы

1. Ланда Р. Г. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на арабские страны // Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира. – М.: Наука, 1979. – С. 58–87.
Landa R. G. Vliyanie Velikoi Oktyabrskoi sotsialisticheskoi revolyutsii na arabskie strain // Velikii Oktyabr i aktualnii problemi arabskogo mira. – М.: Nauka, 1979. – S. 58–87.
2. Турция: рождение национального государства. 1918–1923: по документам РГАСПИ / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц. – полит. истории, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН: [сост. Шувалова Н. Б.]. – М.: Гуманитарий, 2007. – 352 с.
Turtziya: rozhdenie natsionalnogo gosudarstva. 1918 – 1923: po dokumentam RGASPI / Feder. arhiv. sluzhba Rossii, Ros. gos. arhiv sotz. – polit. istorii, In-t stran Azii i Afriki pri MGU im. M. V. Lomonosova, In-t naych. informazii po obshchestv. naukam RAN: [sost. Shuvalova N. B.]. – М.: Gumanitarii, 2007. – 352 s.
3. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах / под ред.: Ф. Д. Волкова, А. Д. Никонова. – М.: Иностранная литература, 1957. – Т. 2. – 556 с.
Lloid Dzhordzh D. Pravda o mirnih dogovorah / pod red.: F. D. Volkova, A. D. Nikonova. – М.: Inostrannaya literatura, 1957. – Т. 2. – 556 s.
4. Great Britain. Colonial Office. Report His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans – Jordan for the Year 1930. Colonial № 59. – L.: His Majesty's Stationary Office, 1931. – 261 p.

5. Политика США на Ближнем Востоке. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 282 с.
Politika SSHA na Blizhnem Vostoke. – М.: Izdatelstvo vostochnoi literaturi, 1961. – 282 s.
6. Ментешашвили А. М. Ирак в годы английского мандата. – М.: Наука, 1969. – 289 с.
Menteshashvili A. M. Irak v godi angliiskogo mandata. – М.: Nauka, 1969. – 289 s.
7. Great Britain and Palestine. 1919–1945. Information Papers №20. – Л., N.-Y.: Royal Institute Affairs, 1946; L.: Chatham House, 1946. – 177 p.
8. Tibawi A. L. Anglo-Arab Relations and the Question of Palestine 1914–1921. – Л.: Lucas, 1977. – 523 p.
9. Le Conflict du Moyen-Orient. Notes et Documents (1915–1967). – Bruxelles: Association International des Juristes Democrat. – 142 p.
10. Palestine Royal Commission. Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July, 1937. – Л.: His Majesty's Stationary Office, 1937. – 404 p.
11. Great Britain and Palestine. 1915–1936. – Л., N.-Y.: Oxford University Press, 1937. – 111 p.
12. Истоки и история проблемы Палестины. Часть I. 1917 – 1947. – Нью-Йорк: ООН, 1978. – 116 с.
Istoki i istoriya problem Palestini. Chast I. 1917–1947. – Nu-York: OON, 1978. – 116 s.
13. Kedourie E. In the Anglo-Arab Labirinth. The Mc. Mahon-Hussayn Correspondence and its Interpretations 1914 – 1939. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. – 330 p.
14. Cohen M. J. The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict. – Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1987. – 183 p.
15. Marlowe J. Rebellion in Palestine. – Л.: Cresset Press, 1946. – 279 p.
16. Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины (1897–2009 гг.) / Под ред. Щевелева С. С. – Симферополь – Киев: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
Batenko A. V., Bliznyakov R. A., Malishev D. A., Shchevelev S. S. Istoriya Palestini (1897 – 2009 gg.) / Pod. red. Shcheveleva S. S. – Simferopol – Kiev: o DOLYA, 2011. – 512 s.
17. Klieman A. S. Foundations of British Policy in the Arab World: The Cairo Conference of 1921. – Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970. – 322 p/
18. Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.
Tihonova E. V. Ttnokonfessionalnie obshchini Iraka v godi britanskogo mandata. – М.: Izdatelstvo LKI, 2007. – 240 s.
19. Сейранян Б. Г. Британская система косвенного управления на арабском Востоке // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). – М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – Выпуск 5. – С. 27–41.
Seiraiyan B. G. Britanskaya Sistema kosvennogo upravleniya na arabском Vostoke // Arabskie strani Zapadnoi Azii i Severnoi Afriki (istoriya, ekonomika i politika). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2002. – Vipusk 5. – S. 27–41.
20. Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – 208 с.
Kotlov L. N. Natzionalno-osvoboditelnoe vosstanie 1920 goda v Irake. – М.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1958. – 208 s.
21. Оганесян Н. О. Национально-освободительное движение в Ираке (1917–1958 гг.). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. – 394 с.
Oganesyan N. O. Natzionalno-osvoboditelnoe dvizhenie v Irake (1917–1958 gg.). – Erevan: Izd-vo AN ArMSSR, 1976. – 394 s.
22. Каууали А. W. Palestine: A Modern History. – Л.: Croom Helm, 1971. – 243 p.
23. История Востока: Восток в новейшее время, 1914–1945 гг. / отв. ред. Р. Г. Ланда; Институт востоковедения РАН – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 5 – 717 с.
Istoriya Vostoka: Vostok v noveishee vremya, 1914–1945 gg. / отв. red. R. G. Landa: Institut vostokovedeniya RAN. – М.: Vost. lit., , 2006. – Т. 5 – 717 s.

24. Vinogradov A. The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered: The Role of Tribes in National Politics // *International Journal of Middle East Studies*. – L. – Vol. 3, No. 2 (Apr., 1972). – P. 123–139.

25. Макаров Р. В. Политика Великобритании в Ираке в период мандата Лиги Наций (1920–1932 гг.): дис. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2013. – 240 с.

Makarov R. V. *Politika Velikobritanii v Irake v period mandata Ligi Natzii (1920 – 1932 gg.): dis. ...kand. ist. nauk: spetz. 07.00.02 – Simferopol: Tavricheskii natzionalnii universitet im. V. I. Vernadskogo, 2013. – 240 s.*

26. Степанова Н. В. Межконфессиональный и межэтнический конфликт в Ираке // *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Д. Воскресенского*. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 106–125.

Stepanova N. V. *Mezhkonnessionalnii i mezhetnicheskii konflikt v Irake// Konflikty na Vostoke: Etnicheskie i konfessionalnie: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / pod red. A. D. Voskresenskogo*. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С.106 – 125.

27. Despatch from Civil Commissioner, Mesopotamia, to Secretary of State for India. From Brevet Lieut.-Col. A. T. Wilson, C.S.I., C.M.G., C.I.E., D.S.O., Acting Civil Commissioner in Mesopotamia, Baghdad, to the Secretary of State for India, India Office, Whitehall, London, S.W.1. No. 344436/75/19. Office of the Civil Commissioner, Baghdad, 15th November 1919. / *The national archives*. – Catalogue Reference: CAB/24/96. – Image Reference: 0004 [the electronic resource]. – access mode: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/96/0/0004>. – 10.11.2012.

28. Societe des Nations. Mondats. Note du Gouvernement Britannique sur la situation politique en Mesopotamie. – Geneve, 1920. – 17 p.

29. Алиев А. А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Из-во Моск. ун-та, 2002. – 768 с.

Aliev A. A. *Iran vs Irak: istoriya i sovremennost*. – М.: Iz-vo Mosk. un-ta, 2002. – 768 s.

30. Report on Iraq Administration. – L.: His Majesty's Stationary Office, 1922. – 126 p.

31. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923 гг. – Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 499 с.

Fomin A. M. *Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya I Frantziya v borbe za «Osmanskoe nasledstvo». 1918–1923 gg. – Ruskii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauki*. – М.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010. – 499 s.

32. Шумов С. А., Андреев А. Р. Ирак: история, народ, культура: Документальное историческое исследование. – М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – 232 с.

Shumov S. A., Andreev A. R. *Irak: istoriya, narod, kultura: Dokumentalnoe istoricheskoe issledovanie*. – М.: Monolit-Evrolintz-Traditziya, 2002. – 232 s.

33. Львов В. В. Ирак: реалии власти и санкции // *Ближний Восток и современность*. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – Выпуск 4 – 1997. – С. 210–233.

Lvov V. V. *Irak: : realii valsti i sanktzii // Blizhnii Vostok i sovremennost*. – М.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka. – Vipusk 4 – 1997. – S. 210–233.

34. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 957 с.

Brendon P. *Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781–1997*. – М.: AST: AST MOSKVA, 2010. – 957 s.

Shchevelev S. S. The British Mandate and the Uprising of 1920 in Iraq.

The article examines the initial period of the mandate administration of Iraq by Great Britain, the anti-British uprising of 1920. The chronological framework covers the period from May 1916 to October 1921 and includes an analysis of events in the Middle East from May 1916, when the secret agreement on the division of the territories of the Ottoman Empire after the end of World War I (the Sykes-Picot agreement) was concluded before the proclamation of Faisal as king of Iraq and from the formation of the country's government. This period is a key one in the Iraqi-British relations at the turn of the 10-20s of the XX century. The author focuses on the Anglo-French negotiations during the First World War, on the eve and during the

Paris Peace Conference on the division of the territory of the Ottoman Empire and the ownership of the territories in the Arab zone. During these negotiations, it was decided to transfer the mandates for Syria (with Lebanon) to the France, and Palestine and Mesopotamia (Iraq) to Great Britain. The British in Iraq immediately faced strong opposition from both Sunnis and Shiites, resulting in an anti-English uprising in 1920. The author describes the causes, course and consequences of this uprising.

Keywords: Iraq, Great Britain, League of Nations, Faisal, Churchill, mandate, uprising, Sunnis, Shiites.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абибуллаева
Диляра
Ильясовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Багрин
Егор
Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Бибешко
Елена
Владимировна** кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Букатов
Андрей
Алексеевич** кандидат физико-математических наук, заведующий отделом подводной археологии Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»» (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Кондратюк
Григорий
Николаевич** доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Кравчук
Александр
Сергеевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; доцент кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Куручкин
Сергей
Сергеевич** аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Михайлов
Вадим
Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург,

Российская Федерация).

**Молева
Наталья
Владимировна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация).

**Непомнящий
Андрей
Анатольевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Прохорова
Татьяна
Александровна**

кандидат исторических наук, заведующий научно-архивным отделом Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»» (г. Севастополь, Российская Федерация).

**Слинкин
Михаил
Михайлович**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, (г. Москва, Российская Федерация).

**Шипилин
Павел
Игоревич**

аспирант кафедры культурологии Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Щевелев
Сергей
Стефанович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Абибуллаева Д. И.

Формирование и развитие мусульманских благотворительных обществ в Крыму (в конце XIX – начале XX века)..... 3

Багрин Е. А.

«Бунт» или «смятение»? : к вопросу о характере беспорядков удинских и селенгинских служилых людей в 1696 г. 19

Бибешко Е. В., Шипилин П. И.

Лапландская война: к вопросу об отражении конфликта в зарубежной и отечественной историографии..... 37

Букатов А. А., Прохорова Т. А.

«Археология и Крымская война. Эпизоды»: материалы подводных исследований и опыт создания выставки в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» 46

Кондратюк Г. Н.

Переселение в Крым евреев: начальный этап (1924–1928)..... 63

Краевчук А. С.

Ветераны за преподавательской кафедрой Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина: просопографический портрет 72

Курочкин С. С.

Великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич в Севастополе в 1854–1855 гг.: по официальным документам архива А. И. Философова. 86

Михайлов В. В.

Младокурды и младотурки: особенности национально-политических движений в Османской империи в конце XIX – начале XX вв. 96

СОДЕРЖАНИЕ

Молева Н. В.	
Инталья с изображением пантеры из китейского святилища	104
Непомнящий А. А.	
Профессор Виктор Филоненко: неизвестные страницы биографии: по новым документам архивов Москвы и Санкт-Петербурга	110
Слинкин М. М.	
К публикации книги воспоминаний М. Ф. Слинкина «Афганские встречи и беседы»	131
Щевелев С. С.	
Британский мандат и восстание 1920 года в Ираке	140
Сведения об авторах	154